

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2005**

**АДАР-2
5765**

N 4 (156)

БЫТЬ НУЖНЫМ – БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

אִי דאַעַוְנֵיט אַ נֵיט אַי אַעאַאי אַי דאַאַעַי אַ די נֵנֵעַ

Принимают советского человека в КПСС. На парткоме спрашивают: «Вот если б у тебя была машина, отдал бы ты ее родной Коммунистической партии?» «Отдал бы», – радостно отвечает кандидат. «А если б у тебя была дача?» – «И дачу бы отдал». – «Ну а если б, к примеру, было у тебя стадо коров?» – «Отдал бы, – твердо заявляет будущий коммунист, – ничего не пожалел бы для родной партии!» – «Ну а курицу?» – «Нет, курицу не отдам». Удивились члены парткома: «Это как же понимать? Машину готов отдать, дачу, коров, а какую-то курицу не хочешь. Почему?» Вздохнул кандидат, потупился: «Да ведь курица-то у меня есть...»

Когда этот анекдот рассказывали во времена Советского Союза, он, конечно, вызывал смех. Но сейчас нет ни той партии, ни Советского Союза, и герой анекдота воспринимается уже не столь однозначно. Ведь, по сути, человека спрашивают, что он согласен отдать ради кого-то другого. А человек отвечает, что охотно отдаст только то, чего у него нет...

Вопрос, чем не жаль поступиться для ближнего, встает перед нами. Что мы готовы дать семье, общине, народу? Участие в жизни общины – это для нас важное дело или так, «для галочки»?

Самая серьезная, на мой взгляд, проблема современного человека в том, что он слишком замкнул на самом себе, мир его чувств и представлений до предела сужен, ограничен собственными целями. Да, наши мудрецы говорили: «Человек ближе всего к самому себе», но эту мысль надо понимать как констатацию факта, а не как руководство к действию. Еврейская традиция одобряет то, что люди заботятся о своих потребностях, в том числе материальных, но требует, чтобы они заботились не только о своем благе. Велено же «возлюбить ближнего, как самого себя!» К сожалению, современная жизненная философия, философия «века массового потребления», укрепляет человека в том, что заботу он должен проявлять в первую очередь о себе. И во вторую о себе, и в третью...

Истинная забота о другом в этих обстоятельствах подменяется притворством, фальшью, «показухой». Наше время – время не только потребления, но еще и неслыханного объема информации. Это дает любому эгоисту почти неограниченные возможности производить нужное впечатление, получать «информационную выгоду» от действий, практический смысл которых может быть нулевым, а может быть и вообще вредным. В наиболее «продвинутом» обществе, американском, дело дошло до абсурда: критерием ценности человека объявлена частота упоминания его имени в Интернете! Человек приучается всё время заботиться о своем рейтинге, словно он – телепередача. Привыкает жить напоказ – не жить, а «выглядеть».

Разумеется, всё это противоречит человеческой натуре. Когда Б-г сотворил Адама, Он сразу поставил перед ним задачу: дать нечто другим. Вспомните: еще до того, как Б-г создал женщину и дал людям заповедь любви, Он привел всех зверей и птиц к человеку, чтобы тот дал им имена. Так Б-г сделал человека сопричастным Его творению, позволив наделять других тем, что им необходимо.

Пример глубоко осмысленного следования заповеди Б-жьей продемонстрировал нам известный законоучитель, раввин Дов-Бер Соловейчик. Как-то раз, когда он вел урок, к нему подошел человек с алохическим вопросом: можно ли во время пасхального сейдера пить не вино, а молоко? «А что, врачи тебе вино не позволяют?» – сочувственно осведомился раввин. «Да нет, – сказал в ответ человек, – просто оно мне не по карману». Раввин тут же вынул из кармана 25 рублей и протянул их спросившему человеку.

Обрадованный бедняк ушел, а ученики с удивлением спросили Соловейчика, зачем он дал незнакомому такую огромную сумму. Бутылка-то вина стоит всего рубль, – даже если у бедняка большая семья, пяти рублей за глаза бы хватило! Что же ответил раввин? «У этого человека нет денег не только на вино, но и на мясо – иначе он не стал бы заменять вино молоком, боясь смешать мясное с молочным. Значит, в доме у него вообще плохо с едой. Значит, в сейдер семья не сможет веселиться, как заповедано. А я, по-вашему, смогу веселиться, зная, что рядом плачут голодные еврейские дети? Лучше уж я дам ему как можно больше, зато эта семья наверняка сможет соблюсти заповедь о праздничном веселье...»

Прислушайтесь: раввин Соловейчик проявляет заботу не только о семье бедняка, но и о себе! Он выполняет заповедь о помощи, но также облегчает собственную душу, дав ей возрадоваться радости ближнего. Вот оно – главное счастье человека: быть нужным. Нужным близким и друзьям, нужным природе – словом, всему живому. Именно ощущение своей нужности и удовольствие от него дает община: она позволяет делиться с людьми и радоваться тому, что мы смогли прийти на помощь. Один дает деньги, второй находит работу, третий поможет добрым словом: во всех случаях человек берет на себя ответственность за остальных, за то, что вокруг него, и это наполняет его бытие. Только живя в неразрывном единении с общиной, человек познаёт счастье быть евреем. Он думает: «Я был создан, чтобы служить Б-гу, а не себе. И время, дарованное мне Им в этой жизни, это время, за которое я должен выполнить эту главную задачу».

В заключение еще одна история. Мне кажется, она способна убедить кого угодно, что самое важное в жизни – быть нужным. У Ребе работал бухгалтер. Однажды он заболел и попал в больницу. Врачи заявили, что ему нужен полный покой, и запретили визиты родных и знакомых. Но тут к Ребе пришел секретарь и сообщил, что у них не решен какой-то финансовый вопрос. Ребе велел ему пойти в больницу к бухгалтеру и попросить помощи. «Простите, Ребе, – говорит секретарь, – наш бухгалтер очень скверно себя чувствует, он даже не встает с постели... Вопрос-то у нас простой, любой другой счетовод сможет меня проконсультировать». Но Ребе настоял – и целая делегация отправилась в больницу, «пробилась» через все кордоны, перехитрила врачей и устроила у кровати больного длительное совещание.

Знаете, что было дальше? С того самого дня бухгалтер пошел на поправку. Окончательно выздоровев, он явился в контору, первым делом отыскал секретаря и горячо поблагодарил его за визит. «Понимаете, – улыбался он, – я там лежал, один, ничего не делаю, и чувствовал себя таким ненужным, что даже жить не хотелось! И вдруг приходите вы, задаете вопросы, просите совета... Тут я снова ощутил себя человеком!»

לעזר אדם דאזער דינע אדם עפעס

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

(АЙ ДАЭУЊЕЭАЙ І НЭАЙ ЕВ ЕР АААЕХ НЭТАЙ ДААА

АДІА НЭІІ ІІ

І ДАІ АДАЕАЙ ЕА І ЕДИ СААЙ ЕВ

НАЕАА ОА ОА ЭУЊОАА ОІ ДУ

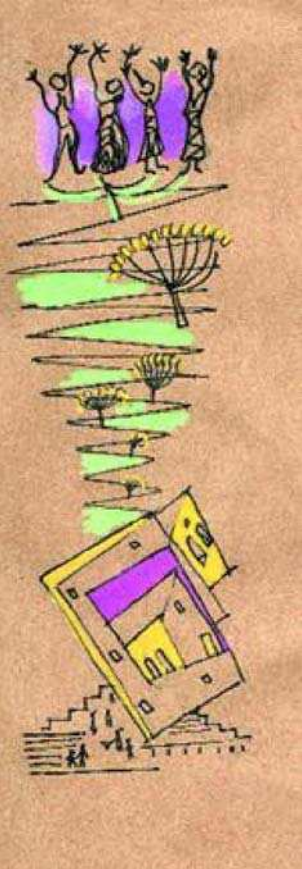
Тора говорит, что разведчики, посланные Моше высмотреть землю Кнаанскую, вернулись в растерянности и объявили: «Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас» (Бемидбар, 13:31). Ребе указывал: в этих словах заключается ложная предпосылка, будто преобразование нашего дольного бытия – невозможно. По Ребе, разведчики исходили из представления о том, что тварный мир природы является реальностью в себе самом, а не подчиняется духовному царству. Восприятие реальности, нашедшее выражение в словах разведчиков, предполагает существование абсолютной границы между духовным и материальным, между мирами Б-га и миром человека. Б-г всемогущ, силы человека – ограничены, и, значит, сотворенное Б-гом человек изменить не может. Именно поэтому разведчики выступили против завоевания Кнаана и предпочли продолжить служение Б-гу в пустыне. По Ребе, жизнь в пустыне, земли которой непригодны для обработки, – это жизнь, свободная от земных помыслов и всецело сосредоточенная на духовном. Мы видим, что разведчики были весьма последовательны в своем заблуждении.

Важно помнить: разведчики выбирались среди лучших и были людьми высочайшей нравственности. Раши специально подчеркивает в своем комментарии, что о посланных высмотреть Кнаан в Торе сказано «все эти мужи», а «везде в Писании “мужи” означает “почтенные, достойные”» (Раши на Бемидбар, 13:3). Поэтому проблема, с которой мы сталкиваемся, размышляя над этим эпизодом Торы, весьма сложна и неоднозначна.

Один из аспектов проблемы связан с тем, что слова разведчиков «народ тот сильнее нас» могут быть прочитаны по-разному. В оригинале для передачи значения «сильнее» в Торе употребляется слово «мимену», которое может быть понято и как «сильнее, чем мы», и как «сильнее, чем Он». В комментарии Раши, со ссылкой на комментарий Сота, подчеркивается: «сильнее Он нас (или: Его). Будто такое возможно, сказали так по отношению ко Всевышнему (то есть они святотатствовали)» (Сота, 35 а; Арахин, 15 а).

По сути разведчики объявили не только то, что преобразование земли Кнаанской не под силу пришедшим из пустыни евреям, но что эта задача неразрешима для Б-га.

Ребе показывает нам внутреннюю противоречивость и несостоятельность такой позиции. Разведчики – люди Б-гобязанные, и они признают, что мир является Б-жиим творением. А из этого следует, что мир принадлежит Б-гу. И при этом, если исходить из представлений, косвенно выраженных в словах разведчиков, Б-г, которому принадлежит этот мир, не может распоряжаться Своей собственностью по Своему усмотрению. То есть разведчики отрицают всемогущество Б-га! Причина этого – в исходных

ошибках представлений, которых они придерживались. «Геология разведчиков» объявляет завоевание материального царства во имя духовных ценностей невозможным, она не подразумевает преобразования мира. Тора учит: «Берегите же очень души ваши, так как никакого образа не видели вы в тот день, когда говорил с вами Б-г у Хорева из огня» (Дворим, 4:15). Это научение разведчики усвоили, но их ошибкой была вера в то, что Создатель мира и физических тел, заповедавший блюсти души, создал физическое не ради того, чтобы оно прошло преобразование и вместило в себя духовное. Им казалось, что подобное преобразование противоречит законам природы – законам, установленным Самим Творцом. Именно о неправильности предпосылок такой теологии говорит эпизод с разведчиками.

О повиновении законам природы сказано и в Талмуде (Псохим, 67б), и кабалистами (Зогар, II, 111а, 112б): подобная мысль звучит с акцентом на том, что не следует полагаться на чудо. Но и Талмуд, и кабалисты признают телесное и физическое инструментами Б-жественной воли.

Рамбам также отмечает, что телесное здоровье – предпосылка духовной активности (Законы знаний, 4:1). А первые хасидские наставники, в частности Баал-Шем-Тов, настойчиво напоминали ученикам, что не следует разграничивать телесное и духовное, наоборот, нужно стремиться, чтобы тело соучаствовало в нашей духовной жизни. Недаром Магид учил: даже незначительные телесные изъяны могут стать серьезным препятствием для наших духовных усилий.

נָאֵלְאֹאֵיִןוֹאֵיִן לְעֵבְרִיִּים

В подтверждение того, что представления о преобразении мироздания составляют самую сущность нашей веры, Ребе ссылается на мидраши, в частности на то, как использовал их Раши в комментарии к Торе.

Комментируя первый стих книги Брейшис, «В начале сотворения Б-гом неба и земли», Раши приводит и слова псалма: «Силу дел Своих явил Он народу Своему, чтобы дать им владение племен» (Теилим, 111:6). Сама эта ссылка подтверждает права народа Израиля на Кнаанскую землю. Земля Израиля – олицетворение царства святости, что подтверждается и Торой, которая говорит о Земле обетованной, что это «страна, о которой Б-г, Всесильный твой, заботится всегда, глаза Б-га, Всесильного твоего, на ней от начала года и до конца года» (Дворим, 11:12). А поскольку сказано пророком Хабакуком о Всесильном: «Чисты глаза Твои, чтобы видеть зло, и смотреть на беззаконие не можешь Ты» (Хабакук, 1:13), то Израиль в таком контексте олицетворяет осознанную покорность Б-жественной воле (причем акцент делается на осознанности подобного поведения, ибо в противном случае был бы нарушен примат свободного выбора).

В Мидраше слово «эрец» («страна») толкуется как производное от глагола «рац» («вести дела»). Тем самым понятие «страна Израиля» подразумевает, что народ Израиля исполнен глубочайшего внутреннего стремления следовать воле Б-га. Кабалистическая литература указывает, что в иврите слово «Израиль» будет читаться как акrostих из начальных букв фразы «в Торе 600 000 букв». А если говорить не о народе в целом, а о каждом человеке в отдельности, то Израиль выступает эквивалентом стремления к совершенству в Б-жественном служении, подразумевающим и подавление в себе отрицательных качеств, и исполнение всех заповедей «делай».

Для Ребе в истории Земли обетованной, – которая изначально была населена семитами, затем завоевана племенами Кнаана, а потом вновь отвоевана во имя того, чтобы стать Святой землей, – можно видеть аналогию тому, как мирское преобразуется в священное. Кроме духовного служения Б-гу, все наши земные усилия также должны быть направлены ко Всевышнему: «Во всех путях твоих познавай волю Его, и Он выпрямит стези твои» (Мишлей, 2:6). Завоевание Кнаана в том числе символизирует использование времени, формально отпущенного на помыслы о земном, во имя духовного.

Ребе подчеркивает: как завоевание Кнаана сделало эту страну сущностно иной, так и преобразование материального мира направлено на его одухотворение. В свете подобных представлений понятно особое значение преобразования народа, пребывающего в рассеянии, в народ Святой страны, ибо тем самым физическое преобразуется в духовное.

אֵיךְ לְעִבְרָתָא דְּחַיִּים בְּעוֹלָם הַחַיִּים

Претворение идеалов в жизнь должно опираться на алохический закон. Однако вспомним: проживание в среде, враждебной духовным ценностям, трактуется как крайне нежелательное. Рамбам, систематизируя алохические установления, указывал: следует всячески избегать жизни в окружении тех, чьи нравы несовместимы с законами Торы. Значит ли это, что материальное – то есть среда, в которой мы живем, – довлеет над нами? И можно ли говорить о преобразении материального, ведь закон велит нам отступить? Ребе обращает внимание на то, что правило, выведенное Рамбамом, следует читать в контексте вводных замечаний к тому разделу, в котором это правило сформулировано. А Рамбам говорит во введении, что люди инстинктивно склонны поддаваться давлению среды. Отсюда следствие: правило Рамбама распространяется на тех, кто недостаточно самостоятелен, и не касается тех людей, кто обладает сильной мотивацией, направленной на преобразование косного окружения – и располагает необходимыми для этого силами. Правило, сформулированное Рамбамом, призвано оберегать от негативных последствий, а не блокировать активность, направленную во благо.

חֻק הַתְּשׁוּבָה וְהַתְּשׁוּבָה

Учение о преобразении мироздания – один из краеугольных камней учения Хабад. Характерно, что и кабалистическая, и хасидская традиции постоянно возвращались к толкованию и комментированию вещего сна Йосефа, который он рассказывал братьям: «Вот мы вяжем снопы посреди поля, и вот поднялся мой сноп и стал, и вот кругом стали ваши снопы и поклонились моему снопу» (Брейшис, 37:7). Ребе тоже не раз возвращался к символике этого сна, но сейчас нас интересует прежде всего то, что связано с темой преобразования мироздания. Перед нами стоит великая задача собирания рассеянных искр и восстановления мира в том облике, в котором он был замыслен Б-гом. Рабби Шнеур-Залман из Ляд писал, что мы должны вознести эти рассеянные искры Б-жественности из их состояния «отпадения от Б-га» к единению с Б-жественным. Символика сна Йосефа дает представление о сущности этого восстановления: отдельные колосья, разбросанные по полю, собираются и вяжутся в снопы.

Ребе подчеркивал, что для правильного понимания наших усилий в этом направлении мы должны вспомнить о том, что события, отраженные во сне Йосефа, развертываются в поле. Поле – это внешнее пространство, и чтобы очутиться там, мы должны покинуть жилище, иначе говоря, сделать осознанное усилие и выйти в мир, за пределы организованного нами и оберегающего нас пространства. Речь идет и о преодолении границ нашего «я»: только тогда возможно «собираание колосьев». Наш личный внутренний рост на путях постижения Торы и исполнения заповедей чрезвычайно важен, однако это еще не всё: наша функция в мироздании к этому не сводится, мы должны оставить «обитель учения» и действовать за пределами ее стен.

Поясняя этот образ, Ребе напоминал: в соответствии с учением школы Хабад, человек, вознамерившийся трансформировать к лучшему косную среду, окружающую его, получает поддержку от Б-га, которая прежде всего защищает его от негативного воздействия этой среды. Напоминая положение Талмуда о том, что всякий, возжелавший очиститься, получает в том Б-жественную поддержку, рабби Шнеур-Залман из Ляд утверждал, что всякий, возжелавший очистить своих близких, тем самым исполняет не только букву, но и дух Закона, расширяя зону активности, поддерживаемой свыше.

Важно замечание Ребе о том, что собирание искр подразумевает нашу особую активность на периферии зоны, возникающей вокруг некоего духовного центра. Этот центр является местом учения, периферия же – полем, где следует собирать колоски и вязать их в снопы. Ребе весьма радикален в своих формулировках. Так, он вспоминает высказывание рабби Шнеура-Залмана, проводившего параллель между возвращением через тшува к Б-гу отдельного человека и собиранием искр в масштабе всего мироздания.

Ребе подчеркивал: не случайно в круге годовых чтений Торы раздел, в котором повествуется о сне Йосефа про снопы, выпадает, как правило, на субботу между хасидским праздником 19 кислева (днем освобождения рабби Шнеура-Залмана из узилица) и праздником Ханука. В свое время рабби Ишайя Горовиц сформулировал правило, согласно которому чтение того или иного раздела Торы глубочайшим образом связано с тем периодом, когда это происходит. Следуя этому правилу, Ребе показывает: оба праздника, соотносимые с чтениями о сне Йосефа, в своей символике заключают идею преобразования периферии.

Праздник 19 кислева знаменует начало распространения учения хасидов среди широкого круга последователей. Так же в символике Хануки заключен акцент на расширении духовного влияния на мир, что находит выражение и в том, что праздничная менора обязательно располагается таким образом, чтобы свет ее был виден снаружи. Ханукальная менора освещает внешнюю тьму, несет свет вовне – тьма отпадения от Б-га преодолевается через совершение тшувы.

Следуя книге Зогар, Ребе поясняет глубинный смысл воздаяния в виде сорокалетнего скитания по пустыне, наложенного на народ Израиля за вину разведчиков, побоявшихся войти в землю Кнаанскую. Тора говорит: «По числу дней, в течение которых высматривали вы страну, сорок дней, по году за каждый день, понесете вы наказание за вину вашу, сорок лет, чтобы поняли вы, что отвратили вы сердца свои от Меня» (Бемидбар, 14:34). Ребе указывает: идея, которую должен был вынести из этих скитаний Израиль, состояла еще и в понимании того, что даже пустыня может преобразиться, если только это будет угодно людям. Пророк Ирмияу дает пустыне такое определение: «Земля степей и пропастей, земля иссохшая и земля могильной тьмы, где никто не проходил и не жил человек» (2:6). Акцент здесь сделан на том, что эта земля неплодородная и необитаемая. Однако присутствие Израиля меняет пустыню. Она становится обитаемой, не иссохшей – ведь там, где находится стан евреев, бьет источник Мириам, а рядом с ним пробивается растительность...

В ответ на «теологию разведчиков» Израилю было явлено: мироздание может быть преображено, а материальное поддается духовному воздействию.

Ī DĒĪ ÀÒ ÁÁĒŃÒÁÈĒ

Сколь настойчиво Ребе напоминал, что задача человека – преобразование мироздания и превращение его в истинную обитель Б-га, столь же постоянно он подчеркивал, что это преобразование достигается прежде всего через действие. Но чтобы физическое действие могло преобразить мир, оно должно быть таким действием, толчком к которому служит верность духовному идеалу.

Ребе указывал: в кабале мир физических проявлений получил название Ойлом а-Асия («мир действия»), в иерархии миров он является самым нижним. В этом мире более всего проявляется отдаленность от Б-жественной реальности, но тем насущнее становится задача трансформации этого мира.

Через исполнение заповедей осуществляется единение человека, в его «физичности», и Б-га, в его духовности, и тем самым Б-г воздействует на физическое бытие и дает нам инструмент для его преобразования.

ŃÁÈÁÁÒÁĒŮŃÒÁĪ ÒĪ DŮ

Доказательство того, что духовное может и должно оказывать воздействие на физическое, Ребе видит в благословении, которое совершается при брис мила.

Рамбам обращает внимание на то, что соблюдение заповеди об обрезании в ее современном виде восходит не к Аврааму, совершившему обряд брис мила, но к заповеди, данной Б-гом Моше: «А в день восьмой пусть обрежут крайнюю плоть его» (Ваикро, 12:3). Однако Ребе напоминает, что в благословении присутствует особое упоминание Авраама.

Мидраш проводит разницу между заповедями, исполняемыми до Синая – и после. Пользуясь образным сравнением, Мидраш говорит: первые подобны ароматической отдушке, тогда как вторые – настоящим духам.

И всё же в благословении при брис мила говорится о «завете Авраама», а эта формула, несомненно, слабее, чем «завет с Б-гом».

Чтобы разрешить это противоречие, Ребе напоминает слова рабби Шнеура-Залмана из Ляд о том, что брис мила «отмечает вхождение души Б-жественной». Далее Ребе цитирует слова Талмуда, которые, казалось бы, противоположны словам рабби Шнеура-Залмана: согласно Талмуду, душа существует еще до рождения. И Талмуд говорит, что «ребенок во чреве матери научен внутренней Торе» (Нида, 30б). Более того, Талмуд

указывает: существование души до рождения выше, чем после, ибо до рождения она не сталкивается с отвлекающим ее и мешающим ей воздействием животной души (Сангедрин, 91а). Но Ребе считает, что понятие «вхождение», использованное рабби Шнеуром-Залманом из Ляд, относится к воздействию Б-жественной души на тело, когда их совместное бытие превращает тело и душу в единую сущность. Бытие Б-жественной души до рождения – стадия, которая предшествует ее схождению в тело, на этой стадии даже животная душа младенца не является еще независимой сущностью, ибо ее бытие поддерживается питанием, поступающим от матери. И именно после рождения, во время брис мила, присутствие Б-жественной души проявляется во всей осязаемости, становясь знаком вечного завета на физическом теле: «Непременно будет обрезан тот, кто в доме твоём рожден, и тот, кто куплен за деньги твои, и будет союз Мой в вашей плоти запечатлен – вечный союз» (Брейшис, 17:13). В этом Ребе видит указание на примат действия.

На иврите сочетание «брис ойлом» может означать как «вечный завет», так и «завет для мира». Поэтому Ребе указывает, что заповедь о брис мила имеет особый статус, ибо она призвана сделать завет, заключенный с народом Израиля, явным для всего мира. Заповедь обрезания особенно важна для иудаизма, потому что она демонстрирует физическое воздействие идеалов, выраженных в Торе, на тело человека. Также и остальные заповеди являются средством для преобразования и возвышения самых «физичных» сторон человеческого существования.

существует». Даже такой защитник «гармонии науки и Торы», как профессор Лео Леви, обсуждая эволюцию, высказывается презрительно о теории Дарвина.

Однако, несмотря на то, что религиозные мыслители отвергают теорию эволюции как ненаучную, в основе ее лежит теория о происхождении видов, принятая практически всеми биологами. Каждый день в тысячах лабораторий по всему миру ученые проводят эксперименты, основанные на выводах из этой теории. Слова нобелевского лауреата Джеймса Уотсона, открывшего структуру молекулы ДНК, написанные 25 лет назад, в наше время не менее актуальны: «Сегодня теория эволюции – устоявшийся факт для всех, кроме фундаменталистского меньшинства, возражения которого основываются не на логических обоснованиях, а на доктринерской приверженности религиозным принципам».

Возможно, одна из причин неуважения к мнениям экспертов по эволюционной биологии в том, что эта теория доступна в популярном виде. Ее послышки легко объяснить, а для ознакомления с основными механизмами не нужны сложные математические выкладки, без которых не обойтись, если речь идет о других научных постулатах, таких, как квантовая механика или теория относительности. Она доступна для понимания и изучается даже в старших классах школы. Непрофессионал скорее станет нападать на теорию эволюции, чем на квантовую хромодинамику, о которой он, вероятно, даже не слышал.

Однако этих доводов недостаточно, чтобы объяснить позицию профессора Леви, выдающегося ученого и автора учебника по оптике. Физик не станет мириться с тем, что биолог дерзко отрицает уравнения Максвелла или объяснение фотоэффекта, данное Эйнштейном. С биологами происходит именно так: кто-то может отвергать их повсеместно принятую теорию, особенно если этот кто-то – не специалист в данной области.

Кажется, главная причина того, что религиозные евреи позволяют себе, обсуждая теорию эволюции, презрительный тон, которого не позволяют в отношении физики, лежит в природе проблем, которые ставят эти науки. Теория Большого взрыва ставит под вопрос веру именно в буквальную трактовку первых глав Библии – того раздела, который заводил в тупик даже самых великих комментаторов. Многие традиционные еврейские мыслители ничтоже сумняшеся объясняли аллегорически или метафорически те отрывки, которые противоречили их взглядам. Иудаизм требует веры в Б-га как создателя Вселенной, но его сравнительно мало заботит, как именно и когда именно Он ее создал.

Дарвинизм же, на первый взгляд, ставит под сомнение не просто какие-то отрывки или идеи, а сами философские основы религии.

ΟΑΙ ΔΕΒ ΥΑΙ ΕΡ ΟΕΕ ΑΔΑΕΙ Α

Религиозные мыслители часто апеллируют к слову «теория», чтобы подчеркнуть, что даже биологам не хватает убежденности в вопросах эволюции. На самом деле слово «теория» обозначает здесь научную теорию, то есть предположение относительно механизма или всеобщего закона, стоящего за набором эмпирических наблюдений. Например, теория Ньютона о всемирном тяготении – это механизм, используемый для объяснения движения планет по небу и падения яблок на Землю, но нет нужды напоминать, что, если оставить в стороне незначительные поправки, внесенные теорией относительности, никакой уважающий себя ученый не станет ставить под сомнение верность этой теории.

Дарвин утверждал: поскольку на Земле произошли и продолжают происходить систематические изменения, то жизнь на Земле тоже должна изменяться, иначе бы она прекратилась. Природа предоставляет бесконечное количество примеров случайных наследственных изменений, которые возникают вне зависимости от их биологической пользы. Плодовитость живых существ ведет к непрерывающейся борьбе за существование – в такой борьбе выживут особи с благоприятными изменениями, а менее удачливые погибнут. Хотя каждое изменение более или менее незначительно, их последовательное накопление от поколения к поколению ведет к переменам, которые уже нельзя назвать незначительными. Дарвин пытался обосновать свою точку зрения, используя научные методы, как их понимал английский философ науки Уильям Уэвелл: «Лучшая наука – та, которая пытается объединить разрозненные области исследования под одним общим принципом». Эта интеграция, которую Уэвелл определял как «совпадение выводов», действует в двух направлениях. С одной стороны, объединяющий принцип проливает свет на различные области. С другой – вместе эти области подтверждают объединяющий принцип. Как в суде можно определить виновного посредством косвенных доказательств, так и в науке можно продвинуться за рамки гипотезы опосредствованно, благодаря косвенным доказательствам.

Следует различать факт эволюции и путь эволюции. Майкл Руз, философ науки и поборник дарвинизма, определяет факт эволюции как «естественное развитие и изменение организмов от поколения к поколению». Дарвин в своем труде «О происхождении видов» пытался установить факт эволюции. Он показал, что многие из проблем, возникающих в различных областях биологии, решаются благодаря гипотезе эволюции.

Почему есть изоморфизм (сходство) между костями руки человека, передней ноги лошади, крыльев птицы и летучей мыши, плавника кита и лапы крота? Ведь все эти конечности используются для разных целей. Потому что эти особи происходят от общих предков. Почему эмбрионы человека и собаки почти неразличимы, а взрослые особи абсолютно разные? Потому что у них общее происхождение.

Далее, меняя направление рассуждений, Дарвин утверждает, что и гомология передних конечностей, и идентичность эмбрионов – это всё «отпечатки пальцев», «следы крови», опровергнутые алиби эволюции. Если собрать вместе все улики, «дело об эволюции» предстает как на ладони.

Но Дарвин не только разработал теорию эволюции, он пошел дальше: предложил систему, по которой эволюция происходит. При условии, что рост популяций может быть быстрым, а ресурсы, необходимые для жизнедеятельности (пища, среда обитания) ограничены, этот потенциал роста не может быть реализован. Неизбежна «борьба за существование», которая может проявляться и очевидным способом – например, в виде боя между двумя особями и скрыто – когда некоторые организмы становятся более плодовитыми. Природа предоставляет множество вариантов – различие в размере, весе, скорости, силе – поэтому логично предположить, что выживут особи, лучше подготовленные к обитанию в данной среде. Дарвин проводил аналогию с селекционерами животных и растений, которые добиваются изменения вида, отбирая нужные признаки (искусственный отбор), а механизм эволюции назвал естественным отбором.

Дарвин плохо представлял себе природу новых органических изменений. Последующая работа в области генетики, а позже молекулярной биологии пролила свет на природу наследственности и мутации. Современная трактовка теории эволюции Дарвина, объединяющая все современные открытия, известна как «новый синтез». Несмотря на то что в свете новых исследований в теорию эволюции были внесены изменения, основной механизм, предложенный Дарвином, по-прежнему признается научным сообществом.

À Î Ç Ð À Æ Á Î È Æ Í À Ò Á Î Ð È Ñ Ý Á Î È Ñ Õ È È

Один тип возражений в адрес дарвинизма можно назвать «метанаучным»: это нападки на логические обоснования, на которых базируется вся наука, в том числе теория эволюции. «Совпадения индукций» Уэвелла можно назвать основой методологии всей науки, и отрицание ее обоснованности ставит под вопрос корректность любой научной теории. Такую общую критику поддерживает любавичский хасидизм: наука обоснованна только в эмпирических проявлениях, а как только она выходит из строго описательной области в область предположений, то теряет обоснованность. Профессор Брановер, приверженец любавичского хасидизма, поясняет: «Когда мы проводим физические или химические лабораторные опыты и устанавливаем четкую схему поведения, мы имеем дело с объективными научными фактами. Так же, когда мы опираемся на измерения величин, недоступных непосредственно человеческому восприятию, – например, спектральные или радиотелескопические измерения, исследования микрочастиц, – мы не ставим под сомнение научную объективность. Выводы, основанные на последствиях явлений, в том виде, в каком они предстают в процессе измерений или наблюдений, объективны, тогда как попытки теоретизирования о сути объектов, которые вызывают эти явления, а также об истории этих объектов были, есть и будут научными домыслами».

Профессор Брановер считает: то, что нельзя наблюдать или испытать непосредственно, должно считаться «домыслом», а поэтому не может быть «верным». Но в таком случае ничто не может быть верным на сто процентов! Возможно, эта позиция логически безупречна, но я не верю, что есть люди, которые живут именно так. Люди обычно руководствуются принципом вероятности. Можно утверждать, что, даже если что-то может случиться с вероятностью один к миллиарду, это еще не значит, что это не произойдет никогда. Тем не менее, если мне придется просидеть в ожидании чего-то 1025 лет, я всё равно использую слово «никогда», и здравый смысл в данном случае полностью оправдан. Люди, в том числе и ученые, принимают понятие индукции. Если что-то было верным на протяжении всей моей жизни и на протяжении жизни моего отца и я никогда не слышал о том, что это может быть иначе, то я могу предположить, что это будет верным и завтра. Логическая казуистика, которой занимается Брановер, отстаивает старое убеждение, что люди не могут знать правду – если эта правда и в самом деле существует.

Ученым нравится представление о совпадениях, предложенное Уэвеллом, и, хотя в глубине души каждый знает, что даже в том, что доказано, остается толика сомнительного, однако чем дальше теория подтверждается экспериментами, чем подробнее она объясняет имеющиеся факты, тем достовернее она становится. Тогда, говоря об этой теории, мы употребляем слово «истинная», хотя, строго говоря, не имеем права употреблять этот термин. В любом случае, трудно принять позицию, которая подтверждает любые понятия, за исключением непосредственного чувственного восприятия. Успех современной науки и быстрое развитие технологий, которые являются прямым результатом прогнозов, сделанных на основе современных научных теорий, могут служить подтверждением обоснованности методов Уэвелла.

Другие противники теории эволюции принимают сам научный метод, но утверждают, что, согласно этому методу, Дарвин ошибался.

Профессор Леви приводит возражения, типичные для религиозных философов. Хотелось бы обсудить один частный вопрос, поднятый Леви, который используется противниками теории Дарвина как доказательство ее необоснованности.

«Сторонники эволюции считают, что развитие любого сложного органа происходит за несколько тысяч поколений, и только потом он становится полезным и помогает в борьбе за выживание. Во многих случаях (например, в случае с птичьим крылом) до этого он должен был быть помехой, и имеющие его особи должны были исчезнуть в процессе естественного отбора. Кроме того, многие гигантские шаги в развитии являются для эволюционистов загадкой. Учитывая всё это, можно сказать, что сторонники теории эволюции должны обладать исключительной верой в свои убеждения».

То есть Леви утверждает, что хотя орган может быть приспособлен для определенных целей, но пока он не пройдет несколько промежуточных ступеней, он не может получить эволюционных преимуществ. Поэтому он не смог бы уцелеть на протяжении многих поколений, пока не служил никаким целям, и поэтому не смог бы эволюционировать.

Эта претензия, как и многие другие, известна довольно давно. Создается впечатление, что критики теории эволюции просто отмахнулись от научных исследований, которые велись на протяжении века. Именно это критическое замечание в адрес дарвинизма впервые высказал английский зоолог Сент-Джордж (1817–1900), назвавший эту проблему «неспособностью “естественного отбора” объяснить начальные стадии полезных структур». Подробный и убедительный ответ на его замечание можно найти в статье Стивена Гоулда «Необязательно крыло». Изложим вкратце его аргументы.

Сам Дарвин был обеспокоен вопросом Миварта о начальных стадиях, и он отвергал предположение Миварта о том, что сложные структуры появлялись сразу. «Мне кажется, что, принимая это, мы входим в область чуда и оставляем область науки», – писал Дарвин. Он предложил другое решение: органы могут осуществлять две функции – основную и дополнительную, а потом сократить основную и развивать ту, которая прежде была дополнительной. К примеру, много писалось о термодинамической эффективности крыльев насекомых. Значительная часть поверхности крыла подставляется под солнце для быстрого нагревания, что необходимо для небольших тел. Поскольку эта вторичная функция сохранилась у насекомых по сей день, возможно, изначально она была основной. Следовательно, возможна такая версия эволюции крыльев: организм развивает некую часть, которую отбор выбирает для нагревания и охлаждения. Когда в процессе отбора протокрылья для этой цели увеличиваются в размерах, начинают развиваться дополнительное преимущество – для приземления или планирования по воздуху. Со временем эта функция становится основной, и отбор предпочитает для полета еще большие крылья. Гоулд цитирует статью Кингсолвера и Кёля, в которой они попытались подтвердить эту гипотезу. Проведя серию экспериментов, они построили модели ископаемых насекомых и измерили эффективность аэродинамических и терморегулирующих свойств крыльев. Результаты показали, что чем меньше крылья, тем лучше термодинамические показатели. Однако для крыльев меньше определенного размера показатели не улучшаются. Что касается аэродинамических свойств, то результаты были прямо противоположными: крылья больше определенного размера работают лучше, и показатели тем выше, чем больше крыло.

Уделим внимание еще одному возражению на теорию эволюции. Профессор Натан Авиезер, физик из университета Бар-Илан, опубликовал книгу «В начале», которую можно считать самой серьезной попыткой согласовать современное научное знание с первой главой Книги Бытия. Авиезер опирается на данные разных областей науки – астрофизики, палеонтологии, метеорологии – и утверждает, что «дни» в Брейшис можно понимать как описание основных «событий» в истории Вселенной и Земли. Авиезер принимает все основные научные теории, в том числе теорию Большого взрыва, и то, что возраст Вселенной – пятнадцать миллиардов веков. Что касается эволюции, то Авиезер декларирует то же самое различие,

которое уже было отмечено: «Обсуждая научные свидетельства теории эволюции Дарвина, нужно делать различие между тем фактом, что многие виды вымерли, а многие новые появились, и теорией, предложенной для объяснения этого изменения видов».

Авиезер принимает как факт то, что эволюция имела место, но отрицает механизм эволюции, предложенный Дарвином. Он подчеркивает, что многие ученые не согласны с представлением о том, что виды эволюционируют постепенно. Он цитирует «Кембриджскую энциклопедию наук о Земле», где утверждается, что учение о постепенной эволюции было отвергнуто в пользу «модели “прерывистого равновесия”», с недавних пор завоевавшей признание. Эта теория, разработанная Н. Эддреджем и С. Дж. Гоулдом, утверждает, что виды проходят длительные периоды стабильности, которые перемежаются сравнительно краткими периодами изменений. Нужно отметить: хотя сам Дарвин верил, что естественный отбор происходит постепенно, понятие постепенной эволюции не является основным в его теории.

Впрочем, Авиезер хорошо представляет себе разницу между отрицанием идей градуализма и опровержением теории естественного отбора. Если внимательно вчитаться в его слова, становится понятно: Авиезер не утверждает, что теория эволюции несостоятельна, он полагает, что «теория постепенной эволюции» сомнительна.

Тон, которым профессор Авиезер обсуждает эволюцию, разительно отличается от тона остальной части его книги. В своей работе он пытается примирить научное мировоззрение с Торой, а здесь старается показать, что теория эволюции научно несостоятельна. Одна из причин такой подачи материала в том, что эволюцию видят как научную теорию, несовместимую с иудаизмом. Рассуждения профессора Авиезера об эволюции так туманны, что не слишком внимательный читатель непременно придет к выводу, что опровергнута вся теория эволюции, а не только градуализм.

Но Авиезера беспокоит и другая проблема. Понятие «градуализм» для многих ученых означает «неизбежность». Они рассматривают эволюцию сложных форм жизни (в том числе человека) как прямое следствие основополагающего устройства мира. Согласно этой точке зрения Б-г становится лишь видимостью, и поскольку ученые отмечают то, что не важно для их теорий, они верят, что постепенная эволюция путем естественного отбора разоблачает веру в Б-га.

Мы уже показали, что естественный отбор необязательно тождественен градуализму и что многие современные приверженцы теории эволюции отказались от идеи градуализма. Более того, С. Дж. Гоулд в своей книге «Удивительная жизнь» выражает несогласие с утверждением, что естественный отбор неизбежно ведет к появлению тех животных, которые существуют в настоящее время: «Когда-то мы считали, что жизнь на Земле развивалась от простых форм ко всё более сложным, – это общепринятое представление я назвал конусом возрастающего многообразия. Но новое толкование <...> нашего растущего интереса к ранним этапам многоклеточной жизни показало, что конусообразная модель – не просто ошибочная, но противоположная действительности».

Итак, можно принимать эволюцию, отвергая градуалистическую неизбежность, и если последнее несовместимо с религией и верой, то не стоит выплескивать дитя, то есть эволюцию, вместе с водой – то есть с понятием неизбежности.

ÈÓÄÀÈÇÌ È ÝÂÎËÏ ÖÈÈ

Позиция, которую занимают некоторые эволюционисты (например, Эддредж) и ряд еврейских философов (например, Ишяю Лейбовиц), заключается в том, что не может быть конфликта между наукой и религией. Эта позиция не только сложна, но и в некоторой степени наивна. В ней очерчены как природа научных изысканий, так и их пределы. Сторонники этих воззрений утверждают, что наука обычно избегает четких определений касательно наиболее существенных и сложных аспектов человеческого существования – эстетики, этики, гуманитарных наук. Эта позиция признает тот факт, что глубина библейского текста выходит за пределы только научной или исторической правды и становится психологической, нравственной и духовной правдой.

Однако в тотальном разделении науки и религии, повторим, есть доля наивности. Важнейшие теории, такие, как теория относительности, квантовая механика, эволюция, высказываются об устройстве мира, что должно иметь религиозный смысл. Религиозный человек, верящий в Творца, Который решил управлять Вселенной по определенному своду правил, должен признать, что эти правила рассказывают нам

что-то о Творце. Псалмопевец очень хорошо это понимает, восклицая: «Небеса рассказывают (о) славе Б-га, и (о) деянии рук Его повествует свод (небесный)» (Теилим, 19:2).

И всё-таки еврейское интеллектуальное сообщество не желает взглянуть на дарвинизм непредвзято.

Повод обсудить дарвинизм заключается именно в том, что эта теория бросает вызов устоявшемуся религиозному мировоззрению. Главная причина пренебрежительного отношения религиозных людей к эволюции в том, что эта теория представляет собой альтернативу религии. Майкл Руз утверждает, что светская философия большинству людей кажется недостаточной и неудовлетворительной. Речь идет не только об иудеях или христианах: даже деисты, признающие «безучастного творца», обычно смутно верят в нечто более духовное. Появление теории эволюции изменило это положение. Впервые человек смог, ничего не опасаясь, хотя бы на время забыть о вере в «любого» Б-га. Даже если вы не хотели стать окончательным атеистом, вы могли стать таким сторонником Дарвина, которого Т. Гексли назвал «агностиком» – ни верующим, ни неверующим.

Однако следует подчеркнуть: на основании того, что некоторые люди, опираясь на дарвинизм, отвергают Б-га, нельзя считать, что дарвинизм несовместим с верой в Б-га. Со времен Аристотеля иудаизм не сталкивался со столь мощной альтернативной философской системой. Хотя сторонники Аристотеля отрицали основополагающее религиозное представление о Б-ге, Который включен в жизнь мира, и отдельном индивидууме, тем не менее диалог между иудаизмом и философией Аристотеля был исключительно плодотворен для иудаизма. Авраам ибн Дауд и Рамбам развивали свое понимание иудаизма в свете споров со сторонниками философии Аристотеля. В наше время дарвинизм ставит похожие проблемы, выраженные отнюдь не только в виде научных фактов (например, возраст Вселенной), противоречащих определенным религиозным убеждениям. Более серьезное противоречие исходит от понимания дарвинизма как философской системы, от признания его постулатов о фундаментальных свойствах Вселенной. Если сравнить эти концепции с иудаизмом, можно определить, являются ли они взаимоисключающими.

В классической еврейской литературе можно найти много утверждений, где содержится намек на концепцию эволюции. Схему, по которой построен сам рассказ о сотворении мира, можно назвать в чем-то эволюционной. В мидрашах содержится множество рассказов о мирах, бывших до нашего, об эрах до нынешней. Интересовали ли тех рабби, которые писали мидраши и Талмуд, окаменелости существ, которые уже не существуют? Занимало ли их разнообразие организмов, в особенности различные расы и народы? В Талмуде (Шабос, 31a) рассказывается история о человеке, который пришел к Гилелу и спросил, почему у тармутианцев раскосые глаза, и Гилел ответил: потому что они живут в песках. Спросил, почему у африканцев широкие ступни, и Гилел ответил: потому что они живут на болотах. Раши объясняет, что ветер засыпал песком глаза тармутианцев, и их изменила среда, в которой они жили. Этот ответ может намекать на ламаркистский взгляд на эволюцию. Есть мнение, что современные открытия в палеонтологии и геологии представили доказательства концепций Мидраша и Зога касательно предыдущих миров. Раввин Кук верил, что эволюция свидетельствует о том, что мир постоянно прогрессирует к более высоким формам: «Теория эволюции, захватившая современный мир, более, чем с другими философскими системами, соотносится с тайным миром кабалы. Эволюция, которая следует по пути возвышения, дает основания для оптимистического взгляда на мир – кого не воодушевит то, что всё развивается и поднимается на более высокую ступень? Когда мы углубляемся в суть эволюционного возвышения, мы обнаруживаем сияющие во всей своей чистоте Б-жественные принципы, Бесконечность как она есть стремится актуализировать то, что бесконечно в потенциале».

Можно констатировать, что некоторые концепции теории эволюции приняты еврейскими философами.

יְדִיאֵאִי Ū, יִינְוֹאֵאֵאִי יִוֹאֵאֵאֵי עִי יִי

Иудаизм вбирает в себя много идей и различных концепций, иногда даже противоречащих друг другу. Хотя дарвинизм на первый взгляд идет вразрез с некоторыми из этих концепций, с другими он может соотноситься и даже прояснять их.

1. Ἰ ἈΝΘΡΩΠΟΥ ΧΑΙΡΕΤΑΙ

Касательно природы человека дарвинизм радикально расходится с религиозными представлениями. Иудаизм основан на вере в то, что человек был создан по образу и подобию Б-га. Теория эволюции утверждает, что всё многообразие жизни – это часть цепочки, тянущейся от простейших форм жизни. Одно из величайших достижений Дарвина в том, что он сумел преодолеть инертность научного мышления и включить в свою теорию человека. Дарвин утверждал, что эволюционная последовательность прослеживается не только в физических качествах человека, но и в его эмоциях. В XIX веке англичане противились теории эволюции прежде всего из-за ее концепции человека и происхождения человечества. Благородный английский джентльмен настолько отличался от животных и настолько превосходил их, что мысль об общих предках казалась невероятной. В то время как эволюция выделяет сходные черты, родство и связь между ними, иудаизм подчеркивает обратное. Как можно примирить основной принцип религии, а именно уникальные отношения человека с Б-гом, с утверждениями теории эволюции, в которых стирается различие между человеком и животным?

Один из возможных способов сблизить две точки зрения – попробовать рассмотреть природу человека, как ее понимает иудаизм. В Библии создание человека описывается так: «И образовал Б-г Всесильный человека из праха земного». С философской точки зрения происхождение из праха несколько не лучше происхождения от обезьяны. Для религии важна искра Б-жья, которой обладает лишь человек. Основной вопрос, вне зависимости от теории Дарвина, в том, где проходит грань между человеком и животным. Арье Каплан предлагает считать, что человека от животного отличает духовное начало. Каплан даже утверждает, что можно принять «порядок величины» в библейской хронологии, если считать, что Адам действительно был первым духовным существом. На наш взгляд, отличие в том, что человек способен – интеллектуально, социально, культурно – понять концепцию монотеизма. В сущности, согласно Торе, человек, который не может понять концепцию Единого Б-га, не может считаться ответственным существом. Библия обращается только к ответственному человеку, и эволюционное объяснение вида как «способной к скрещиванию с образованием плодovitого потомства общности» для Библии irrelevantно. Согласно иудаизму, Homo Sapiens, способный понять монотеизм, настолько же отличается от предыдущего Homo Sapiens, насколько отличается, например, от белки. В книге Коэлес сказано: «Послушаем всему заключение: Б-га бойся и соблюдай Его заветы, потому что в этом – вся (суть) человека» (12:13). Действительно, библейское определение человека базируется на одном критерии: на способности следовать слову Б-жьему.

2. ἈΠΟΤΙ ΑΪ Οὐ Ἰ ΔΙ ΟΕΑ Α-ΑΕΝΘΩΑΙ Ἰ ἸΑΙ Ἰ ΔΙ Ἰ ὙΝΕΑ

Религия утверждает: совершенство мира – свидетельство того, что его создал Б-г. Дарвин оспорил эти доводы и заявил: то, что в мире есть недейственного и напрасного, представляет идею промысла в неверном свете. Он понимал, что совершенство организмов не может служить доказательством его идей, но несовершенства и странности подтверждают его теорию. Почему в человеке есть остатки хвоста или аппендикс, если он был создан рукой Б-жественного Творца? Если у организмов есть история, рассуждал Дарвин, то должны сохраниться остатки предыдущих стадий – пережитки прошлого, которые в настоящем бессмысленны.

Дарвин предложил альтернативу утверждению, что творение подразумевает Б-жественного Творца, и заявил, что скорее естественный отбор – столь же весомый способ понять сообразный порядок мира. Более того, только естественный отбор предложил рациональное объяснение негармоничного и аномального; это объяснение, по Дарвину, следовало искать в истории организма. Как иудаизм разбирается с этой историей и с последующими утверждениями, отвергавшими Б-жественный промысел?

Прежде всего следует отметить замечание кардинала Ньюмана о том, что религиозный человек видит Б-жественный промысел, потому что он верит, а не верит потому, что видит Б-жественный промысел. Более того, понятие истории ассоциируется не только с биологическими телами. Если мы признаем, что история современного мира насчитывает более библейских шести тысяч лет, тогда всё это прошлое вызывает определенные трудности. Микроволновое фоновое излучение рассказывает об истории рождения Вселенной и ее последующего остывания. Свет, который доходит до нас от звезд, находящихся на расстоянии миллиардов световых лет, позволяет нам бросить взгляд на юную Вселенную, а спектры более близких звезд рассказывают об эволюции нашей собственной галактики и Солнечной системы. Состав и структура скал и остатков форм жизни, отпечатавшихся в них, рассказывают о развитии нашей планеты и жизни на ней. История мира явлена не только в звездах и окаменелостях, но и в генах современных организмов.

Вопрос, который должен задать религиозный человек, состоит в том, почему Б-г решил создать мир по законам природы и чему мы можем научиться у этих законов. Мидраш утверждает, что человек был создан последним, чтобы научиться смиренности: видя, насколько малой частью Вселенной мы являемся, если даже последняя блоха была создана до нас. Возможно, эволюция может преподать нам тот же урок.

Использование эволюции в качестве доказательства отрицания промысла можно рассматривать как еще один пример посткантианского развала теологической мысли, ищущей «доказательства» существования Б-га. Это необязательно должно быть пагубное или враждебное течение религиозной мысли. Ценность и значимость веры могут возрасти вопреки или благодаря философским «препятствиям», существующим перед религиозным мыслителем в современном мире.

3 ÄÄÄÊÏ ÈÇÌ : Í ÁÄÄÒÈÄÍ ÛÉ ÂÇÄËÄ Í Ä Ì ÈÐ

Одно из ответвлений дарвинизма утверждает, что наш мир «не лучший из миров». В библейском рассказе о сотворении мира одна из самых заметных фраз «И увидел Всесильный, что это хорошо». Для нас Б-г ассоциируется с добротой, честностью и справедливостью, а в еврейских источниках традиционно указывается на наличие доказательств этих аспектов Б-га в природе. По Дарвину же мир ужасающе несообразен. Секрет естественного отбора в том, что мутация вездесуща, и в борьбе за существование проигравших гораздо больше, чем выигравших. Кроме того, победа не всегда выглядит «элегантно». Например, есть такая разновидность осы – «наездник», которая откладывает яйца в гусеницу, и, когда личинка растет, она поедает несчастную хозяйку, но так, чтобы гусеница оставалась как можно дольше живой.

Как можно принять позитивный религиозный взгляд на миропорядок в связи с тем акцентом, который дарвинизм делает на негатив? Хотя Дарвин, как и многие естествоиспытатели того времени, начал свою карьеру, будучи человеком религиозным, со временем он ступил на путь Элиши бен Авуи – когда его размышления о страданиях мира постепенно отвратили его от официальной религии и от веры во всемогущее божество. Его жизнь полна была физических мучений, к которым прибавилась и личная трагедия. Восприимчивость Дарвина к страданиям простиралась за пределы осознания человеческих несчастий, он сострадал несчастьям, выпадающим на долю животных.

Хотя иудаизм признает позитивную организацию природы («всё было создано именно для того, для чего существует»), в нем можно найти и идеи о несовершенстве природы и неизбежности хаоса. В Торе упор делается на историю человечества, а не на естественную историю, поэтому поучительно рассмотреть «несовершенство и недейственность» истории и сравнить это с дарвинистским взглядом на мир.

В иудаизме есть понятие «правоверные оставшиеся». Еще со времен Авраама еврейская история предсказана как путь, на котором будут лишения и боль, но оставшиеся выживут. Суть в том, что Б-г предпочтет нескольких, кто верит в Него, а не многих, кто поклоняется Ему из страха. Эта концепция еврейской религиозной эволюции удивительно схожа с дарвинистским механизмом эволюции в природе. Можно говорить о том, что мысль об угодных Б-гу, восстающих из-под обломков, гораздо больше соотносится с еврейской философией, чем радужная картина всего сущего, созданного идеально соответствующим своему месту.

Один из вопросов, подробно рассматриваемый еврейской философией, – это вопрос теодицеи: почему Б-г допускает в мире зло. Проблемы, поднятые в связи с дарвинизмом, на самом деле являются одной из ветвей этой дискуссии. Некоторые еврейские философы опираются на представление о том, что зла не существует, но это, разумеется, не единственно возможный ход мысли. Допущение реального существования отвратительного и дьявольского признается многими еврейскими философами: это есть в Талмуде, у средневековых мыслителей, в мистической традиции Зогира, лурианской кабале и хасидизме, есть и у еврейских философов современной эпохи после Холокоста.

צאֵעֶפּ x אִי עֵא

Любому из тех, кому велели принимать антибиотики десять дней подряд, чтобы не выделять штаммов, устойчивых к лекарствам, должны быть известны основные механизмы эволюции по Дарвину. Никто не будет ставить под сомнение то, что мутации случаются и что у организмов, лучше приспособленных к окружающей среде, больше шансов на выживание.

Научное сообщество в целом принимает концепцию Дарвина. Безусловно, ученые подчас исходят из личных верований, многие из ученых антирелигиозны, и это легко понять, учитывая отношение религии к свободе выражения в науке. Однако иудаизм никогда не был закрыт для науки. В Библии говорится: «Храните же и исполняйте, ибо это мудрость ваша и разум ваш на глазах всех народов, которые, лишь услышав обо всех этих установлениях, скажут: как мудр и разумен народ этот великий!» (Дворим, 4:6). Если же весь мир смотрит на нас и смеется, тогда, наверное, нам следует пересмотреть наши взгляды.

Ни один ученый не станет утверждать, что его теории на сто процентов правильны. Наука постоянно пересматривает и исправляет саму себя, и главенствующие взгляды остаются такими весьма недолго. Те, кто хочет пересмотреть свои философские или религиозные взгляды в свете науки, непременно должны это учитывать. Кроме того, даже у признанного научного знания есть свои пределы. Однако наука не может всякий раз, когда заходит в тупик, ссылаться на Б-га: как только в теорию включают Б-га, закрываются все возможности развивать человеческое знание. Пока оспа считалась лишь Б-жественным наказанием, победить ее можно было лишь через покаяние или милость Б-жию. Долг ученого – стремиться как можно лучше понять законы природы, не останавливаясь, пока все ее тайны не будут разгаданы. Но наука – это лишь одна из областей человеческих устремлений, наряду с религией, искусством, литературой, историей, философией. Строить небоскреб, вооружившись только знанием Библии или Талмуда, столь же безответственно, как вести нравственную жизнь, руководствуясь лишь достижениями науки.

Иудаизм очень обогатили споры с другими философиями и мировоззрениями; возможно, это верно и в случае с проблемами эволюции. Задача заключается в том, чтобы изучать всё и бороться с противоречиями, пока не будет найдено решение. Хотя это может оказаться недостижимой целью, однако процесс важнее достижения цели.

КВАДРАТУРА КРУГА

Леонид Радзиховский

Пока обычные люди думают о своих ничтожных льготах и труппных квартирах; пока евреи пережевывают письмо идиотов депутатов-антисемитов; пока крупный бизнес ждет погрома; пока всё это происходит, Кремль морщит лоб над проблемой-2008. У них на календаре – именно эта дата.

Часы тикают – а решения нет. Квадратура круга.

Уйти «в соответствии с Конституцией» и привести наследника в соответствии с традицией?

Но обидно отдавать власть! И потом, не так-то легко найти преемника а) достаточно харизматичного, чтобы выбрали, и б) такого, чтобы на следующий день не начал новый передел, чтобы не обидел «ближний круг» Путина, да и самого президента чтоб не сослал на Рублевскую дачу. А если народ возьмет да и выберет на этих чертовых выборах не «преемника», а неведому зверушку?! Нет, всё это – не вариант...

Изменить Конституцию, превратить республику в парламентскую и стать премьером от «Единой России»?

Но, во-первых, парламентская республика в России была – в 1917-м и 1991-м. Во-вторых, одно дело «самодержавный президент», это легитимно, это народ понимает, – и совсем другое дело «боярский царь», утвержденный какими-то там депутатишками... Из «отца» разжаловаться в «дядю»! Это не власть, не легитимность, это – ошметки. Не вариант!

Наплевать на всё и идти на третий срок?!

Но это значит превратиться в какого-то Лукашенко! Проклятый ханжеский Запад захлопнет двери (может, потому, что им там тоже так хочется, но ведь и помыслить не смеют и потому будут мстить из зависти?). Стать невыездным, иметь под боком вечно тлеющую революцию, обвинения в «узурпации»! Горькая, ненадежная, без возможности спокойной старости, власть. Не вариант!

Почему я так подробно об этом пишу в еврейском журнале?

К евреям это имеет двойное отношение. Во-первых, потому что мы – жители РФ, политические потрясения для нас безразличны. Во-вторых, потому что раз мы – евреи, то трести могут в первую очередь именно нас. По крайней мере, мы все об этом думаем, многие трясутся уже загодя.

Евреи – чудной народ! Самые уязвимые (по нашему же собственному мнению) и больше всех лезем на рожон! «Комитет-2008» включает... и нескольких русских... тоже. Правда, самые оголтелые защитники Престола и Отечества, самые яростные борцы с этим самым «комитетом» – тоже евреи (Леонтьев, Жириновский, новый модный государственный Михаил Юрьев, прямо восхищающийся Третьим рейхом). А про Белковского уже он и сам не помнит – он сегодня «за» Путина или «против»? Но кто же их считает евреями?! Уж точно не они сами.

Конечно, «Комитет-2008» тоже не выбирало «общее собрание российских евреев», эти «комитетчики» (или любые бойкие демократы, не входящие в «Комитет») еврейскую общину никак не представляют, никакой ответственности перед евреями не чувствуют, воюют не за Израиль, до которого им и дела нет, а «за себя и демократическую Россию» и т. д. Это всё понятно – так ведь и Березовский своими прибылями с евреями не делится, однако общественное мнение России переписывает его «бронзовые» векселя на каждого из нас. Тем более это относится к коллективной политической ответственности-вине. Давно сказано: «За тротских ответят бронштейны».

Обострение внутривластной обстановки в связи с выборами-2008 абсолютно неизбежно, какое бы решение ни принял Путин. Будут ломать Конституцию – обострение. Не станут ломать, пойдут выборы нового президента – опять обострение.

Вытащат ли власти еврейскую карту из рукава? Это зависит не от евреев, а от того, как игра пойдет и какого достоинства будет эта карта...

Возможно много разных сценариев. Ну, например. Каким-то чудом создан сильный и единый либеральный фланг, где, естественно, масса евреев. Этот фланг оказывается главным конкурентом кремлевского кандидата. Демократы вылезают в тузы предвыборной игры. Где должна быть кремлевская агитбригада? Правильно, впереди, на лихом коне антисемитизма! (А для подстраховки вылезут сотни круто-макашовых, и Кремль окажется «меньшим злом».)

Возможен и другой вариант. Нет, Григорь Алексеич и Анатолий Борисыч так и не смогут объединиться вокруг Михал Михалыча, не смогут «поделить Россию» – ну мала она для целых двух евреев, как была мала для Березовского с Гусинским, для Троцкого с Зиновьевым. Братья-акробатя-демократя, благоразумно забыв о Кремле, будут исключительно друг друга таскать за волосы и плевать исключительно друг другу в интеллигентные рожи – чем с неизменным успехом занимаются последние 10 лет (чемпионы в этом спорте, понятно, «Яблоко» с Минкиным). В общем, нет единого демдвижения, демкандидата, а есть очередная «детская неожиданность». Что ж, раз вы к власти по-детски, так и власть к вам по-отечески. В этом случае, вполне возможно, и не будут разыгрывать еврейскую карту – кому она нужна, эта шестерка драния... Немножко обидно, а по сути – дай-то Б-г!

Возможен и такой вариант. Демократы катаются по полу, стуча лысыми по паркету – но вот господа нацисты ни с того ни с сего объединились, набрали силу (вариант, честно говоря, еще более невероятный – характер у этих психов еще мельче, чем у Явлинских, а амбиции еще больше). Но представим чудо. Как быть Кремлю в этой ситуации? Не отстать от антисемитов в антисемитизме? «Бороться с антисемитизмом»? Игнорировать проблему? Делать все эти три вещи разом?

Как видите – вариантов без счета.

Но уверенно могу сказать две вещи.

Первое. НАМ скучно не будет.

Второе. Но и слишком весело нам не станет – в серьезное возрождение госантисемитизма не верю, как не верю в новый сталинизм, в «закрытую Россию», костры из книг, не говоря уж про костры из авторов.

Вопрос: я оптимист, реалист или просто дурак?

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

*(Áëáã òáñ ðë òáëüí üé òáñ ð:áñëé áá:áð Ááí í ááëÿ Õáçáí íáá á
Ì ÁÌ Õ 25 ýí ááðÿ 2005 ãää)*

Áëáçñáí áð Ðáíííí ðò

*Áíò óëá íáñéíëéí éáò á Ì íñëáñéíí ááðëéíí íáñéííí óáí òðá á ðáí éáð éëéíð òðííé
í ðñáíáí í ù «Õáñ ð:áñëéá áñò ðá:é» í ááá çáéíð áðáñíáííé í óáëééíé áñíð óíáðò íííóëÿ ðíá é
çá:éí ùá á íáñáíð ááííé æéçé í áðñíú: íëñáðáëé, ó:áíúá í óáëéðéñòú, ííëéðéëé, óáíáéíéëé,
ááÿðáëé òááððá é ééíí, ííððñ áíú. «Éáááéí» í ðááííéáááð í óáëééíáðú áíááðáëéé éç ÿéðò
áñíð óíéáíéé ííá ðáððééíé ñ òáí æá í áçáí éáí – «Õáñ ð:áñëéá áñò ðá:é». Ñááíáíÿ í ù í ðááéáááí ááí
í áááé òáéíé í áðáðáé.*

Когда из боковой кулисы он вышел на сцену, в строгом костюме и белой рубашке, с бордовым галстуком и под цвет галстуку платком в нагрудном кармане, первое, о чем я подумал: «Как похож на Де Ниро из “Однажды в Америке”...» Помните, во второй серии герой возвращается через много лет? Изменился он сам, изменились люди, которых он знал, изменилась жизнь. Но как только Геннадий Викторович начал рассказывать, сходство с американским актером ушло. Потому что всё то, о чем говорил Хазанов, произошло однажды в России.

Вежливо выслушав ведущего цикла вечеров «Знаменитые евреи», благодарившего народного артиста России, главного режиссера Театра эстрады за согласие дать благотворительный концерт, Геннадий Викторович Хазанов сделал останавливающий жест и начал так:

– Не надо делать из меня героя. Поговорим о другом. Мы сейчас находимся в синагоге Московского еврейского общинного центра. Но, как любил по поводу и без повода повторять бывший министр внутренних дел Российской Федерации, если вы не сидите в тюрьме, это не ваша заслуга, это наша недоработка...

Благодарю вас за то, что нашли время и пришли. Вот уже около сорока лет я – профессиональный эстрадный артист. В прошлом году, понимая, как складываются обстоятельства, видя, что потребность в моих концертах сократилась, я прекратил сольнные выступления. Вернее, почти прекратил. Но не объявлял, о том, что «Я УХОЖУ!!!» Артисты, особенно артисты эстрады, любят публично прощаться и заявлять о своем уходе. Правда, потом выясняется, что никуда они не уходят. А если так прощается еврей, то, как вы понимаете, уже никаких шансов, что он наконец-то уйдет, нет... Поэтому я не прощаюсь и, соответственно, не ухожу. Просто говорю, что основное время сейчас посвящаю не сольным концертам, а театральной сцене, и очень рад этому обстоятельству.

Теперь по поводу этого замечательного во всех отношениях названия «Знаменитые евреи»... О своем еврействе я узнал не сразу. Я родился в Замоскворечье, детство прошло в коммуналке. Район назывался Чесаловка... Наш дом стоял в Коровьем переулке, потом его переименовали в Добрынинский, теперь вернули первоначальное название Коровий, и я не хотел бы дожить до того времени, когда он снова станет Добрынинским...

Я постараюсь сегодня говорить о том, о чем никогда раньше не говорил. И не потому, что чувствую себя на исповеди. Просто жаль было бы использовать этот зал для того, чтобы еще раз залезать в мешок со скудным запасом эстрадных миниатюр и занимать этим ваше внимание.

Я рос в коммунальной квартире. По тем временам это была комфортабельная коммуналка – всего две семьи: мы и наши соседи. Соседи, муж с женой, занимали комнату. Они больше евреев не любили только клопов, а иногда первые сравнивались со вторыми. Потому что вторых в коммунальной квартире было много и они упорно пили кровь квартиросъемщиков.

Я родился 1 декабря 1945 года. Отца в семье не было, я никогда его не видел. Жил с мамой, со старшим братом – сыном от ее первого брака – и с бабушкой. Бабушка – старая коммунистка, с октября 1917 года, соратница Крупской, предмет моих непониманий и конфликтов. Ни одного слова по-еврейски у нас в доме никто никогда не произносил. Ни единого!.. Уже став взрослым, я начал задумываться, как могло получиться, что моя мама родилась в 1913 году не где-нибудь, а в Читинской области? Моя бабушка родилась в Бессарабии, ее родным языком был идиш. И по ее произношению это чувствовалось. Но уже моя мама ни одного слова на идише не знала – в Читинской области на нем не говорили никогда, даже в 1913 году. Видимо, дед и бабушка по линии матери были сосланы в Забайкалье за революционную деятельность. Два года назад я там оказался, проезжал мимо станции Сковородино. Если сегодня там ужас, то представляю, каково пришлось моим предкам в 1913 году, почти век тому назад.

Ἄξιόν ἐστιν πάντα ὁμολογεῖν ὅτι ἡ ἀλήθεια αὐτοὺς ἐπέσχετο καὶ αὐτοὺς ἠρέσθη.

– Нет, хуже, чем есть, в Сковородино Читинской области быть не может. Там время остановилось.

Так вот, о том, что я еврей, я узнал от соседки. Потом, во дворе, мне это подтвердили дети. С детства я знал, что я не такой, как все. Что ото всех я отличаюсь в худшую сторону. Всех нас формирует детство. И я глубоко убежден, что всё, что я делал потом, всё, что происходило со мной дальше, диктовалось стремлением доказать, что я имею право на жизнь, что я ничем не хуже тех сверстников, тех мальчиков, кого я видел вокруг себя. Единственное, что меня успокаивало, несколько примиряло с действительностью, – это то, что еще татары были у нас во дворе... Вспомнил историю. У меня был приятель, – когда он жил в СССР, его звали Феликс Камов. Да, тот самый, сценарист мультфильма «Ну, погоди!», ныне – известный прозаик, лауреат многих международных премий Феликс Кандель. Его сын Женька на уроке задал вопрос учительнице истории: «Почему мы так плохо живем?» Учительница стала

подробно рассказывать о татарском иге, которое длилось триста лет. На что Женька Кандель спросил: «А почему же тогда татары так плохо живут?»

Наша соседка сильно конфликтовала с моими бабкой и матерью. Они никак не могли согласовать график помывки туалета, или, как это называлось на коммунальном языке, «мест общего пользования». Иногда конфликт достигал апогея... А для меня, дошкольника, границ в квартире не существовало, я частенько захаживал к тете Груне в гости. Удивительная была женщина! Темноты фантастической! Логика непередаваемой! Из колоритнейшей семьи! Их вообще было три сестры, Маня, Паня и Груня, – почти как у Чехова... Так вот, моей соседкой была Груня. Однажды она сказала мне доверительно: «Меня называли Агриппина потому, что моего отца звали Агрипп». Это уже не Чехов, это просто Древняя Греция в чистом виде. Античность!

Я приходил к ней в комнату. Жила она со своим третьим мужем по имени Антонио Акимович Пец. Агриппина взяла фамилию мужа. Очень часто единственную гласную в этой фамилии округляли, если можно так сказать о гласной. Делали это все, кому не лень: приемщица в химчистке, выписывая квитанцию, медсестра в поликлинике... Однажды перед выборами в квартиру зашел агитатор и, обратившись к Груне, сделал ту же фонетическую ошибку: «Гражданин и гражданка Поц здесь проживают?» Но поскольку Агриппина и Антонио, так же как и я в те баснословные годы, не знали языка идиш, они не обиделись, а всего лишь тактично поправили агитатора: «Наша фамилия Пец». А бабушка, находившаяся в этот момент на кухне, дипломатично промолчала, хотя у нее было другое мнение...

О своем муже, трагически погибшем в ЦПКиО им. Горького в 1957 году, тетя Груня говорила: «Он попал под колесо смеха». В действительности его нашли замерзшим на парковой скамейке с нераспечатанной чекушкой в кармане. Возможно, выпей он и чекушку тоже, его финал не был бы столь трагичен. До этого происшествия Антонио Акимович заведовал секцией бытовых электроприборов в ГУМе. И у них в комнате стоял телевизор, редкость по тем временам. Вы не представляете сейчас, что это было для ребенка – телевизор, «окно в мир». Тетя Груня научилась читать только на старости лет. Любимым ее писателем был – вижу, вы уже догадались – Федор Михайлович Достоевский. Больше всего ей нравилось читать подписи к иллюстрациям. Находясь под впечатлением от прочитанного, она говорила: «Это ж надо каждое слово почерпывать! Я читаю каж-до-е, каж-до-е слово по пять раз туда и обратно!» Желание читать «в обратную сторону» – явно не русского происхождения. Возможно – как знать? – что-то еврейское в тете Груне присутствовало...

Я любил у нее бывать. В ее комнате на буфете под самым потолком стояло чучело рыси. Оторвать взгляд от этой киски было невозможно! Изготовившись к прыжку, хищно оскалась, рысь желтыми глазами внимательно следила за присутствующими. Незабываемая картина!

Желая перетянуть меня на свою сторону после очередного конфликта с моей семьей, тетя Груня говорила: «Чего с них взять, они же евреи...» Таким образом, она раскрыла мне глаза на моих близких. Уже в раннем детстве я понял способ общения со своими матерью и бабушкой, и, когда они меня за что-то наказывали, кричал им: «Вы ж евреи, вот вы кто!..» Так я познакомился со своей национальностью.

Отца я никогда не видел. Мать ни разу на эту тему со мной не заговорила. Я знал, что их брак не был зарегистрирован. То есть я не просто еврей, я – незаконнорожденный еврей. Согласитесь, редко встречающееся сочетание...

Пять лет назад, в начале 2000 года, – я уже работал в Театре эстрады – мне передали телефон какой-то женщины, которая дружила с моим отцом. Она очень просила позвонить... Я напрягся: зачем это ворошить?.. Не хотел звонить, не хотел... День-два сомневался... Потом решил: ну чего я боюсь, в конце концов? И набрал ее номер. Она рассказала, что очень дружила с отцом и что вместе со своим мужем провожала его с этой брэнной земли. Почему я так подробно об этом рассказываю? Сейчас поймете. Вдруг, посреди разговора, она меня спрашивает: «А вы знаете, что отец жил с вами в одном доме?» – «В каком доме???» – «Ну вы же жили на улице Дмитрова?» – «Да...» – «Вы на четырнадцатом?» – «Да...» – «В вашем же подъезде ваш отец жил на шестом этаже, строго под вами. Жил он с женой и двумя детьми. Проверьте, если не верите. Мне от вас ничего не нужно, – сказала она, – просто я хотела вам передать его фотографии и сказать, что он до конца своих дней вас нежно любил».

После этого разговора я позвонил другу, он по-прежнему жил в том же доме на Дмитрова, в том же подъезде, на пятом этаже. Попросил его подняться на этаж, в квартиру, о которой шла речь, и узнать о ее бывших и нынешних жильцах. Через пятнадцать минут друг перезвонил. По его словам, там жил какой-то человек, фронтовик, известно, что он – один из создателей цветного телевидения в СССР, жил он с женой и

двумя детьми. Он и его жена уже умерли, а двое детей живы. Я тогда снимал вместе с Леонидом Парфеновым сериал под названием «Жил-был я». И я предложил Лёне пойти в эту квартиру с камерой, заранее жильцов не предупреждать, отснять, что они позволят, и рассказать в сериале эту историю. И Лёня ответил, что «это не вписывается в формат сериала, потому что все хотят смотреть смешное, а не грустное». Действительно, все хотят слушать только... только «смешные формулировки», я бы так сказал. Именно формулировки, а не мысли. «Смешные мысли» – ведь это как-то странно звучит, не правда ли?

Иногда мне задают вопрос: что ж вы так погрустнели с жизнью? Что вам сказать... Закончилась, как писал Толстой, энергия заблуждения. У меня действительно было ощущение, что, когда коммунисты уйдут, всё будет совсем по-другому. В 1984 году я оказался на гастролях в маленьком городке на Ставрополье вместе с одним талантливым писателем. Сейчас он живет вне России, не могу сказать, что счастлив, думаю, не был бы он счастлив и здесь. Боюсь, что это – не быть счастливым – судьба еврейского художника. Имя городка через одиннадцать лет узнал весь мир – Буденновск. После концерта мы с ним пешком шли до гостиницы. Теплая ночь, фантастической красоты звездное небо... И он мне говорит: «Ты знаешь, как я не люблю коммунистов. Но ты не представляешь себе, что здесь начнется, когда они уйдут от власти...» Я сказал: «Этого не может быть!» «Может, – сказал он. – Увидишь».

Понимаете, когда монополию на убийство государство отдало в частные руки, когда монополию на антисемитизм государство отдало туда же, выясняется, что ты живешь в абсолютно непредсказуемом режиме, ты не знаешь коридоров, по которым тебе двигаться. Потому что тот концлагерь, в котором мы жили, имел свои четко прописанные законы. И ты мог к этим законам так или иначе приспособиться.

С моей точки зрения, художественный знак, эмблема, если хотите, коммунистического режима, в котором мы жили, – эстрадная работа Виктора Ильченко и Романа Карцева. Они показывали это грандиозно. Ильченко играл советскую константу, негибкую идеологию. Карцев – такой выюн, который эту идеологию непостижимым образом дурил и всякий раз обходил. Рома в этом дуэте абсолютно точно нес еврейскую тему. И вот, когда закончилась советская власть, а ее идеология перестала быть доминирующей, когда евреи покинули Украину и переместились кто на Запад, кто на Восток, когда исчезла та особая музыка русско-еврейской речи, вдруг выяснилось, что артист Карцев перестал кого бы то ни было представлять. Музыка речи, которая была и есть у Карцева, стала чуждой, так в России никто больше не разговаривает. И в одну секунду он стал чужим артистом. Отторжение в таких случаях происходит не на уровне сознания, а на уровне клетки, физиологии. Не случайно, когда эта пара выезжала куда-нибудь за Урал, в Сибирь, за пределы компактного проживания зрителей, говоривших на этом языке, с этими интонациями, успех падал в два-три раза. Потому что для Сибири, для Урала это – чужая музыка. Чуждая. Потому что Карцев – последний русскоязычный еврейский артист. Он родился в Одессе, в той среде, где эта музыка звучала. Все остальные, без исключения, евреи на эстраде, включая вашего покорного слугу, – это уже русифицированный, ассимилированный вариант.

Если бы мне в детстве не сказали, что я – еврей, если бы я в восемь-девять лет не узнал фамилию своего отца, я бы не подозревал о своем еврействе. Был у меня в отрочестве период – я стал выяснять, кто же мой отец, как его найти, и мне достали адрес. Но я не поехал, не смог – испугался... И с какого-то момента забыл, что я – еврей. Ничто об этом не напоминало. Стала удачно складываться профессиональная жизнь... Уже в конце 1991 года, после распада СССР, у меня наметились гастроли в Израиль. Я обратился к одному человеку, дай ему Б-г здоровья, работнику израильского посольства, с вопросом, могу ли я получить израильское гражданство. И мне было обещано.

18 декабря я вошел в лифт, чтобы спуститься на первый этаж и ехать в аэропорт. Стоявшая в лифте соседка радушно улыбнулась и спросила: «Далеко?» – «На гастроли». – «Ах, на гастроли. Удачи!!!» Выйдя из подъезда, мы мило распрощались. Обратный билет у меня был на 30 декабря.

Между этими числами случилось многое. Произошла денонсация беловежских соглашений. Ушел в отставку Горбачев. И – событие частного порядка – я получил израильский паспорт. На следующий день после этого захожу в гости к тель-авивскому знакомому. И вот сидим у него в квартире, пьем чай и смотрим «Останкино». Что ж еще интересовало тогда российских евреев в Израиле так, как интересовали их события в России? В трехчасовых новостях Михаил Осокин на всю страну, а вернее, на весь русскоязычный мир объявляет: «Только что по каналам ИТАР-ТАСС получено сообщение: артист Геннадий Хазанов стал гражданином Израиля». В мои планы такая пиар-акция не входила. У меня на зарубежных гастролях совершенно другие задачи...

30 декабря я возвратился в Москву. Вошел в свой подъезд, и у двери лифта встретил ту же соседку, с которой виделся перед отъездом. Она очень сдержанно, без тени улыбки, ответила на мое приветствие. Видимо, информацию, сообщенную Осокиным, уже восприняла и переварила. Вместе мы вошли в лифт, и когда он тронулся, эта женщина спросила: «Вы к нам надолго?»

В начале 1992 года отечественная пресса чрезвычайно заинтересовалась моим новым гражданством. Надо сказать, что пресса никогда у меня особой любви не вызывала, ни в «классическое»

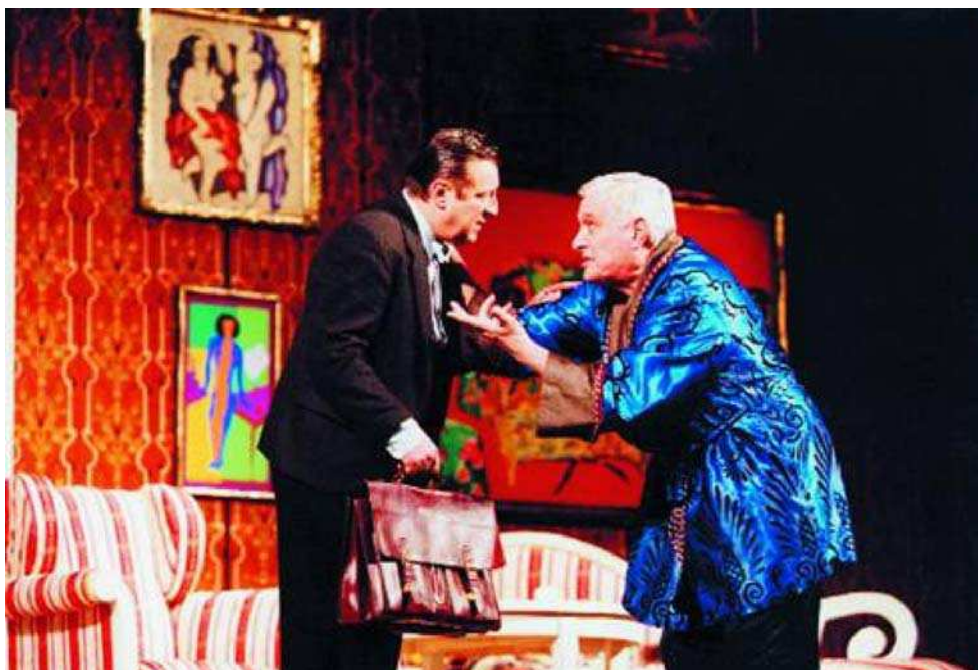
застойное время, ни в перестроечный, ни в ельцинский периоды. Но такого разочарования, какое она вызывает теперь, я не помню. И сегодняшнего уровня лжи и продажности я даже представить себе не мог.

Вообще, мы все такими дураками были в советские времена! У нас еще сохранялись представления о морали, о порядочности... Мы, жившие тогда, считали, например, что врать – плохо. И что политик врать не должен, что он должен говорить правду. Какая ерунда! Политик не может не врать. Иначе он не политик, а идиот. Он просто не имеет права говорить правду. Иначе он тут же закончится как политик. Квинтэссенция такого политика, доведенная до полного абсурда, – Жириновский. В этом смысле, счастье, что он есть, как наглядное пособие, популярно разъясняющее природу современного политика. Однажды после эфира, моментально сбросив с себя маску, в которой стоит перед включенной камерой, он сказал мне: «Ты апеллируешь к разуму избирателя. А я не могу обращаться к тому, чего нет. Поэтому я обращаюсь к инстинктам...» Правда, в последнее время он что-то самоисчерпался, какой-то вялый стал... Нет, вы не находите?

Но мы отвлеклись. В начале 1992 года повалили ко мне журналисты с вопросом: «Что такое? Зачем второе гражданство?» Как будто я обязан был дать им отчет... «МК» опубликовал какую-то омерзительную заметку на первой странице. Всё в ней было ложью. Но кого интересует правда? Никто ведь правды не ищет... Ищут только способ, чтобы их прочли. И не более того.

Помню, пришел молодой журналист, такой, знаете ли, разбитной, агрессивный, и спрашивает: «Ну чего, чего вы не получили в этой стране? У вас же есть всё. То, о чем многие артисты лишь мечтают, у вас имеется: и популярность, и звание, и деньги...» Причем спрашивает таким тоном, как будто всё перечисленное подарено лично им, а не заработано моим собственным трудом. «Разве вам кололи глаза тем, что вы еврей?» В ответ на это я открыл книжный шкаф, достал оттуда свой комсомольский билет, выданный мне в 1959 году, и сказал ему: «Прочтите, что написано в графе “национальность”». А писал я это тогда, в 1959-м, своей рукой. Он читает: «Осетин». «Как вы думаете, – спрашиваю его, – к четырнадцати годам я знал, что я еврей?» – «Наверняка». – «Почему же я написал “осетин”? Есть предположения?»

Написать «русский» в комсомольском билете я не мог, – глядя на меня, вы это понимаете. И я выбрал компромиссную национальность – осетин. И с той минуты моя жизнь довольно серьезно изменилась. Потом на концертах я стал от некоторых зрителей слышать, что я еврей. Они считали нужным мне это напомнить, бывало такое. Я даже представить себе не мог, что, прожив жизнь на сцене, я однажды услышу, как зрители топают ногами и кричат: «Уходи». Если кто-нибудь думает, что я рассказываю в расчете вызвать сочувствие, показать, как трагична моя актерская судьба, то он ошибается. Никакой трагичности нет. Просто в определенный момент я увидел, как возрастает та часть зрительного зала, которой подходит эпитет «жлобская». И я не захотел этой части зала соответствовать. У меня всё-таки были другие университеты. Мне повезло: я воспитывался на Моховой, в Доме культуры гуманитарных факультетов МГУ, в эстрадной студии Марка Розовского. Я пришел на эстраду, и у меня была только одна точка отсчета – Аркадий Исаакович Райкин. И никто никогда больше. Ни при каких обстоятельствах. Только он. Сам же Райкин к «эстраде» имел условное отношение, правильней сказать, что это был артист малой формы. Обычно в понятие «эстрада» вкладывается нечто совсем иное...

№ 1. Агапеев о себе и м. а. а. «Отец и а. а. а.»

После школы меня не принимали ни в одно театральное заведение. И всё же, хотя не с первой попытки, я поступил в Училище циркового и эстрадного искусства. Узнал я о нем благодаря Саше Ширвиндту, который как-то сжалился надо мной и сказал: «Вот есть такое училище в Москве, в него собирают всех, кого не взяли ни в ГИТИС, ни в другие театральные вузы... Такой, короче, отстойник... Попробуй туда...» Но меня и туда не приняли!.. Тогда я поступил в Московский инженерно-строительный институт. Через год перетащил туда одного мальчика из Института электронного машиностроения... Мальчик этот хотел, чтобы о нем узнали, и впоследствии так и случилось, звали мальчика Леня Якубович...

Попыток связать жизнь со сценой, будучи студентом МИСИ, я не оставлял. В конце концов мне повезло, и я поступил в Цирковое училище, попал на курс к замечательному педагогу Надежде Ивановне Слоновой. Она отличалась удивительным умом и душевной чуткостью. Но в последние годы ее жизни я не смог с ней общаться. Уже уйдя из училища, она стала антисемиткой: вдруг, на старости лет... Поразительно, я никогда в ней этого не чувствовал. Когда она нам преподавала, ничего подобного не было! Но в последние годы, видя, что происходит со страной, она все ее беды стала приписывать «тлетворному еврейскому влиянию». Коммунистов она не любила по тем, советским еще, временам просто отчаянно. И, когда они ушли со сцены, ее нерастраченная нелюбовь к коммунистам нашла новый объект для «обожания» – евреев. Я приходил к ней домой уже в новейшие времена, она начинала мне пересказывать содержание журнала «Наш современник», который выписывала и читала от корки до корки. И мы перестали общаться совсем, потому что это было унизительно... Вот так, бывает, рвутся человеческие связи. Сейчас ее нет с нами, Царство ей Небесное, и поэтому я могу рассказать...

Может быть, у кого-то есть вопросы? Возможно, я говорил не о том, что вас интересует...

И вопросы, устные и в записках, последовали.

Отвечая, Хазанов был серьезен, требователен и небеспристрастен к коллегам по цеху, эмоционален. Всегда искренен, порой чрезмерно, не опасаясь того, что «подставляется». В ответах его проявилось умение от личного (от темы профессионального успеха и взаимоотношений с менеджерами от эстрады, с коллегами, с авторами текстов и зрителями) переходить к общему, значимому для жизни страны. Вот некоторые фрагменты его диалога с залом.

– Как вы относитесь к программе «Аншлаг» и не было ли у вас желания создать альтернативный проект?

– Передача «Аншлаг» началась в 1987 году. Если помните, 13 и 20 января произошли драматические события в Литве и Латвии. Сначала у Вильнюсского телецентра, потом в Риге...

Телевидение было растеряно, Кравченко, возглавлявший Гостелерадио, не знал, что делать, естественно, все «шишки» падали на него. Хотя вопросы надо было задавать не ему, а высшему руководству. Оно тоже было в замешательстве. Там понимали, что рвется ткань... Идет необратимый процесс распада и ничего нельзя сделать, ни-че-го... Почему сейчас наверху так боятся протестных акций по поводу отмены льгот пенсионерам? Если только толпа встанет – их власти конец. Никто сегодня, ни один человек, не пойдет на то, чтобы применять силу против своего народа. В Новочеркасске 1962 года такое было возможно, сегодня уже нет. Сейчас всё другое, сознание у людей изменилось. Если только толпу довели, она встала, а сила не применяется – всё, режим рушится. Вы видели, что произошло на Украине? Вот и всё... Восставшая толпа – страшная вещь. В конце января 1991-го я подписал письмо – в составе большой группы кинематографистов – о бойкоте Центральному телевидению. Бойкот мы объявили за ложную, искажающую реальные события информацию, которую ТВ давало в эфир. Вскоре после этого мне предстояло ехать на гастроль в Америку. Я позвонил Дубовицкой и сказал: «Регина, у меня просьба. Я подписал документ о бойкоте, поэтому, пока я не вернусь из поездки и пока ситуация в целом не разрешится, пожалуйста, не включай запись моих выступлений в передаче». Меня не было 45 дней. Возвращаюсь, и первое, что мне говорят в Шереметьево: «О, вчера был “Аншлаг”, и ты в нем...» Уже тогда это была опухоль, но доброкачественная. Теперь же она стала злокачественной, с метастазами... Короче говоря, я сказал: «Всё, Регина, мы больше не сотрудничаем». До этой истории была другая, связанная с Дубовицкой. Ведь я кое-что для нее делал, чем мог, помогал... И однажды, еще работая на радио, в телефонном разговоре со мной она сказала: «Никогда человеческие отношения для меня не будут выше профессиональных». После этого я повесил трубку. С 1991 года мы, слава Б-гу, не имеем друг к другу отношения.

– Почему ваш отец не начал общаться с вами? Знал ли он, что вы его сын?

– Отец знал, что я его сын. Это я не знал... Мама молчала. Более того, в том доме, где мы, неожиданно для него, встретились, у меня была уже маленькая дочь. Он видел и сына, и внука. Думаю, там сложная личная история. Он был женат, вынужден был принимать определенное решение... И он его принял.

– Расскажите о ваших встречах с Леонидом Утесовым.

– Это не просто встречи. К Леониду Осиповичу я пришел после окончания Училища циркового и эстрадного искусства. Меня нигде не брали на работу. В 1968 году меня, как «антисоветский элемент», выслали с гастролей и исключили из учебного заведения. Дело было в Поволжье. Была такая певица на эстраде, Нина Дорда. Мне было 22 года, я работал в ее сольном концерте. Меня взяли, чтобы я вел программу и, что называется, «натягивал метраж» между песнями, чтобы ей можно было отдохнуть. А я так любил выступать, что не мог дожидаться, когда же она уйдет. И самым ужасным для меня было, когда она опять возвращалась петь. Ее пение стало моим кошмаром. В общем, меня за исполнение «нелитованного» материала, то есть не прошедшего цензуру и не заверенного печатью, выслали с гастролей. И руководитель Росконцерта, огромной организации, включавшей в себя и Москву, и Московскую область, и всю Россию, написал письмо на имя директора нашего училища. Финал письма звучал так: «Дирекция и художественное руководство “Росконцерта” доводит до Вашего сведения, что по окончании училища студент Хазанов не будет принят на работу ни в одну из организаций системы “Росконцерта”, в связи с чем просим из учебного заведения его отчислить». И копию – в отдел учебных заведений Министерства культуры. С автором этого письма я, утвердившись в профессии, общался, мы были в неплохих отношениях... Сегодня его уже нет в живых. Меня «прорабатывали», но позволили получить диплом. Ну вот, я оканчиваю училище и не знаю, куда мне идти. И человек, с которым потом я был тесно связан и человечески и творчески не одно десятилетие, Аркадий Хайт, в тот момент, в 1969 году, вместе со своим соавтором писал концертную программу к сорокалетию оркестра Утесова. Он сказал, что этому коллективу нужен конферансье. До меня это место занимал крупнейший теоретик жанра, автор практических учебников... Евгений Ваганович Петросян. Он покинул оркестр, написав прощальное письмо Утесову, где, в частности, начертал: «Трагедия моей жизни заключена в том, что я органически похож на Райкина». Но Утесов, оберегая раненого Аркадия Исааковича, постарался, чтобы Райкин об этом мнении никогда не узнал. В 1969 году я начал работать в оркестре Леонида Осиповича, и этот человек меня многому научил. Он был уникальным... Необразованный, но обладавший бешеным дарованием, подкрепленным мудростью. И при этом – живой открытый человек. «Сынок, – говорил он мне (и действительно звучит голос Утесова с характерной хрипотцой и неистребимой одесской интонацией. – А. Р.), – сынок, ты запомни: музыкант – не профессия, это национальность».

– Познакомились ли вы с родственниками по линии отца?

– Нет, не знаю никого. Этого не случилось.

– Как вы объясните, что Степаненко и Петросяна часто показывают по телевидению?

– Вообще, вопрос не по адресу. Могу вам сказать, что у них действительно высокий рейтинг. Почему? Во все времена самогон пило большее количество людей, чем элитные напитки. Это не только у нас – на Западе телевидение тоже отнюдь не отягощено интеллектом.

– Кого вы можете назвать своим другом?

– Знаете, сложное дело с друзьями. Сложное дело. Я вообще-то трудоголик. А у трудоголика с друзьями редко получается... Дружба у него остывает... Трудоголик много общается с теми, с кем связан профессией, делом. С ними у него завязываются отношения. В настоящее время мне очень близок замечательный, для меня просто самый лучший, театральный режиссер Леонид Трушкин из театра Антона Чехова. Мы с ним очень дружим. Много лет я дружен с Аркадием Хайтом. Закончу ответ на этот вопрос известной сентенцией: как друг я дерьмо, но как врагу мне цены нет!..

– Встречались ли вы с Высоцким?

– Да, встречался. Отдавая дань его дарованию, могу сказать, что я не из числа фанатов Владимира Семеновича Высоцкого. С моей точки зрения, он одним из первых начал закапывать в землю социальную значимость того, чем занимался Райкин. Когда появился Высоцкий со своим звуком истерзанным, Райкин стал благообразным, разрешенным властями, набриолиненным красавцем. Распространение магнитофонных записей Высоцкого никогда властями не приветствовалось, предшествовало самиздатской деятельности... Но далеко не всё, что делал Высоцкий, что называется, «ведет к Храму». Это мое, очень субъективное мнение.

– Как вам кажется, есть ли надежда, что в обозримом будущем появится хоть какая-то преграда на пути той агрессивной пошлости, которую культивируют СМИ?

– В России, как я понимаю, можно существовать только в двух ипостасях: либо в диктатуре, либо в беспределе. К великому сожалению, микста, ну хотя бы 50 на 50, у нас не получается. Не выходит. Поэтому пошлость в неподцензурных СМИ можно поменять только на пошлость идеологическую. Другой вариант в данных обстоятельствах не просматривается. Отсутствие цензора в голове пишущего – большая беда.

– Как вы видите еврейское будущее в России?

– У меня плохое зрение...

– С какой целью вы получили израильское гражданство?

– Хороший вопрос. По существу! Однажды – я тогда был членом Президентского клуба – этот же вопрос мне задал Ельцин. «Ну зачем вам это гражданство?» (Копирует хорошо знакомый «дорогим россиянам» голос, и зал сотрясается от хохота. – А. Р.) Хотя в 1991-м официально объявили, что Россия признает двойное гражданство – был такой короткий период, – оказалось, нужно давать отчет. «Понимаете, Борис Николаевич, с этим паспортом можно туда без визы ездить...» Он смотрит на министра Козырева: «А мы когда будем без визы ездить?..»

Развернув последнюю записку, Геннадий Хазанов прочел: «Уважаемый Геннадий Викторович! Вопросов у меня нет. Напишу то, что вы слышали много раз: СПАСИБО».

– Смотрите, – Хазанов поднял записку над головой и помахал ею, как флажком. – Вопросов у него нет. Дескать, что с тебя спросить, всё равно ты толком ничего не ответишь... Но он всё-таки написал: СПАСИБО. Нашелся один человек в зале, просто взял – и СПАСИБО артисту прислал. Не поспешил, что называется... Пустичок, а греет... Вот для такого зрителя, даже если он сегодня в меньшинстве, хочется работать.

В ИЮНЕ 1967-ГО

Марк Зайчик

Продолжение. Начало в № 3, 2005

– Вот уж не думала, что могу так растрогаться от чужих слов, – сказала Мирьям Абрамовна, выслушав мой рассказ. Мне показалось, я заметил влажный блеск в ее семитских ярких бирюзовых глазах. Эта женщина была вдовой бывшего главы правительства Израиля Леви Эшколя, который управлял страной в 1960-х годах и выиграл Шестидневную войну вместе со своей армией и народом.

Эшколь (второй из четырех братьев семьи Школьник), родившийся на Украине, стал премьер-министром Израиля после некоторых событий, вызвавших обиду тогдашнего премьер-министра Давида Бен-Гуриона и его отъезд в родной кибуц Сде Бокер на юге страны.

Леви Эшколь, рассказывает Мирьям Абрамовна, в отличие от Бен-Гуриона, был высок ростом, плечист, спокоен. Бен-Гурион – лицом, копной волос на огромной голове и горящими глазами – был похож на советского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Бен-Гурион с Эшколем делали общее дело, но каждый в соответствии со своим темпераментом. Их жизненное поведение было совершенно различным.

Эшколь – опытный, спокойный человек, обогащенный большой насыщенной жизнью, несколько медлительный. С ним считались многие, в том числе и Бен-Гурион, который несколько раз говорил: «Эшколь должен будет меня сменить – конечно, когда придет время». «Старик» – такова была кличка Бен-Гуриона. Он был человеком сложной нервной организации, часто обижался на то или иное слово или дело соратников по партии и коалиции, после чего немедленно подавал в отставку и уезжал в свой кибуц в пустыне Негев.

Парламентские выборы в кнессет 4-го созыва прошли в ноябре 1959 года. Правящая партия МАПАЙ, или Рабочая партия Израиля, вышла вперед с огромным преимуществом. Прочное экономическое положение Израиля и уверенность на границах позволили партийным чиновникам больше времени посвятить так называемой чистке рядов. Это происходило на фоне противостояния старых членов партии и ее молодой поросли. К группе молодежи относились закончивший каденцию на посту начальника Генштаба Моше Даян, энергичный и многообещающий политик Шимон Перес и некоторые другие. «Молодежь» рвалась наверх, осуждая Бен-Гуриона за «торможение юных сил». Не раз и не два Эшколь, известным терпением и мудростью, «человек компромисса», призывался ветеранами партии для улаживания конфликтов и споров. Ветераны осуждали новое поколение за «безделье и погоню за сладкой жизнью». По их словам, слишком откровенно эти люди рвались наверх, «не тормозя на поворотах». Будучи успешным министром финансов, Эшколь без энтузиазма отвлекался от своих прямых обязанностей и занимался «замирением сторон» в силу ответственности перед страной.

Назначению Леви Эшколя премьер-министром предшествовала очередная отставка, разыгранная Бен-Гурионом. «Немного он был ограничен, этот Грин – это настоящая его фамилия, – говорила Мирьям Эшколь. – Время от времени ему казалось, что необходимо устроить политическую встряску, маленькую революцию. Муж думал тогда, что “Старик” устал и хочет уйти из политики. Он был предан Бен-Гуриону, работал на него, как раб, верил ему во всем. У них были идеальные человеческие отношения до того момента, когда Бен-Гуриону стало казаться, что он не получит обратно от Эшколя пост главы правительства, что Эшколь не вернет ему власти».

Более или менее ясно, что за человек 25 июня 1963 года стал во главе еврейского государства: он был честен, умен, сдержан, силен, предан и хорошо видел перспективу. Личность нового премьер-министра и стиль его работы за короткое время повлияли на израильское общество. Во многом не цельный, расколотый народ Израиля нуждался, как выяснилось, в объединяющей и «успокаивающей» власти. Леви Эшколь подошел для этой цели. Быстро выяснилось, что разница в стиле работы двух лидеров страны замечена на всех уровнях израильской жизни. В частности, известная мягкость Эшколя повлияла на отношения арабов и евреев внутри страны, религиозных и нерелигиозных граждан Израиля, европейских и сефардских иудеев. А главное, изменились к лучшему отношения ведущих политических блоков: МАПАЙ и ХЕРУТ (правой ревизионистской партии).

Бен-Гурион, человек страстный, никогда не называл лидера правых Менахема Бегина по имени. Во время яростных споров в парламенте Бен-Гурион говорил так: «Мой оппонент, да-да, тот самый, что сидит по правую руку от...» Никаких отношений между Бегиним и Бен-Гурионом не было и быть не могло. Их столкновения в парламенте вызывали бурю эмоций с обеих сторон.

Эшколь сумел выслушать ревизионистов и положить начало нормальному политическому диалогу. Искреннее желание нового премьера примирить социал-демократов и наследников ревизионистского движения, основанного Владимиром Жаботинским, проявилось в 1964 году, когда новый глава правительства согласился с просьбой лидеров ХЕРУТ о захоронении в Израиле останков Жаботинского, умершего в 1940 году в Нью-Йорке. К Эшколю пришел Менахем Бегин, они обсудили ситуацию. В своем завещании Жаботинский просил захоронить себя «только по распоряжению еврейского правительства в независимом государстве, которое будет создано вскоре в Палестине». 15 лет подряд Бен-Гурион решительно отказывал в исполнении этой просьбы. «Эти похороны – частное дело семьи Жаботинского. Нам нужны живые евреи, а не мертвые», – отвечал глава государства. Он хорошо знал Жаботинского, они переписывались, Бен-Гурион почитал этого человека. Но законы политики отличаются от законов жизни.

Эшколь рекомендовал правительству откликнуться на просьбу Бегина. В июле 1964 года, через 24 года после кончины, останки Зеева Жаботинского были перевезены в Иерусалим и захоронены на горе Герцля. Захоронению предшествовала официальная государственная церемония.

Тогда же, в марте 1964 года, Эшколь женился на библиотекарке парламентской библиотеки, Мирьям Зеликович. Свадьба была очень скромной, на церемонии присутствовали только свои. До брака они были знакомы много лет, Мирьям жила поблизости от Эшколей, была подругой его жены и дочерей. «Однажды меня спросил один англичанин, не мешала ли нам разница в 34 года, не слишком ли это большая пропасть в отношениях. Я сказала ему, что да, действительно, пропасть была огромна: я всегда была взрослой, а он – на 100 лет моложе меня. Как-то мы поругались, я уж забыла почему, и он в гневе крикнул: “Да кто здесь представляет молодое поколение, в конце концов, я или ты?” Я засмеялась и сказала: “Ты молодое поколение, Эшколь”, – и мы сразу помирились, потому что это была правда...»

В их отношениях была и любовь, и страсть, это была большая человеческая удача для обоих.

Эшколь прекрасно понимал суть коммунистического режима в России. Он знал, чем чреваты ссоры с советскими лидерами. Коммунисты Советской России душили еврейскую культуру, многое сделали для того, чтобы эта культура умерла. Эшколь намеревался говорить с советским правительством о проблемах еврейского народа без надрыва и истерики, так, как он в жизни говорил с окружающими.

Эшколь, будучи хорошо осведомлен об СССР, тем не менее подчеркивал важность улучшения и углубления отношений с «оплотом социализма». Он любил повторять: «Свято место пусто не бывает».

Он всегда помнил о трех миллионах евреев, живших в этой стране, знал об их непростой жизни. В СССР жили его родные братья, их семьи, он беспокоился о них. Эшколь, наконец, любил русских поэтов.

– Мирьям Абрамовна, Эшколь сам писал свои речи?

– Обычно Эшколь всё писал сам. Иногда, если не хватало времени, подключались референты. В его окружении было совсем немного людей. Мы не держали в доме много прислуги, это было другое время. Были уборщица, шофер, охрана, и всё.

– А что он читал? Кто был его любимый писатель?

– Лермонтов. Да-да, чему вы удивляетесь? «Тамань», «Бэла», стихи... Он любил и некоторых наших писателей, но больше всех, повторяю, Лермонтова.

Однако попытки Эшколя и его представителей наладить контакты с правительством СССР трудно назвать успешными. Глава Моссада Меир Амит, летавший в Стокгольм на встречи с высшими офицерами КГБ, через много лет рассказывал, что ничего полезного эти встречи не дали: «Холодное внимание, вежливое общение – это всё, что можно сказать о наших контактах».

Примерно так же можно было охарактеризовать и дипломатическое общение. Мирьям Эшколь вспоминает, что многолетний советский посол в Тель-Авиве Чувахин был человеком высокомерным, жестким. Он был неприятен: всегда, даже в самую жуткую жару, ходил в костюме-«тройке» и производил впечатление настоящего чинуши, равнодушного надменного бюрократа. «Может быть, он и не был таким, просто действовал по инструкциям московского начальства, но впечатление производил резко отрицательное на всех. Его не любили, бедного», – вспоминала Мирьям Эшколь.

7 апреля 1967 года в крупном столкновении на сирийской границе самолеты израильских ВВС сбили шесть сирийских «Мигов». Два сирийских самолета были сбиты в бою в предместье Дамаска. После 7 апреля советские власти опубликовали в печати суровое осуждение Израиля. Напряженность на сирийско-израильской границе росла.

Несмотря на это, израильская военная разведка в те дни не считала, что в ближайшее время страну ждет война с Египтом или с какой-либо другой арабской страной. Незадолго до апрельского инцидента начальник отдела военной разведки Израиля Аарон Ярив утверждал, что тотальной войны в регионе не предвидится, так как Египет серьезно увяз в военном конфликте в Йемене. Начальник Генштаба Ицхак Рабин отмечал отсутствие единства среди арабов, выступающих против сионистского врага. Оба они на тот момент не считали войну реальностью.

11 мая СССР сообщил Египту заведомо ложные сведения о том, что израильтяне готовятся к широкомасштабной войне. В специальной депеше было сказано, что 13-я бригада ЦАХАЛ, укомплектованная тысячами солдат и сотнями танков, расположилась на северной границе, готовясь к свержению существующего политического режима в Сирии. В этой депеше всё было ложью.

Согласно одной из достоверных теорий, советское руководство было заинтересовано не столько в том, чтобы спровоцировать войну, сколько в сближении арабских стран с Египтом. В этом случае позиции СССР в арабском мире резко усиливались.

Насер демонстрировал своими действиями, что он предан договору о дружбе, обороне и взаимной помощи с Сирией, подписанному незадолго до этого. Армейские подразделения Египта в Синае были резко увеличены.

14 мая, в День независимости Израиля, премьер-министру Эшколю продолжали поступать сообщения о вводе Египтом дополнительных армейских частей в Синай. Параллельно поступило сообщение о выводе египетских войск из Йемена.

На следующий день начальник Генштаба генерал-лейтенант Ицхак Рабин доложил Эшколю, что всего в Синай вошли три египетские дивизии, которые заняли оборонительные позиции на севере полуострова. Эшколь разрешил Рабину 15 мая провести немедленную мобилизацию 5000 солдат-резервистов.

16 мая Эшколь впервые на заседании правительства доложил о ситуации, складывающейся на границе с Египтом. Египет продолжал наращивать военное присутствие в Синае, параллельно выводя войска из Йемена. За три дня число египетских солдат выросло с 25 до 80 тыс. человек. Танковые силы

Египта выросли с 250 до 600 боевых машин. Сирия также увеличила свои войска, дислоцированные против израильских позиций, добавив к трем дивизиям еще две. В сирийской армии была введена боеготовность номер один.

17 мая израильский посол в США Авраам Харман встретился в Вашингтоне с заместителем госсекретаря Юджином Росту. Израильянин получил заверения, что в случае конфликта еврейское государство «не останется в одиночестве». Росту попросил Израиль проконсультироваться с Вашингтоном, прежде чем решиться начать войну. «Египтяне передислоцируют войска на Синае внутри своей суверенной территории, поэтому превентивный удар вашей армии на данном этапе будет большой ошибкой», – сказал Росту израильскому послу.

По словам Мирьям Эшколь, у Ицхака Рабина в те дни произошел нервный срыв. На протяжении двух суток он находился дома, ни с кем не общаясь. Подтверждение этого факта содержится в книге воспоминаний начальника оперативного отдела Генштаба тех дней Эзера Вейцмана, будущего президента страны. Вейцман был амбициозен, смел, очень способен, хотя имел репутацию бесшабашного красавца-военного. Он писал, что у начальника Генштаба израильской армии, заядлого курильщика, в 20-х числах мая было зафиксировано никотинное отравление, с которым тот сумел справиться лишь через два дня. Всё это совпало с нервными перегрузками и огромной ответственностью. Он просто сорвался, Ицхак Рабин, не выдержав невероятных нагрузок тех дней.

Должен ли Израиль нанести превентивный удар по египетским войскам, и если да, то как построить эту атаку, чтобы она стала решающей? Такой вопрос стоял перед участниками совещания в канцелярии главы правительства Эшколя 25 мая вечером.

Главным участником, привлечшим всеобщее внимание, стал начальник Генштаба Ицхак Рабин: он вернулся к исполнению своих служебных обязанностей после более чем 30-часового отсутствия. На встрече присутствовали Ярив, Амит, Вейцман, референт Эшколя Исраэл Лиор и несколько других чиновников рангом ниже. Все ждали того, как поведет себя начальник Генштаба. Рабин, войдя в кабинет Эшколя, положил на стол премьера заявление об отставке. Он был военным и понимал, что должен отвечать за 30-часовую паузу в своей работе. Эшколь взглянул на бумагу и коротко сказал:

– Прекрати, Ицхак, никаких проблем с тобой ни у кого нет. Работай, как работал.

«Эшколь был умным, теплым, внимательным человеком», – написал Рабин через много лет в книге воспоминаний.

На заседании у премьера речь шла не об уязвимости начальника Генштаба, а об уязвимости Израиля.

В правительстве и в министерской комиссии по обороне выявились разногласия. Министры от Национально-религиозной партии МАФДАЛ, более чем умеренные, были категорически против нанесения Израилем превентивного удара. Они выдвинули требование пригласить на пост министра обороны Давида Бен-Гуриона.

Эшколь ответил:

– Я не включу в правительство человека и не выйду с ним на войну после того, как он назвал нас лжецами и аферистами.

Несколько слов о тогдашнем министре обороны, Моше Даяне.

В его личности сочетались многие противоречия. Он любил стихи и сам писал рассказы. Он не пропускал мимо ни одной женщины. Он обожал Страну Израиля и увлеченно занимался присвоением археологических находок, что в любом другом случае могло повлечь уголовное наказание. Даян обожал порядок и устав и одновременно... презирал законы своей страны. Однажды он публично сказал, что сожалеет... о рождении своих детей. Одноклассник Даяна вспоминал о нем так: «Моше был лгуном, невероятным гордецом, а считал себя мудрецом. Он был потрясающим хвастуном. И всё равно все очень ценили его». Мнения о нем высказывались противоположные. Поклонники называли его смелым, решительным, самостоятельно думающим. Такой человек, как Меир Амит, считал его настоящим лидером, всегда «поражающим цель», с невероятно развитыми инстинктами.

На совещании в канцелярии Эшколя обсуждалось возможное нападение арабов. Премьер-министру пояснили, что главная проблема состоит не в блокаде Тиранского пролива, а в концентрации сирийских и египетских войск на границе с Израилем.

– Эти войска реально угрожают существованию Израиля, – коротко сказал главе правительства начальник оперативного отдела Генштаба Эзер Вейцман. Эшколь молча слушал его.

– Чем больше мы выжидаем, тем более усиливается союз арабских стран и тем более возрастает опасность внезапной атаки на Израиль, – добавил Вейцман.

Представитель военной разведки сказал, что возможная атака арабов даст им инициативу и расстроит планы Генштаба, основанные на масштабном ударе израильских ВВС по аэродромам противника. Воздушный удар должен дать преимущество в воздухе, которое определит исход будущей войны.

По результатам совещания Эшколь отправил своему министру иностранных дел Эвену, находившемуся в Вашингтоне, срочную телеграмму. Эшколь просил Эвена объяснить президенту США Джонсону, что сейчас речь идет не об открытии проливов, а об угрозе существования страны.

Получив послания от Джонсона, Косыгина и де Голля, Эшколь согласился с мнением умеренных министров своего кабинета о двух- или трехнедельной отсрочке начала военных действий.

В третьем часу ночи 27 мая 1967 года в лобби тель-авивской гостиницы «Дан» вошла группа мужчин. Охранники главы правительства узнали посла СССР Дмитрия Чувахина. Был вызван помощник Эшколя по политическим вопросам Исраэл Лиор, которого Чувахин убедил разбудить премьер-министра и встретиться с ним.

– Это дело так срочно? – спросил Лиор.

– Очень срочно. Неотложно, – сказал Чувахин.

– Я смогу вам ответить через 15 минут, – сказал Лиор.

Он дозвонился в номер премьера достаточно быстро и сообщил о визитерах.

– Так прямо всё и горит? – сказал Эшколь. – Ладно, пускайте его.

Мирьям Эшколь тогда заметила, что это безобразие – все эти ночные послания и визиты.

– Это очень важный разговор, – сказал Эшколь.

– Я останусь в халате, а ты будешь в пижаме, – ответила на это Мирьям со свойственной молодости категоричностью. Эшколь всё же сменил пижамные штаны на брюки. Вместе с пижамной курткой его одежда смотрелась достаточно солидно.

В 2 часа 25 минут Дмитрий Чувахин находился на последнем этаже-«люкс» гостиницы «Дан» в номере с замечательным видом на Средиземное море. Посол передал Эшколю послание главы правительства СССР Алексея Косыгина.

«Мы надеемся, что после того как вы, господин премьер-министр, тщательнейшим образом взвесите сложившуюся ситуацию, то поймете ту огромную ответственность, которая ляжет на сторону, начавшую военные действия. Мы верим, что Израиль не будет страной, которая начнет военные действия на Ближнем Востоке», – писал Косыгин.

Рядом с Чувахиным, как всегда одетым в безукоризненную «тройку», находился его помощник. Гости выглядели неприветливо и настороженно. По словам Мирьям Эшколь, только ее муж держался спокойно, как всегда. Но было очевидно, что происходит чрезвычайно важный для Израиля разговор.

Чувахин говорил по-русски, Эшколь – на иврите. Помощник Чувахина сидел возле своего патрона, слушал беседу и что-то быстро писал в блокноте. Иногда Эшколь, хорошо говоривший по-русски, отвечал Чувахину на родном для посла языке. В комнате было много народа.

– Мы их ничем не угощали – какое может быть угощение в середине ночи таким неприятным людям? До Чувахина русским послом был Бодров, милейший, воспитанный человек, но они его сменили: зачем им приличные люди в послах? – заметила Мирьям Эшколь риторически.

– Вы готовитесь к войне, господин Эшколь, – утвердительно сказал Чувахин. – Вы мобилизовали резервные силы и сконцентрировали их на севере и юге страны.

– Мы не готовимся к войне, господин посол, Египет и Сирия готовятся к войне, – ответил Эшколь.

– Нет, наша информация верна: вы на пути к войне, и мы требуем от вас не начинать необдуманных военных действий, – сказал Чувахин.

– Я приглашаю вас, господин посол, съездить со мной сейчас на нашу северную границу, чтобы вы убедились в своей неправоте.

– Я никуда с вами не поеду. Демобилизуйте армию, господин Эшколь, и сделайте это немедленно, – сказал Чувахин. Эшколь посмотрел на него мрачно и промолчал.

Эшколь предложил Советскому Союзу принять предложение де Голля, согласно которому сверхдержавы должны оказать дипломатическое давление на арабские страны с целью предотвратить войну в регионе. Чувахин отказался это обсуждать.

С нескрываемым сарказмом Эшколь заметил советскому послу:

– Несмотря на то что мы не являемся такой развитой страной с демократическими традициями, как Сирия, не кажется ли вам, господин Чувахин, что правительству СССР стоило прислать сюда специального посланника, чтобы он выслушал и нашу точку зрения на конфликт? Может быть, стоило бы пригласить израильского премьера в Москву?

Посол не ответил, показывая своим видом, что не уполномочен это обсуждать.

Во время той ночной беседы посол СССР четыре раза спросил Эшколя: «Готовы ли вы дать гарантии, что Израиль не начнет войны?»

Эшколь ответил напористому Чувахину, что «поведение Египта означает только то, что первые выстрелы в войне уже сделаны именно арабами».

Чувахин производил впечатление человека, который не верит словам собеседника. От этого он мрачнел и раздражался. Эшколь был с ним терпелив, как с больным.

По словам Мирьям Эшколь, встреча длилась часа полтора, всё закончилось около четырех утра. Уходящий посол выглядел растерянным и подавленным. Нельзя было сказать, что Эшколь и Чувахин расстались друзьями.

В период израильской отсрочки президент Насер и иорданский король Хусейн заключили договор о дружбе и взаимопомощи. Леви Эшколь предполагал, что в этот отрезок времени надо предоставить арену действий Америке, которая совместно с другими странами может снять блокаду пролива и ликвидировать скопление египетских войск в Синае дипломатическим путем. Генерал-лейтенант Ицхак Рабин возражал: по окончании отсрочки Израиль окажется в худшей политической и оборонной ситуации. Однако все министры кабинета, за исключением одного, поддержали Эшколя.

28 мая Эшколь вместе с министром труда Игалем Алоном встретился с высшими офицерами Генштаба в бункере главного командования. Эшколь рассказал собравшимся о развитии событий в районе и объяснил причины отсрочки военных действий.

С того момента, как египтяне перекрыли Тиранский пролив, разведка Генштаба не прекращала сообщать о предстоящей атаке египтян на Израиль. По информации разведчиков, атака будет направлена на Димонский ядерный реактор, порты и аэродромы Израиля. Египтяне намеревались нанести ракетный, газовый удары и даже взорвать несколько атомных зарядов, изготовленных примитивным способом. По оценкам аналитиков, Сирия и Иордания должны будут присоединиться к войне, а американцы вмешаться в происходящее не будут. ЦАХАЛ разработал оперативные планы. Армия ждала только «зеленого света» от правительства, чтобы начать действовать.

Эшколь сообщил генералам, что ждать необходимо неопределенное время. Реакция военных на слова главы правительства была немедленной и резкой. Шесть выступавших в прениях генералов выразили разочарование действиями правительства. Некоторые из военачальников заявили, что правительство своими решениями демонстрирует слабость и беспомощность.

«Если Израиль намеревается существовать, он не может рассчитывать на то, что его защитят другие», – сказал начальник разведки Аарон Ярив.

Жестче всех говорил командующий армией Ариэль Шарон.

– Мы в состоянии сокрушить египетскую армию. Уступив сегодня, мы поставим под вопрос наше будущее, будем дороже платить за него потом... Народ психологически готов к справедливой войне. Этот же народ понимает, что за всё надо платить и необходимо бороться за будущее. Проблема для нас не в Египте, проблема – в нас самих. Проблема – в существовании Израиля».

В конце мая 1967 года Страна Израиля не жила своей обычной жизнью. Радиопередачи и газеты (своего телевидения еще не было, владельцы телеприемников ограничивались приемом иорданских передач) сообщали о предвоенной суете в соседних странах. Арабская улица, возбужденная как никогда, кричала, пела и плясала в честь предстоящей окончательной победы над Израилем. Всё это умело режиссировалось арабами. «Наша основная цель – уничтожение Израиля», – заявил в публичном выступлении Гамаль Абдель Насер. Его слова были встречены восторженным ревом каирской толпы.

В Израиле принимались меры по организации тыла. В больницах были приготовлены 14 тыс. мест для раненых, закуплены лекарства для пораженных в газовых атаках, которые ожидалась в предстоящей войне. Были приготовлены 10 тыс. могил...

Радовало поведение еврейского народа в диаспоре. В трудный час Израиль не остался в одиночестве. Тысячи евреев прибывали в страну для добровольческой помощи. Люди жертвовали все свои сбережения на армию, оборону, на медицинские и другие службы. Огромные демонстрации поддержки Израилю прошли в Лондоне и Нью-Йорке. Во Франции еврейские семьи продавали реликвии, произведения искусства, чтобы помочь Израилю. Сотнями прибывали в страну и волонтеры-неевреи. Христианские и светские нееврейские организации создали фонды поддержки. В подарок Израилю из Германии поступили 20 тыс. противогазов: посылка, которую можно было определить как символическую... И всё это – поддержка, подарки, волонтеры – усиливало ощущение грядущей катастрофы в стране.

31 мая в Вашингтон, по просьбе Эшколя, отправился директор Моссада Меир Амит. Он должен был выяснить точку зрения американской администрации. Этот 44-летний генерал вылетел в Штаты обычным рейсом под чужим именем. Амит, которого хорошо знали в Вашингтоне, встретился и провел беседы с руководителями ЦРУ и с министром обороны США Робертом Макнамарой.

– Если у вас начнется война, сколько времени она продлится? – спросил Макнамара.

– Мы закончим всё в два дня, – ответил Амит. Он был жестким человеком.

– Сколько потерь в живой силе Израиль сможет вынести?

– Мы потеряем много людей, но всё равно это будет меньше, чем в войне за независимость 1948 года, – сказал Амит.

В конце разговора он заметил полувопросительно:

– Я возвращаюсь домой с рекомендациями о начале войны?..

– Вы говорили громко и внятно, сэр, – заявил Макнамара, – вы нам очень помогли.

Амит отметил в отчете, что президент Джонсон дважды звонил министру обороны во время беседы и был осведомлен о мельчайших ее подробностях. Из всего этого глава Моссада сделал вывод, что американская администрация в лице президента и министра обороны не возражает против начала войны Израилем.

4 июня было проведено несколько совещаний кабинета, а также министерской комиссии по делам обороны. Они завершились принятием судьбоносного и бесповоротного решения.

Выступивший первым глава военной разведки генерал Аарон Ярив представил министрам подробную картину дислокации иорданских, иракских и египетских войск. Он подчеркнул, что Египет сосредоточил 200 танков в атакующем построении против города Эйлат. Кабинет министров выслушал его в полном молчании.

К этой картине добавил красок Моше Даян, сказав, что необходимо немедленно начать военную операцию и лишь после ее завершения приступить к переговорам. «Таков единственно возможный порядок наших действий», – сказал министр обороны.

На этот раз в правительстве возобладало единство. Все – и ястребы, и голуби – в кабинете министров Эшколя согласились с мнением военных о том, что промедление смертельно опасно для страны.

На своем заседании, продолжавшемся 7(!) часов, правительство решило «осуществить воинскую операцию, которая должна привести к уничтожению агрессивного, сжимающегося кольца арабских сил вокруг Израиля и предотвратить надвигающееся нападение объединенных арабских армий».

Это решение поддержали 18 министров. Лишь двое членов кабинета воздержались от голосования. Один из них процитировал Бен-Гуриона: «Никогда Израиль не выйдет на войну без союзников».

– Пусть Бен-Гурион пойдет и найдет нам союзников, но я не уверен, что мы к тому времени будем живы, – резко прервал скептика Даян.

Общие настроения выразил Игаль Алон, произнесший на том заседании фразу: «Пусть нас осудят, но мы выживем».

Итак, период выжидания закончился. Невероятные по напряжению попытки Израиля убедить ООН, США, СССР, Францию, Великобританию повлиять на арабов, снять морскую блокаду и предотвратить войну завершились. Решение было принято, Израиль решил действовать самостоятельно. Весь день 4 июня прошел в напряженной подготовке в армии и других государственных структурах. По словам участников событий, в этот день у большинства руководителей страны наблюдалось облегчение. Тревога – и облегчение одновременно.

Атака должна была начаться в понедельник, 5 июня 1967 года, ранним утром.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

«МОЕ МЕСТО – БЕРЛИН. ЗАДАЧУ ВЫПОЛНИЛ»

Михаил Палант

Вечером 7 августа 1941 года капитан Михаил Плоткин сидел в кабине дальнего бомбардировщика ДБ-3Ф на своем месте – месте пилота, то и дело поглядывая на циферблат: казалось, светящаяся часовая стрелка никогда не подойдет к цифре 9 – времени старта. Великое нетерпение охватило экипажи еще 14 таких же точно самолетов. Ничего удивительного: ведь им предстояло отсюда, с аэродрома Кагул, что разместился на эстонском острове Эзель, лететь на самую первую бомбежку столицы фашистской Германии.

Ровно за полмесяца до этого, вечером 22 июля, самолеты люфтваффе начали налеты на Москву. Хотя из 180–200 машин к городу, как правило, прорывались лишь единицы, врагу всё же удавалось нанести нам определенный ущерб. Конечно, было обидно: нашу столицу бомбят, а мы что же? Когда будет ответный удар?

Практическое решение задачи продумал нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов. Ближе других к цели находилась тогда авиация Балтийского флота, но и она со своих баз под Ленинградом могла достичь лишь района Либавы. А вот если лететь с Эзеля прямо над морем и, сбросив бомбы, возвращаться прямым курсом... Консультации со специалистами подтвердили: каждая машина, взяв полный запас горючего и не более 750 килограмм бомб, пройдет расстояние до Берлина (около 900 километров) за три с небольшим часа и вернется домой даже с остатками бензина в баке. «Иначе говоря, – вспоминал Кузнецов, – лететь было можно, если найдутся отважные летчики, если будет исправна материальная часть и если при возвращении туман не закроет аэродром».

Во время очередного доклада в Ставке нарком ВМФ разложил перед Верховным Главнокомандующим карту Балтийского моря, на которой четкая прямая линия соединяла остров Эзель и Берлин. Верховный понимал, какое огромное значение имел бы в случае удаи удар по Берлину. Ведь гитлеровцы не уставали трубить на весь мир о полном разгроме советской авиации. И Сталин утвердил предложение моряков.

А что до отважных летчиков, то решено было отобрать 15 лучших экипажей 1-го минно-торпедного авиационного полка Балтфлота – того самого, где служил Михаил Плоткин. Летчики этой части уже имели боевой опыт и познали радость побед. Вместе с однополчанами капитан Плоткин участвовал в успешных бомбардировках Мемеля, Кенигсберга, Хельсинки. Ставил минные заграждения в Ирбенском проливе и Рижском заливе, обрушивал мощные удары на морские конвои и колонны наступающих в Прибалтике танков.

Годилась и материальная часть полка: дальние бомбардировщики ДБ-3Ф, машины с форсажем, были лучшими в своем классе, конструировал их С. В. Ильюшин. (С 1942 года этот основной дальний бомбардировщик советских ВВС назывался ИЛ-4.) Пилоты прекрасно владели грозной боевой машиной и верили в реальную возможность успешного полета на ней в глубокий тыл врага. Больше того, командир части полковник Е. Н. Преображенский и флаг-штурман капитан П. И. Хохлов одновременно с наркомом по собственной инициативе продумали тот же самый курс – от Эзеля до Берлина!

Ранним утром 4 августа 15 экипажей полка, включая и экипаж Плоткина, завершили перелет из-под Ленинграда, приземлившись на эзельском аэродроме Кагул. Построенный перед самой войной аэродром имел взлетно-посадочную полосу всего в 1300 метров и был рассчитан на истребителей, но опытные летчики сумели использовать эту полосу для своих ДБ-3Ф. Была и еще одна трудность: запасов топлива и авиабомб, нужных для операции, на острове явно не хватало. И тогда из Кронштадта в уже осажденный Таллин, а оттуда на Эзель, мимо минных полей, под усиленной охраной потянулись баржи с бензином и боеприпасами.

Понимая лежащую на них ответственность за людей, которым предстояло выполнить столь рискованное задание, Н. Г. Кузнецов и командующий авиацией ВМФ генерал С. Ф. Жаворонков (он специально прибыл на Эзель) решили провести несколько пробных полетов, чтобы убедиться на практике в возможности задуманного и собрать как можно больше данных о противоздушной обороне Берлина.

Поначалу были сброшены бомбы на Свинемюнде – военно-морскую базу противника. Этот полет доказал: отлично тренированные летчики полка могут стартовать с Кагула на своих тяжелых машинах с полным грузом. В ночь на 6 августа состоялся разведывательный полет на Берлин. Он принес ценные сведения: зенитная оборона столицы рейха расположена кольцом вокруг города в радиусе 100 километров и снабжена большим количеством прожекторов с дальностью действия до 6 тыс. метров.

Всё наконец стало ясно. Налет, конечно, очень труден, но осуществим. Последовал приказ: выполнить задание при первой возможности. И, как уже говорилось, старт назначили на 7 августа, на 9 вечера.

...Истекали последние минуты перед началом операции. Вместе с боевыми друзьями был готов к взлету и Михаил. Наступал звездный час 29-летнего капитана. Сыну школьного учителя-еврея, ставшему советским офицером, предстояло нанести карающий удар по главному гнезду лютых человеконенавистников, стремящихся покорить его родину и растоптать его народ.

Ровно в 21.00 Евгений Преображенский поднял в воздух флагманскую машину и взял курс на Берлин. Вслед за ним взлетели и остальные тяжело нагруженные бомбардировщики. Вслушиваясь в натужный рев моторов, Плоткин с трудом, но вовремя оторвал от земли свой самолет и занял место в строю воздушной эскадры.

Сообщение о взлете было немедленно передано в Москву, в Наркомат ВМФ. Нарком получил его перед самым отъездом на доклад в Ставку и был уверен, что именно об этом там его спросят прежде всего. Так и случилось.

– Как обстоит дело с налетом на Берлин? – сразу же поинтересовался Верховный.

– Операция началась, – доложил Кузнецов. – Они летят...

Они летели над Балтийским морем на высоте 6 тыс. метров. Сколько ни смотрел Михаил вниз, видны были только плотные облака, целиком скрывавшие важные ориентиры: острова Готланд и Борнхольм. Однако эти же облака сделали невидимыми для противника и наши самолеты. В кабинах самолетов наступил страшный холод, Плоткин остро ощущал нехватку кислорода. Но вот сквозь облака пробился свет: это флаг-штурман Петр Хохлов вывел всю группу на маяк Штеттина, служивший ориентиром. После трех с лишним часов полета над Балтикой наши самолеты шли уже над Северной Германией.

Полк АДД. Подготовка бомбардировщика к выполнению боевого задания.

Здесь были совсем другие условия для ориентации: никакого затемнения! Считая саму мысль о возможном появлении советских самолетов абсурдной, а в случае налета британских ВВС имея время погасить огни, командование германских сил ПВО не тревожилось. Ориентируясь на огни и на контуры местности, летчики-балтийцы уверенно двигались к Берлину. Конечно, их полет не мог не быть замечен, но немцы с наблюдательных постов сочли неизвестные самолеты своими, просто сбившимися с курса, и даже предлагали им сесть на ближайшие аэродромы.

Сорок минут полета через Германию – и балтийцы оказались над Берлином. По ярко горевшим уличным фонарям отчетливо прослеживалась конфигурация городских магистралей. Плоткин видел, как, искря, по улицам шли трамваи. Полная луна высвечивала линию реки Шпрее. Полковник Преображенский аэронавигационными огнями подал идущим за ним экипажам – каждый из них имел подробную карту города – команду рассредоточиться и самостоятельно выходить на нужные цели. Надо заметить, что в качестве целей были выбраны не жилые кварталы, а военные объекты: заводы «Даймлер-Бенц», «Хейнкель», «Фокке-Вульф», «Цепелин», электростанции, железнодорожные узлы. Целью считались и важнейшие административные здания. За считанные минуты летчики сбросили 96 фугасных авиабомб весом по 100 килограмм каждая. Восемь из них самолет Преображенского обрушил на рейхсканцелярию Гитлера, после чего флагманский стрелок-радист, сержант Кротенко, передал на базу: «Мое место – Берлин. Задачу выполнил. Возвращаюсь».

Тут-то наконец взвыли сирены воздушной тревоги, погасли городские огни и вспыхнули прожектора ПВО. Зачастили зенитки, в воздух поднялись ночные истребители. К счастью, они опоздали. Советские самолеты, набрав предельную высоту, благополучно ушли в сторону Балтийского моря и через семь часов после старта приземлились на аэродроме Кагул. Соответствующее донесение немедленно ушло в Москву.

В Берлине же радио и печать сообщили: «В ночь с 7 на 8 августа английская авиация пыталась совершить налет на Берлин. Большая группа самолетов была рассеяна на подступах, но несколько десятков всё-таки прорвались. Шесть из них сбиты и упали в черте города...» В ответ на это англичане официально заявили, что «в связи с неблагоприятными погодными условиями над Британскими островами королевские ВС над Берлином не летали, поэтому сообщение о шести сбитых бомбардировщиках вызвало в Лондоне крайнее недоумение».

В Москве было опубликовано краткое, но полное затаенного торжества сообщение, вызвавшее общую радость. Его напечатали 9 августа на третьей странице «Правды» в правом верхнем углу:

«Налет советских самолетов на район Берлина.

В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб на военные объекты в районе Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы без потерь».

Налеты на Берлин продолжались с 7 августа по 5 сентября. Кроме балтийцев в них приняла участие прилетевшая на Эзель группа самолетов армейской авиации. За это время было произведено 10 налетов на германскую столицу, в ходе которых наши летчики сбросили 311 бомб и зарегистрировали 32 пожара. Таков был итог первой в истории Великой Отечественной войны крупной стратегической воздушной операции, имевшей целью нанести бомбовые удары по крупным военно-промышленным объектам и политическим центрам в глубоком тылу противника.

Полеты к Берлину с Эзеля (Плоткин со своим экипажем продолжал в них участвовать уже с 9 августа) стали невозможны после захвата Таллина войсками вермахта. Да и летчики наши понесли к тому времени немалые потери. 8 сентября оставшиеся в строю пилоты, включая капитана Плоткина, покинули остров Эзель, чтобы возобновить борьбу с фашистами на других участках фронта.

Подвиг отважных летчиков получил высокую оценку. Многих участников тех, воистину исторических, налетов на Берлин наградили боевыми орденами, а пятерым Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героев Советского Союза: полковнику Е. Н. Преображенскому, капитанам П. И. Хохлову, В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину.

...Помощник командира эскадрильи 1-го МТАП Балтфлота майор Михаил Николаевич Плоткин погиб при возвращении с боевого задания 7 марта 1942 года. Его имя выбито золотом на белом мраморе в славном списке Героев, который украшает большой зал Музея Великой Отечественной войны, что на Поклонной горе столицы.

Поклонимся великим тем годам.

ЕВРЕИ И КАПИТАЛИЗМ

Ирма Фадеева

Из столетия в столетие кочует распространенный штамп о еврейской страсти к стяжательству, об особом умении «делать деньги» представителей иудейского племени. А поскольку капитализм невозможен без капиталов, то его часто напрямую связывают с евреями. Европейская художественная литература создала не один запоминающийся образ негодяя-сребролюбца еврейского происхождения. Чего стоят хотя бы шекспировский Шейлок или пушкинский «Проклятый жид, почтенный Соломон»! Пропаганда немецких национал-социалистов в свое время строилась на обвинении евреев, якобы ответственных за бедствия Европы и, конечно, за «язвы капитализма».

Ἐὐὰ ἀπὲς ἐὰδαταὶ ἰὰ ἰσοὲ ἁ ἔεοαε. Ὀδαῖ ἀτὸ ἐς «Ἐαὐαῖ ἰνείῖα ἀοεαῖ».

Еврейская энергия, еврейские капиталы... Каковы были на самом деле границы возможного для них?

Торговля и денежные операции действительно входили в традиционные занятия евреев много столетий.

Иудаизм, однако, не содержит на этот счет столь резких ограничений и даже запретов, какие есть в других религиях. В условиях изгнания и рассеяния выбор занятий диктовался не ими. Евреи заняли «нишу», которую не могли или не хотели занять другие. Кроме того, они, как некогда армяне-христиане, прежде имевшие и обрабатывавшие свою землю, на протяжении многих столетий были лишены и земли, и труда на ней. Нужды нет напоминать, что в диаспоре евреи оказывались не только в роли финансистов, откупщиков, купцов, поставщиков товаров, ростовщиков, держателей ломбардов. Они сумели довольно успешно освоить и множество других профессий, в которых проявили себя не менее конкурентоспособными.

И всё же капитализм изобрели не евреи.

Товарно-денежные отношения и платежный оборот еще на заре цивилизации существовали в различных обществах; занятия этого рода развивались наряду с торговлей и обменом монет.

В древности вавилонские и греческие храмы были надежным местом для хранения монет, а денежными операциями занимались жрецы.

В храм Аполлона в Дельфах стекались денежные вклады из многих греческих городов. В храм Артемиды в Эфесе поступали вложения с малоазийского побережья. Эти храмы занимались также и ссудными операциями. Операции по обмену денег во множестве совершались и в Афинах, где банкиры древности – трапезиты (от греч. «трапеза» – «стол») – освоили ссудное и ростовщическое дело. В Древней

Греции был достигнут наивысший для той эпохи уровень товарно-денежных отношений. Есть сведения о государственных банковских учреждениях в Вавилоне, Египте, Риме. В последнем уже существовали нормы банковского и кредитного права. В античных государствах имелись предпосылки к капиталистическому способу производства – несмотря на низкий технологический уровень производительных сил и, в известной мере, обусловленное им рабство. Важнейшая же, необходимая предпосылка в этом случае – наличие гражданского общества (полноправные, свободные граждане полиса), понятие о суверенной, обладающей правовыми и социальными гарантиями личности. Этого, кстати, доныне нет во многих странах мира, несмотря на несопоставимо более высокий технологический уровень. У греков и римлян уже в ту отдаленную эпоху были достаточно развитые представления о частной собственности и ее правовой защите.

Αἰῶν ἰγτὸς Χ. «Ἐὰν ὁ ἐπὶ τῆς Νῆας ἰ ἀδελφῶν». Ἐπιτομή. XII ἄ

С крушением Римской империи исчезли ее банковские учреждения. А в христианских государствах раннесредневековой Европы возрождение банковского дела и торговых операций шло туго.

В древности различные религии, как уже говорилось, не препятствовали торгово-денежным операциям, не осуждали тех, кто ими занимался. Раннее же христианство, в отличие от предыдущих верований, с подозрением и брезгливостью относилось к этой сфере деятельности, хотя и вынуждено было ее терпеть. Отцы церкви помнили, что Христос выгнал торгующих из храма и опрокинул столы менял. Католические иерархи утверждали: давать деньги под проценты в долг недопустимо. В обоснование своей точки зрения они выдвигали два главных аргумента. Христианин, во-первых, обязан бескорыстно помогать ближнему, если тот нуждается в чем-либо, в том числе и в деньгах. Во-вторых, проценты за одолженные деньги дают возможность заработать с их помощью новые деньги в будущем. Ростовщик, другими словами, использует к собственной выгоде само время, что, несомненно, греховно. Время – «промысел Г-сподень», поэтому смертный не вправе на нем наживаться.

Отношение высших слоев средневекового английского общества к тем, кто удовлетворял их потребность в деньгах, продемонстрировано в романе Вальтера Скотта «Айвенго». Тогдашняя английская элита презирала и унижала столь необходимых ей евреев-финансистов; среди них и ростовщик Исаак, отец прекрасной Ревекки. Денежные операции в средневековой Европе были чрезвычайно рискованными и даже опасными для жизни.

Фома Аквинский, живший в XIII веке, полагал, будто ссужать деньги в целях дальнейшего обогащения – грех. А для лишенных всех прав, постоянно преследуемых евреев деньги были не столько способом обогащения, сколько средством спасти собственную жизнь, а зачастую – и жизнь единоверцев.

Постепенно банковское дело всё же начало возрождаться в североитальянских городах – там процветала торговля, а власти не всегда следовали указаниям клерикалов. Итальянские банкиры (от итал. «банка» – «стол») широко практиковали и обмен денег, и ростовщические операции с переводными векселями. В конце XIV века, в эпоху раннего Возрождения, католическая церковь под давлением ловко обходивших ее запреты банкиров вынуждена была смириться с развивавшимися финансовыми институтами. В ту пору успешно функционировали банкирские дома Барди, Перуцци и, конечно, дом Медичи во Флоренции.

Капитализм в Европе складывался из многих элементов. Складывался на протяжении нескольких столетий и с разной быстротой в разных странах. Важным событием стало создание

Магдебургского права в одноименном немецком городе (XIII век). Особое место в этом документе занимали нормы, регулировавшие развитие ремесел, торговлю, деятельность цехов и купеческих гильдий, порядок налогообложения. Магдебургское право предоставляло городу самоуправление, позволяло иметь собственный суд, земельную собственность и освобождало от большей части феодальных повинностей. С XIV века его положения распространились на многие города Германии, Пруссии, Силезии, Чехии и других стран. В итальянских городах самоуправляющиеся коммуны существовали еще раньше.

Бороться с феодалами или даже с целыми феодальными группировками европейским горожанам было легче, нежели, скажем, горожанам на Востоке противостоять сильному централизованному государственному аппарату. Нередко сама королевская или императорская власть в Европе была заинтересована в ослаблении могущества феодалов. Короли в своей политике иногда опирались на относительно автономные самоуправляющиеся города, при решении многих проблем нередко руководствовались интересами поддерживавших их торгово-промышленных слоев. Для этих слоев немало сделала английская королева Елизавета I (1558–1603).

Что касается евреев, на протяжении столетий изгонявшихся из различных стран Европы, в первую очередь из Испании и Португалии, то они могли найти применение своим способностям далеко не везде. В начале XVII столетия им было разрешено обосноваться в еретических, с точки зрения католических стран, штатах Нидерландов.

В Амстердаме поселилось свыше четырехсот членов бывшей португальской общины; в основном благодаря им город превратился в процветающий торговый центр. В нем было теперь около трехсот роскошных особняков. Евреи Нидерландов, обладая значительными капиталами, вели большую оптовую торговлю, принимали участие в делах Ост-Индской и Вест-Индской компаний, занимались банковским делом. Ростовщичество интересовало их гораздо меньше. В нем просто не было особой надобности. Городской совет Амстердама не препятствовал переселению в Нидерланды и немецких евреев, спасавшихся от ужасов Тридцатилетней войны (1618–1648), в которой коалиция католических государств воевала с протестантским союзом. В XVII веке Нидерланды были самым толерантным государством в мире. Евреи в нем не знали многих ограничений, – из тех, какие вводили для них другие страны. Они пользовались почти теми же правами, что и другие подданные, – за исключением, впрочем, права состоять на государственной службе. Однако они не очень-то в ней и нуждались. Примечательно, что на переговорах о мире с Испанией и Португалией, длившихся с 1652 по 1657 год, голландские дипломаты требовали предоставить еврейским подданным Нидерландов в этих странах те же права, какими пользовались там христианские подданные, – то есть свободу проживания на их территориях. Особенно об этом хлопотал голландский посланник барон Ван-Рейде. Однако оба государства отклонили его требования.

Амстердам. 1653 г.

Известное представление о размерах еврейских капиталов и торгового оборота дает введенный общиной Амстердама налог в пользу синагоги. С каждого фунта вывозимого или ввозимого товара полагалось внести по одной полушке (deut), и этот налог составлял примерно 12 тыс. франков (3 тыс. талеров) в год. При этом не подлежали учету доходы от участия в деятельности торговых компаний.

Дорогу буржуазному строю, то есть капитализму, прокладывали мощные антикатолические движения, увенчавшиеся в ряде стран Северной и Центральной Европы победой протестантизма – идеологии поднимавшей буржуазию. Но к этому процессу евреи не имели никакого отношения. Они пользовались благоприятной ситуацией там, где она складывалась, и прилагали немалые усилия в борьбе за безопасное существование и свои человеческие права.

В раздробленной Германии XVII–XVIII веков (особенно после Тридцатилетней войны) быстро развивались промышленность и торговля. Придворными финансистами («факторами») князей нередко становились евреи. Имена самых успешных среди них известны: это Оппенгеймеры, Вертгеймеры, Арнштайнеры... Помимо присущих этим людям умения вести дела и безусловной честности, князей устраивало в них и другое: полная зависимость от хозяев. В самом деле – от единоверцев своих те оторвались, а новой среде были чужды – как и она им. Евреи Германии в массе своей страдали от нищеты и бесправия, зато еврей-«факторы» получали важные должности, звания, богатое содержание. Некоторые из них даже пытались влиять на политику князей, которым служили.

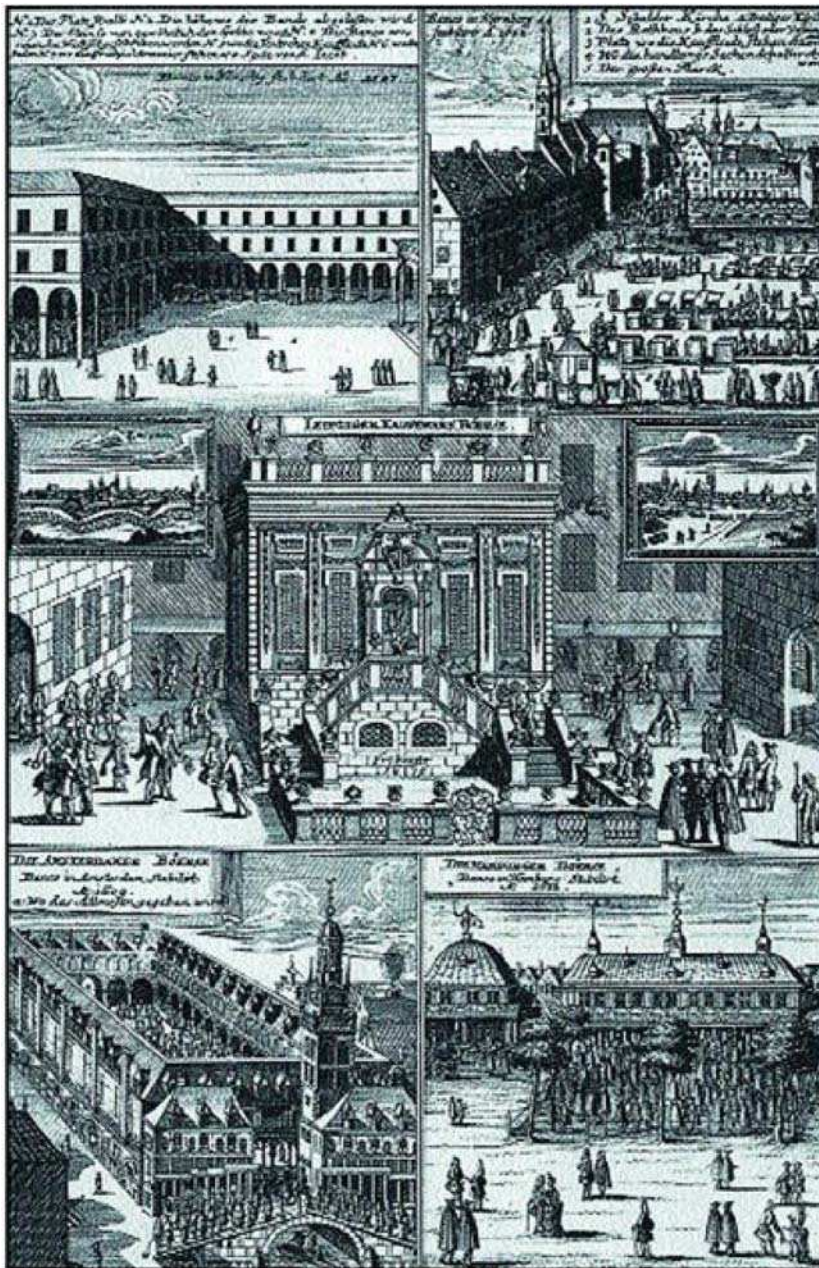
Βαί ἀδαί ἀο. Ἰ ἰ ὀ ὀ ἀο ἰ ἀί ἀίε ἀάί-Ἐϕῶαεεϛ.

Придворные еврей-финансисты занимались поставками продовольствия в армию; имелись среди них и торговцы серебром, и владельцы монетных дворов.

Еще более успешной была экономическая деятельность еврейских общин в Англии, но путь к благополучию оказался там долгим и трудным.

Борьба за право селиться в Англии и деятельно участвовать в ее хозяйственной жизни увенчалась успехом лишь во второй половине XVII века. В конце XIII столетия евреи были изгнаны с Британских островов «навечно» – с запретом когда-либо туда возвращаться.

Религиозная нетерпимость англиканской церкви сменилась при Оливере Кромвеле (1599–1658) относительной религиозной свободой. Английские пуритане более остальных христиан ценили Ветхий Завет и участников описанных там событий – первых евреев, «востребованных» за пределами иудейского мира. Кромвель надеялся на приход евреев в пуританские общины Англии. Появились христианские сочинения, написанные в защиту изгнанников. Настойчивым ходатаем перед лордом-протектором Англии стал Манасия бен-Израиль (Менаше бен Исроэл), амстердамский раввин, бедный проповедник, волею обстоятельств оказавшийся в этой стране и сумевший использовать их для возвращения евреев. Кромвель несколько раз ставил вопрос о допуске евреев в Англию перед парламентом разных созывов. В специальной «Записке», изданной типографским способом, Манасия бен-Израиль убеждал англичан в том, что евреи сумеют принести пользу их торговле и финансам. Он полагал, что торговля не случайно стала главным занятием евреев со времени их рассеяния; то было делом Провидения. Высший Промысел в том якобы и состоял, что народ, накопив огромные богатства, сможет снискать расположение правителей и обеспечить себе нормальное существование. Кромвель и вправду искренне желал возвращения евреев, однако сопротивление английского духовенства и других сословий было упорным. Он не смог заручиться поддержкой большинства в парламенте. Лорд-протектор и раввин хлопотали об одном и том же, но с разными целями. Первый надеялся привести евреев в лоно христианства. Манасия же рассчитывал на свободу вероисповедания для своего народа. Кромвель не смог широко распахнуть двери для евреев, но открыл для них «черный ход». Он разрешил отдельным евреям под видом испанцев и португальцев поселиться в Лондоне, предоставил им участок земли для обустройства кладбища. Манасии назначили пенсию, но он вскоре умер. Тем не менее его усилия в конце концов дали результат. Не прошло и десяти лет, как король Карл II уже стал понемногу впускать евреев в Англию, и там сложилась сильная община, игравшая важную, подобную амстердамской, роль в экономике страны. Позднее схожие позиции евреи обрели во многих других государствах.

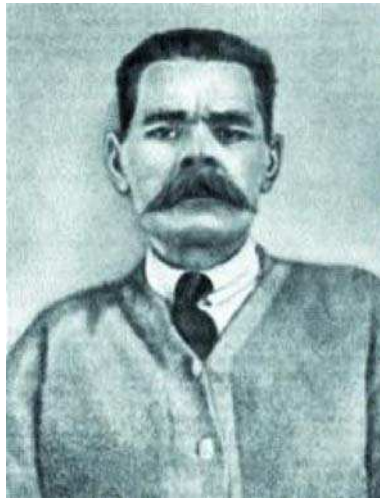

Банкирские дома, фондовые биржи Венеции, Нюрнберга, Лейпцига, Амстердама, Гамбурга.

Еврейские купцы отправлялись в те регионы, что были на подъеме, и вносили существенный вклад в их развитие. Понятие «капитализм» подразумевает наличие множества системных элементов. Евреи в совершенстве владели методикой подсчетов, иными техническими приемами в финансово-кредитной сфере. В отличие от мусульман, отбрасывавших все достижения науки и техники, не служившие непосредственно религиозным целям, евреи старательно приобретали знания, откуда бы они ни исходили, и сумели их сохранить в длительных и тяжелых скитаниях. Еще до взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 году они познакомились с заемными письмами (векселями) и чеками, употреблявшимися в мусульманском мире.

Ἰεὺ: αἰ εἰ ἰεῖαῖο

Ī. Āīōūēē:

«B íáñ-eòāp ñāy "āđāi āōōđāi"... Āōi āp, ÷ōī āū ōīæā íá āđāi āōōđā ēāī ōīđī ā jóā ōđāđāō ēāēīē ē ēīāēīē đōēē, ā ō āāñ- đōēā ōýæāēāy»

Смысл этого горьковского высказывания предельно ясен: пьеса не получилась именно как произведение драматургического жанра, она неуклюжа, недостаточно ловко драматургически выстроена.

Этот вывод напоминает суждение одного из первых читателей «Анны Карениной» (С. А. Рачинского) об этом толстовском романе.

Вот что писал он Льву Николаевичу по свежим впечатлениям от только что прочитанной книги:

Ī īñāāīýý ÷āñōūī đīēçāēā āī ā: āōēāī ēā īđēāæāāpūāā, íá īīōīī ō ÷ōīāū īīā āūēā ñēāāāī āđāēō (íāīđīōēā īīā ēñīēīāīā āēōēīū ē ōīīēīñōē), īī īī ēīđāīīī ō īāāñōāōēō ā īīñōđīāīēē āñāā đīīāīā Ā īāī īāō āđōēōāēōōđī. Ā īāī đāçāēāāpōñý đýāīī, ē đāçāēāāpōñý āēēēīēāīīī, āāī ōāī ū, īē-āī īā ñāyçāīīūā Ēāē īāđāāīāāēñý ý çīāēīīñōāō Ēāēīā ű Āīīīp Ēāđūēīēīē... ōōō īđāāñōāāēýēñý īēō-āē ñāyçāōū āñā īēōē đāñēāçā ē īāāñā-eōū çā īēī ōāēīñōīūē ōēīāē. Īī āī īā çāōī ōāēē - Ā-āñāāī ē.

Ōīēñōīē āīçāæāē:

Ñōēāāīēā āāōā īā Ā. Ēāđūēīēīē īīā ēāæāđōñý īāāñōīī. B āñđēāññī īāīđīōēā āđōēōāēōōđīē - ñāīāū ñāāāīū ōāē, ÷ōī īāēūý ē çāī āōēōū āāī çāī īē. Ē īā jóōī ý āīēāā āñāā ñōāđāēñý. ñāyçāī īīñōđīēēē ñāēāīā īā īā ōāāōēā ē īā īā īōīīōāīēýō (çīāēīīñōāā) ēēō, ā īā āī ōōđāīāē ñāyçē... Āñēē ōæ āū ōīōēōā āāīđēōūī īāāñōāōēā ñāyçē, ōī ý īā ī īāō īā ñēāçāōū - āāđīī āū āā īā ōāī ēūāōā ēēē ī ū ēīā-ā īīīēī āāī ñāyçāī, īī ōī, ÷ōī ý đāçūī āp īīā ñāyçāīp - ōī ñāī īā, ÷ōī āēý ī āī ý āāēāēī jóī āāēī çīā-eōāēūūī, - jóā ñāyçāī ōāī āñōū - īīñī īōđēōā - āū īāēāāōā

É. Oïéñóté:

«...Yòà ñnyáí òàì áñòü- íím íòðèòá- áù íàéááòá»

Примерно так же мог бы ответить Горькому и Бабель.

Ошибка Горького не просто сродни ошибке Рачинского – это, в сущности, одна и та же ошибка. Роман Толстого, его построение, его архитектуру Рачинский мерил, исходя из представлений о традиционном построении романа. А Толстой создал новое, свое, принципиально иное построение.

Вот так же и Бабель создал свою, новую драматургию, принципиально иное драматургическое построение пьесы, резко отличающееся от традиционного. Эта новая драматургия была вызвана к жизни необходимостью выразить то, что он хотел выразить. А хотел он выразить совсем не то, в чем подозревал его Горький.

Структура «Марии», само ее драматургическое построение воплощает главную мысль автора. Мария так и не появляется в пьесе (читают только романтическое ее письмо), потому что на самом деле никакой Марии – нет. Мария – это сон, прекрасный сон русской интеллигенции, персонификация ее вековой мечты, ее демократического идеала, ее патологического народолюбия. (Дивный сон этот снился не только героине Чернышевского Вере Павловне, – однажды, как мы помним, он приснился даже Розанову.)

Мария – это мираж, такая же химера, как те «комиссары в пыльных шлемах», которыми полвека спустя бредил Булат Окуджава. В реальности – той реальности, какой ее видел и хотел изобразить Бабель, – для этой Марии не могло найтись места.

Кое в чем, впрочем, Горький оказался прав. Письмо его кончалось таким трезвым предостережением:

...áúááá ý áù ññáéè òáéíé: íá ñòáñíòá yóó íúñíó á ááíííí áá áéáá Éðèòééá óéáéáò ááí, ÷òí íúñá íá á òííá ñ ááéñòáéòáéúíñòúþ... É áúááò ííá:áðéíóò íyóíé ááíééé, éíòíðúá áááóò íõí:éí éþáýí íðááí íá ííééòè:áñééá óí íçàééþ:áí éý, áðáéáááí úá èè:íí ááí.

Публикация пьесы в журнале, как и предвидел Горький, вызвала резкие отклики критики. И тут же в печати появились сообщения о том, что Бабель якобы собирается писать продолжение «Марии» – новую пьесу, посвященную «утверждению новых, революционных начал и роли в этом Марии».

Однако никаких следов работы Бабеля над продолжением «Марии» в бумагах писателя отыскать не удалось. Может быть, какие-то туманные намеки на этот счет Бабель и высказывал, но, скорее всего, я думаю, он просто морочил критикам голову: в пьесе им был сказано всё, что он хотел сказать, и никаких продолжений она не требовала.

Í í í á γοίη ηήραιοάι εήί-άαιοή.

Ό Αάααή όοίεοή ηεαα ίάάαεί εή-αοί υάαιοή όαι, +οί Όέείηέε ίαηίάαιο «έέεηεάε αεάε άε-ε». Έ όοό «αοίόίε ίεάι» ίήάαιοάηαίεγ άεά ίά ηίόήάάαιο άί-ά-άοεάίεά ηήάάάαι ίά «ίάάαι ίεάίη», ά έεού άεάεγáo, ίήάέάι έγáo, υήέεάαιο άά.

Í ηάάί ίί γήί άεάί γοί ίά ίόει άά άάηεαα «Í εήη ί», έί όίόίε γ άεά όέόέόήάε.

Í ά-έίάαιοή ηί όάε:

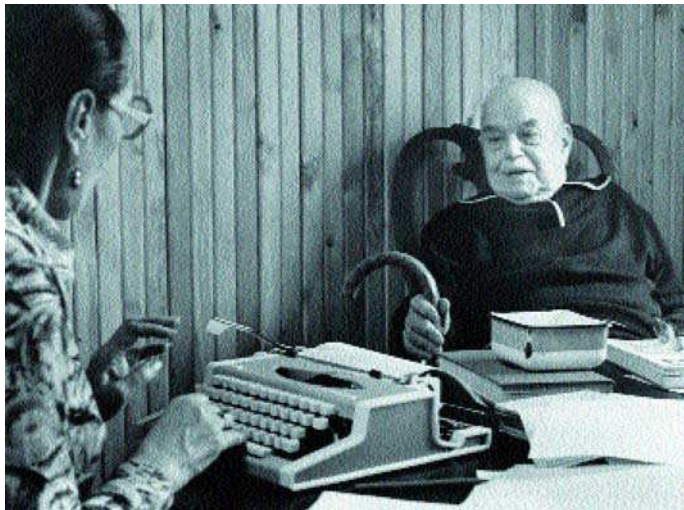
Άό ίεήη ί ίά όήάείό ίόήάέόήάάίήά ί ίά ί άέη-έέη ίάοάε ηήηάέόέέ Έόάηέήάηι. Í ηί ίά άηέόεέάαιο άάάάίεγ. Β ίάάίεήάέ άά, ίά ίόέόέάεέάγ, έ ίάάαη άήηήάί, ά ηάεάηέ η έήόείέ.

В конце рассказа автор снова, еще раз подчеркивает подлинность якобы дословно переписанного им письма:

Άό ίεήη ί Έόάηέήάη, ίε ά ίάίη ηέήά ίά εηί άίάίήά Έήάά γ έίί-έέ, ηί άγέ έηέήάί ίύέ έέηόίε έ ηήόγáo έ άά ά ίάοό, ίά άήέήά όάέί...

- Άήέ άεάάέού- άί ό ίάεά όαι έέέγ...

Í ί ίόγίόέ ί ίά ηέη άίίη όίόήάάόεη. Í ά ίάε άύέ εηάάάεάί Όέί ίόάέ Έόάηέήά, ίέά-έήόύέ ηόάάείέέ ά όίόήάίή έάάόά έ η άάη-άήάίήέ άίόήάέ, ίάάάεάίύέ, ηέόέάηόύέ, ηή ηάάεαηέί άγέγάη άάηάάόίύό έ άάηη υήέάίύό άεά. Δγάη η ίέι, ά άάί άόέήάη έόάηέόά, ηέάάέ έόίόίόίάγ έόάηόύήέά ά άήίόήάίήέ έίόόά η-άέήη έ ηάέόήη έ έ άηόάί-έάηι έ -άάόαι έ έέόά. Ά ό ηόάίύ, ό γοίά άεάέήά ίόήάείόεάέήηά όίόήάάόε-άήέήά όήά, ηόάάόαι έ έ άήέόγί έ, άηήέέηη άάά ίάάίγ - +άήάέηί ίάάηι ίύά όοίύά εέόήέέέούά έόήήάάηά, άηόύάεά, έάέ ίά ό-άίη, άά άάάόά Έόάηέήάηό - Όάή έ Νάη άί.

Ά. Όέείηέε:

«Νεαα άήέάεγáo όόήάέάηόάή ίήά ίόήεάάάί έά Í ίέό-άαιοή άά ίέάί»

Показав нам семейство Курдюковых сперва «изнутри», глазами Курдюкова-младшего, автор завершает повествование взглядом со стороны, как бы своим собственным взглядом. И этот новый ракурс не только не разрушает картину, открывшуюся нам в «подлинном» письме мальчика, но придает ей еще большую, уже совсем несомненную – документальную достоверность.

Проза Зоценко всегда окрашена в пародийные тона. У Бабеля эта пародийная краска как правило отсутствует. Он постоянно дает нам понять, что претендует на адекватное отражение реальности. Отчасти поэтому и сказ для него – отнюдь не единственный, даже и не главный способ повествования.

Но и там, где он отказывается от сказа, тоже торжествует новый, не имеющий почти ничего общего со старой литературной традицией принцип художественного отражения реальности. Принцип, рожденный необходимостью выразить сущность нового человека, вышедшего на арену истории.

***

×αείλαέ, πῆλασέε ἰδὲ αἰθῆα, αὐτὴ Ἀἰεῖσιτᾶ δαεῖσθαιδὲν. Παράσθηα ἰῖα, ἰί μ ἰὸδᾶε ἰὰ ἰαῖά οἱ ἰδ..

- Ἰὰὸδῖ ἰὰ ἰ αἰῖ ἰαῖ πὸδᾶὲὸυ - πῆλαέ Ἀἰεῖσιτᾶ

Ἰἰ πῆλαέ ἰδὲπῆἰεᾶσῆνῖ εᾶδῆαῖ Νᾶἰτᾶ αῖ ὀἰδ-ᾶεᾶ ἀδῖϋ

- Ἰαῖπῆ:εὸ σῆϋὸὰ - ἰαῖ ἀεὲσῖπᾶεᾶᾶδ. Ἀἰὸ αἰεῖ αἰ ὀ, ἰὰὸδᾶ ἰὸἰεῖσᾶουῖ εᾶε ἰ -ὸἰ..

Ἰὰ μῖσῖαῖ π ἰ αἰῖ πᾶα, ἰἰ ἀδῖαεἰἰ ἰὸαῖδῖεᾶ δῖαῖδῖ Ἀεῖτὸ ὀ ἰαῖ αὐτὴ ἀἰαῖαἰ, εῖεῖεᾶ ἰἰεῖεᾶ ἰὰ εἰεῖαἰε, εᾶαῖδῖ πᾶδῖα αὐτῆε ἀεῖαἰῖ..

- Ἰὰὸ, - ἰὸαἰὲεᾶ ῖ εᾶε εἰἰρ σῖἰδῖ..

Ἰᾶῖῖῖῖἰῖε ἰεἰ αἰἰ ϗᾶεᾶὸὰ εἰαἰ πῆλαεᾶ Ἀὸἰἰῖεᾶ Ἀεῖα

- Ἰἰ ἰ αἰἰπὸε -ᾶσᾶἰ, - ϗᾶεδῖ-ᾶε ἰἰ αἰῖαἰ. - ×ὸἰ ὀ αἰἰ ὀσὸ ϗᾶ ῖδῖ ἀεῖα?

Β ἰἰεᾶεᾶ αἰ ὀ ἰὰ Ἀἰεῖσιτᾶα εἰὸῖαεᾶ.

Ἰἰε ἀἰαἰδῆεᾶ εἰδῖὲἰ, - ῖ ἰὰ πῆῖσᾶε πῆἰᾶ Ἀἰεῖσιτᾶ ἰδῖὸῖἰεᾶ αῖαἰἰἰ ὀ πᾶἰρ εἰεᾶεῖα Ἀὸἰἰῖεᾶ μῖδῖὸᾶε ᾶ αἰἰἰἰᾶε αἰπὸδᾶεᾶ Ἀἰεῖσιτᾶὸ ᾶδῖ.

(«Ἰἰ ἀδῖαἰ Ἀἰεῖσιτᾶ».)

Чтобы яснее была видна новизна бабелевского художественного метода, сравним эту сцену с тем, как сходная коллизия описана в романе А. Фадеева «Разгром».

Коллизия даже не сходная, а – совершенно та же. Роль, которую у Бабеля играет Лютов, у Фадеева отведена Мечуку, роль Долгушова – смертельно раненному Фролову, роль Афоньки – врачу отряда Сташинскому.

У Фадеева ситуация описана, так сказать, в лучших традициях старой литературы.

- Ἰὸἰ ἀδῖ, αἰἰᾶε, - ἰαἰὸἰε-εᾶἰ, πὸδῖᾶ πῆλαεᾶ Ἰὸὰσῆἰπῆεᾶ.

Ἀῖϗῖαῖ εὸ ἀπὸδᾶὲεᾶνῖε, ἰἰἰῖᾶ ἀδῖαἰδῖα, ϗᾶπὸῖεᾶ, πῆἰαἰἰῖᾶ αᾶεἰἰε ἰ ῖπῆῖρ... «Ἐἰἰᾶ», - ἰἰᾶὸἰ ᾶ Ὀδῖεἰᾶ εἰ ἰἰ-αἰ ὀ-ὸἰ ἰὰ ῖεᾶεῖῖῖ - ἰὰ ἰῖσὸεᾶ ἰε πὸδᾶῖ, ἰε ἀἰεἰἰᾶεῖ, ἰε ἀἰδᾶ-ε... Ἰἰ ἰἰσῖὲε ᾶεᾶ, ε, εἰᾶᾶ ἰὸεδῖἰε εὸ μῖἰᾶ, εῖοἰ αἰ αἰεἰ μῖἰεἰἰῖῖῖ εἰδῖὲεἰ.

- Νῆσ-εὸἰῖ, ἀῖαῖου ἰὰ Ἰὸ-αἰᾶ, - πῆλαεᾶ ἰἰ ἰ αᾶεἰἰἰ, - ἰαδῖαεᾶ, -ὸἰᾶ ἰὰ αἰεῖῖἰ ὀαἰ ῖεᾶεᾶεῖῖ.. Ἀἰᾶ εἰ ῖδῖ ὀ ἰ ἀπὸ ἰδῖεᾶὸ... ᾶᾶ?.. Ἀἰᾶ ἰδῖεᾶὸ, - ἰἰᾶὸἰδῖεᾶ ἰἰ πὸαῖεἰ αἰδᾶεᾶἰεᾶἰ, ὀἰ-ἰἰ ἰ ῖπῆῖ ἰᾶεῖαεἰἰπὸε μῖ ἀδὲ εῖρᾶεᾶ αἰᾶ ἰὰ αἰεᾶ αἰ ὀ μᾶἰῖῖ ῖπᾶ εἰ ἀἰεᾶῖᾶ, ἰἰ ἰἰᾶ αἰεᾶ εἰ αἰἰἰ ὀἰε ἰ ῖπῆῖρ, εἰὸἰδῖᾶῖ εῖεᾶεᾶ εῖ-ἰῖρ - αἰᾶ, Ὀδῖεἰᾶ, - μῖ ἀδῖαἰ αἰ ἰᾶᾶἰἰᾶ, ἰὸαἰεῖῖῖᾶ, πὸδᾶσῖἰᾶ μῖ ῖπῆᾶ εἰ αᾶεᾶᾶ ᾶᾶ - ῖὸἰ μῖ ἀδῖαἰ - ᾶᾶ -ὸἰ ἰαῖεἰἰᾶἰῖῖῖ, πᾶεἰσᾶἰῖῖῖ αἰἰῖ εῖρᾶῖἰ.

Е. Азазаев

*«Ато иенни і іа дїаєіа і дїаєєодїаїїїаї іаї аєї-єєїї іаоає јєїї ааєєєє Еодїрєїаїї ... В і ааїї єїїає
аїї, іа і дєєєдїаєєаїї, є і ааїїаїр аїїїїаїї, а ії аїїаїє іїєїдєїїє»*

Ритм, синтаксис, конструкция фразы, все интонации этой прозы – типично толстовские.

Но вместе с синтаксисом Толстого, вместе с ритмом и интонациями толстовских фраз Фадеев невольно усвоил толику толстовского миропонимания. Подобно толстовскому Ивану Ильичу, Фролов у Фадеева умирает как философ. Умирает, сознавая, что нечто бесконечно важное происходит сейчас с душой его.

Долгушов у Бабеля умирает совсем иначе.

*Іїє аїїдєєє єїдїоєї - ј іа іїїїоає іїїа Аїєаїїа і дїојїїє аїїаїїї о іїїр єїєаєа
Аоїїїїа ії дїоає аї аїїаїїає аїїдїаєєє Аїєаїїаї а дїо.*

Мы так ничего и не узнаём о тех словах, которые Долгушов сказал Афоньке прежде, чем тот выстрелил ему в рот. И, разумеется, не только потому, что Лютов этих слов не расслышал. Очевидно, если бы мы даже и слышали эти его последние слова, мы всё равно не узнали бы ничего нового о его предсмертных чувствах и мыслях, кроме того, что нам на этот счет уже известно. А известно нам только то, что Долгушов выразил одной-единственной короткой фразой: «Патрон на меня надо стратить». Словно в том, что ему предстоит, самое главное и самое для него досадное – это то, что придется пойти на какие-то незапланированные затраты и израсходовать на его личные нужды патрон, предназначавшийся для других целей.

В отличие от толстовского Ивана Ильича и фадеевского Фролова, Долгушов, как видно, ни секунды не сомневается в том, что ему правильно умирать.

Фролов у Фадеева в конце концов тоже приходит к такому сознанию. Но приходит не сразу, а победив долгие и мучительные сомнения, преодолев страх смерти, ужас перед тем, что он должен превратиться в ничто. Что касается Долгушова, то ему вроде и преодолевать-то нечего. Он изначально исходит из того, что ему правильно умирать.

Долгушов – живой человек из мяса и костей. Ему больно. Мы видим, как бьется его сердце. И убить его страшно.

Но вот Афоньке, оказывается, это не только не страшно, но даже совсем просто. Об этом нам говорит само описание совершенного им поступка. Вернее, даже не описание, а сообщение, сделанное полужацей, чуть ли не придаточным предложением. Одна короткая фраза включает в себя два действия, два поступка Афоньки: «спрятал ее в сапог и выстрелил Долгушову в рот». Интонация фразы, само ее синтаксическое построение ощутимо показывают, что выстрелить Долгушову в рот для Афоньки – такое же ясное, простое, само собой разумеющееся действие, как спрятать в сапог бумагу.

В старой литературе человек, переступивший через чужую жизнь, сразу становился не таким, каким он был за минуту до этого. В нем мгновенно происходила какая-то неуловимая перемена. И в глазах окружающих, и в собственных своих глазах он становился убийцей. На весь облик его ложилась каинова печать:

È ìíÿòüèäò äááí ääòäòü

Çà íèá:àì è - äæüüòä

Èèøüó äááí íãí óàèéöü

Í á äèäàòü ìãíü èèöä

(Äèäèíá äð Äèíè «Äááí ääòäòü».)

Афонька Бида выстрелил Долгушову в рот, и в мире ничего не изменилось. И в самом Афоньке ничего не изменилось тоже. Он выстрелил Долгушову в рот так же просто и легко, как поделился бы с ним шепоткой табаку.

Короткая фраза говорит об этом красноречивее любых многословных описаний, точнее любых рассуждений. То, что для бывшего кандидата прав Петербургского университета Лютова – немисливо, невозможно, для Афоньки, как выражаются в таких случаях герои Зоценко, – «не вопрос». И бывший кандидат прав видит в этом несомненное превосходство Афоньки перед ним, интеллигентом, очкариком. А свою неспособность совершить невозможное воспринимает как ущербность:

- Äòííÿ, - ìèàçàè ÿ ì æäèèíè é öèü

äèíè è ìíáíüäè è èàçàèé - à ÿ äíò í á ì íá

- Öèäè, - íò äáòèè íí, äèäáí äÿ, - öáíþ! Äèäèäòä äü, í:èäíòüá, íàøáí äðäòä, èäè èíèèä í üøèä..

È äçáè èöðíè

В ííáíäè øááí, í á íáíðä:èäÿíü ÷äíðäÿ ì èííè öíèíä è ì äððü

- Äííä, - çàèðè:äè ìçáèè Äèèüóè, - äí äððè! - è ìíäàòèè Äòííüèó çà äèèä

- Öíèèèèäÿ èðíáí! - èðèèíèè Äòííüèä - Íí íò í íäè äèèè í á öèääò!

Нечто похожее происходит и у Фадеева в «Разгроме». На ужас Мечика, не умеющего принять нечеловеческую эту коллизию, Сташинский реагирует совершенно так же, как Афонька Бида на жалкую слабость Лютова:

Ñòäøèííèèè, ìðíÿ ì èííè è Öðíèíäí í ðíòÿíüóá í á ìäò äðíæäüèä äèèè, íäèèäèè ÷òí-òí ä í äí çððèä

- Íáíæäèòä!. ×òí äü ääèäòä?.. - èðèèíèè Í ä:èè, äðííáÿíü è íáí ó ì ääíèèðäííüè è íò öèäáíä çðä:èäí è. - Íáíæäèòä! В äí ìèüøäè!..

Ñòäøèííèèè, äçäðíä óá, ííääíüèè äèèíäí, äèèè äí çäðíæäèè äüá ìèèüíää.. Ääðäíí øááí öè è Í ä:èèè è ìðäàøíäÿ ääðíäÿ æèèä äçäèèèíü ó íáí í á èäó

- Äíí!.. - ìèàçàè íí çèíáíüèè í ðèäðøäííüè øáííòíí. - Öáíþ!..

Í ä:èè äçäèèè è è, í á ííí íÿ ìäÿ, äüíèí:èè èç ääðäèä

А. Блок:

«Лишь у бедного убийцы не видать совсем лица...»

Острое желание немедленно убить – нет, даже не убить, а раздавить Мечика, как какую-нибудь последнюю нечисть, погань, паука или таракана, – Сташинский почувствовал потому, что в инстинктивном ужасе Мечика перед тем, что он, Сташинский, должен был совершить, он усмотрел стремление остаться чистеньким.

Афонька готов был убить Лютова совсем по другой причине. Объясняет эту причину загадочная, казалось бы, даже бессмысленная в этом контексте его реплика: «Холуйская кровь!.. Он от моей руки не уйдет!»

Бывший кандидат прав должен быть уничтожен, потому что он не смог порвать пуповину, связывающую его со старым миром, с прежней, ненавистной новым людям системой христианских ценностей. Он – пленник, раб, холуй этой ненавистной им старой морали.

НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА НУЖНОМ МЕСТЕ: ДЭВИД БЛАТ – ГЛАВНЫЙ ТРЕНЕР СБОРНОЙ ИЗРАИЛЯ ПО БАСКЕТБОЛУ

Марк Либовин

После очередных Игр Маккабиады 1966 года, прошедших в Израиле, капитан еврейской сборной США по баскетболу Таль Броди – кстати, чемпион мира в составе американской команды – решил репатрироваться. Как вспоминают очевидцы, 22-летний Таль, которого ожидала блистательная карьера в Штатах, просто влюбился в Израиль: влюбился в страну, в язык, в людей.

Он подписал контракт с чемпионом Израиля по баскетболу командой «Маккаби» (Тель-Авив) и поселился в пригородном районе этого мегаполиса. Броди выступал за клуб и сборную страны на протяжении 16 лет, и многие связывают качественный взлет израильского баскетбола в 1970-х годах именно с этим игроком.

Конечно, успехи в каком-то виде спорта нельзя связывать с одним человеком, пусть даже самым ярким и талантливым. Тренеры Иеошуа Розин и Ральф Клайн, Авраам Хемо и Арье Давидеску, игроки Микки Беркович, Моти Аруэсти, Авигдор Москович и другие также внесли огромный вклад в израильский баскетбол 1970-х. Но всё-таки мы связываем успехи именно с Броди, потому что этот баскетболист своей спортивной карьерой и жизнью воплотил великую еврейскую мечту о своем доме в своей стране.

За Броди в Израиль последовала целая плеяда замечательных еврейских игроков из США, которые поселились здесь и играли за сборную и различные команды Высшей израильской лиги: Стив Шлехтер, Арик Менкин, Боб Гриффин, Вилли Симс, Симха Ригер...

Именно это поколение игроков вывело сборную Израиля на второе место в чемпионате Европы в Италии в 1979 году и дважды помогло «Маккаби» выигрывать Кубок европейских чемпионов – в 1977 и 1981 годах. Они же способствовали небывалому росту уровня баскетбола в Израиле.

В этом славном ряду стоит и баскетболист Дэвид Блат. Путь его в Израиль был прост и очевиден. В начале 1980-х он приехал в составе еврейской сборной США на очередную Маккабиаду. 21-летний выпускник Принстонского университета остался жить в Израиле, влюбился, женился, построил дом, выступал в нескольких клубах Высшей израильской баскетбольной лиги, таких, как «Иерусалим», «Галиль Эльон», «Рамат-Ган». По окончании карьеры игрока Блат начал работать тренером.

Блистательно образованный, с сильным характером, он добился больших успехов и на новом поприще. Читал курс лекций на Высших тренерских курсах баскетбольных тренеров при институте имени Уингейта под Нетанией. Пользовался большим авторитетом у коллег.

Блата всегда отмечали как прекрасного знатока тактики и тренерского процесса. Ему отводили важнейшее место в деле «селекции» команды: его выбор игроков-легионеров не знал ошибок.

Приведем лишь один пример «селекционной» работы Дэвида Блата. Два года назад он пригласил в команду «Маккаби», в которой работал главным тренером, 18-летнего словенского разыгрывающего Бено Удриха.

– Этот юноша очень даровит и будет играть в команде в стартовой пятерке, – заявил тренер.

Множество скептиков немедленно накинулись на Блата, утверждая, что нельзя отдавать судьбу первой команды страны в руки 18-летнего пацана, что у словенца нет ни опыта, ни сил и вообще вопрос о его даровании остается открытым.

Удрих отыграл тот сезон прилично, но особо не блистал. Команда «Маккаби» вышла в «файнел-фор», но европейского титула не завоевала.

– Вы не совершили ошибки с Удрихом, господин Блат? – спрашивали тренера журналисты после окончания сезона.

– Я, конечно, совершал и совершаю на этом сложном поприще ошибки, но в случае с Удрихом я прав на 100 процентов. Его ждет большая карьера, – отвечал Блат.

Он лишился поста главного тренера «Маккаби» за то, что не смог завоевать титул чемпиона Евролиги, и был переведен на роль помощника в клуб Пинхаса Гершона.

Бено Удрих прошедшим летом подписал контракт с клубом НБА «Сан-Антонио» и стал одним из открытий профессиональной национальной лиги.

Этим же летом Блат, после некоторых колебаний, подписал многообещающий контракт с воссозданной командой петербургского «Динамо», во главе которого стоит известный российский бизнесмен и тренер Владимир Родионов.

Несмотря на сложности в работе на новом месте, Блат собрал решительный и сильный коллектив, который достойно выступает как в чемпионате России, так и в европейском кубковом турнире.

Блат выучил несколько слов по-русски, привык к холодам, в Петербурге, по слухам, к нему относятся уважительно: профессионал до мозга костей, джентльмен, красавец, он вызывает почтение даже у фанатов питерского «Спартака» – «оплота» ленинградского баскетбольного духа, который десятки лет создавал великий тренер Владимир Петрович Кондрашин.

В середине января 2005 года профессиональный совет Федерации баскетбола Израиля выбирал нового главного тренера сборной страны. После отставки Мули Кацорина четыре месяца назад важнейшее тренерское место в израильском баскетболе оставалось незанятым.

На этот пост было четыре кандидата. Основным являлся Пини Гершон, наставник «Маккаби». Но Гершон снял свою кандидатуру ввиду огромной занятости в клубе, требующей полной отдачи. Помимо Гершона серьезным кандидатом являлся Эфи Биренбойм, опытный, темпераментный специалист. Реальной была и кандидатура Шарона Друкера, молодого иерусалимского тренера.

Но комиссия сделала единогласный выбор: главный тренер сборной – 45-летний Дэвид Блат.

Его помощниками стали Эрез Эдельштейн и бывший игрок сборной страны Моти Даниель.

На взгляд многих специалистов и болельщиков в Израиле, это сочетание людей, отлично дополняющих друг друга как в профессиональном, так и в человеческом смысле. Они не должны проиграть.

Узнав о своем назначении, Блат сказал:

– Я счастлив и горд, получив этот пост. Ничего важнее и выше в моей профессиональной жизни быть не может.

Конечно, всё может случиться, особенно в таком ненадежном деле, как спорт, а тем более израильский спорт. Но ощущение того, что Дэвид Блат и его помощники – нужные люди на нужном месте, не покидает.

ЧЕЛОВЕК, УШЕДШИЙ В ИСТОРИЮ

Марк Харитонов

Вечерами у Льва Зиновьевича Копелева всегда было полно людей: друзья, просто знакомые, приезжие, иностранные журналисты. На маленькой кухне его московской квартиры не все помещались, разбредались по комнатам. То и дело звонил телефон. «Рая, – звал жену Копелев, – подойди ты, а то я приглашу». Кухня его кельнской квартиры на Нойенхёфераллее была гораздо просторнее, там собирались за большим столом с деревянной столешницей теперь уже преимущественно немецкие знакомые, сотрудники, бывали и московские гости вроде меня. Копелев в разговоре то и дело вспоминал какую-нибудь историю из своей жизни, каждый раз новую. Запас этих историй был у него неисчерпаем.

Его долгая жизнь была полна бурных, драматических событий, впечатлений, встреч. Лишь о малой их части он мог рассказать в книгах, которые мы знаем: «И сотворил себе кумира», «Хранить вечно», «Утоли моя печали». Детство и юность в Украине, изучение немецкого языка, работа на заводе и в газете, первый арест за принадлежность к «троцкистской оппозиции», участие в насильственной коллективизации, которого он потом стыдился всю жизнь, фронтовая служба в отделе пропаганды, арест в конце войны за попытку противодействовать насилию и мародерству на оккупированных немецких территориях, лагерь, недолгое освобождение, новый арест и новый срок, теперь уже в знаменитой «шарашке», которую описал потом Солженицын в романе «В круге первом». (Копелев послужил там прообразом Льва Рубина.) Это лишь общеизвестный пунктир. Всего ни в какие книги было, конечно, не вместить.

Рассказывал Лев Зиновьевич великолепно, память у него была необыкновенная, язык образный, живописный – ты начинал видеть перед собой людей, которых он описывал, слышать их речь.

Я познакомился с Копелевым в 1972 году у поэта Давида Самойлова. А потом однажды мы с Давидом зашли к нему в гости. Он жил тогда на первом этаже в одном из писательских домов на Красноармейской улице. Незадолго до нашего прихода у него разбили камнем окно, как я понял, не в первый раз. Время спустя он сумел получить в том же доме квартиру уже повыше, на шестом этаже. Там я стал бывать потом часто. Приносил ему и Раисе Давыдовне свои рукописи – меня тогда не печатали, их интерес меня ободрял; еще больше разного чтения уносил от них. Но главным в этих встречах было, конечно, общение, разговоры. Мы быстро сблизились, стали, несмотря на разницу в возрасте, называть друг друга по имени, а с Левого перешли даже на «ты».

Смена этажа не избавила его от постоянного давления. Оно особенно усилилось, после того как в 1973 году оказался опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» и началась новая кампания против Солженицына. До шестого этажа камень было не добросить, но способы изобретались разные.

Как-то в январе 1974-го Копелев показал мне подброшенные ему в почтовый ящик листовки с некрологами «на смерть видного советского германиста, друга Солженицына, Сахарова» и т. п. Написано всё было в издевательски возвышенных выражениях. Одна листовка особо адресовалась Раисе Давыдовне: «В этот трудный час мы разделяем ваше горе...»

«Лева посмеивается, – записал я тогда в своем дневнике, – но Раю это выбило из колеи».

Люди, помнящие те времена, тут вправду, пожалуй, покачать головами: не легкомыслием ли было делать тогда записи о встречах и разговорах, зная, что бумаги у тебя могут в любой момент изъять при обыске, от которого не был гарантирован никто, и использовать потом против упомянутых там людей? Я уже писал в другом месте, что много лет вел свои дневники, пользуясь видоизмененной стенографией. Кроме обычного преимущества, скорописи, это позволяло надеяться, что в случае, если бумаги действительно попадут в нежелательные руки, никто не сможет прочесть понятные лишь мне закорючки. Надежда, наверно, и впрямь несколько легкомысленная, риск, конечно же, был. Но, как бы там ни было, пронесло. Теперь я могу этими записями пользоваться. В последние годы я расшифровал небольшую их часть, так составила книга «Стенография конца века», изданная в 2002 году.

Но вообще-то мы к осторожности в те годы были приучены. По пути к Копелеву и от него я привычно оглядывался: не дежурит ли кто у подъезда? На улице или в метро в любой момент могли остановить: покажите, что это у вас в портфеле? Откуда у вас такие книги, откуда эти немецкие журналы? Сколько было таких случаев!

Тем более всем хорошо было известно, что существует уже «дело Копелева», разговоры в его квартире, не говоря о телефонных, откровенно прослушиваются, иногда обнаруживались следы чьего-то присутствия в доме. Это даже особенно не скрывалось – всё было способом давления. Можно было его оказывать и через других людей.

Помню, как тяжело Копелев переживал историю с Л., нашей общей знакомой, которая останавливалась у них, приезжая из Коломны. В Коломне ее подвергли обыску, стали вызывать на допросы.

– Тяжелей всего осознавать, что из-за тебя пострадали другие, – сказал мне Лева. – Только теперь по-настоящему понял Андрея Дмитриевича Сахарова, раньше понимал теоретически. У него это постоянно. Человек уходит от него, и его сбрасывают с поезда.

Его последовательно выталкивали из страны, делая жизнь здесь невыносимой, лишая всякого заработка. Много лет Копелев сопротивлялся, публично заявлял, что добровольно не уедет. Я тогда кормился переводами разных немецких текстов и один раз, помнится, даже предложил ему поделиться – под своим именем он ничего напечатать не мог. Удивительно, что этот именитый германист почти готов был согласиться. Нервы были напряжены, Рая страдала бессонницей. В 1978 году он уже было решил принять приглашение своего друга Генриха Белля, поехать в Германию – как сам себя убеждал, на время. Но еще два года всё-таки продержался.

В один из февральских дней 1980-го я, проходя мимо уличного стенда с газетой «Советская Россия», прочел там погромную статью, героем которой был Копелев. Начиналась она с омерзительного бородатого типа, который входит в посольство ФРГ с пустыми руками, а выходит, сгибаясь и спотыкаясь под тяжестью ящика. Неизвестно, что в этом ящике, издевательски писал автор (как всегда скрывавшийся под псевдонимом), белье или коньяк, но мы-то в любом случае знаем: это награда за предательство Родины.

Я тут же поехал к Копелеву. Возле дома встретил выходящую из подъезда Раю.

– Что, – спросил я, – у вас дома сейчас никого нет?

– Марк, не смешите меня, – ответила она. – Там человек пятнадцать. За день был десяток корреспондентов.

В квартире действительно было обычное столпотворение. На кухонном столе, кстати, стоял прекрасный французский курвуазье, но к немецкому посольству он отношения не имел. Лева дал мне прочесть официальное заявление посольства ФРГ от имени правительства о том, что Копелев вообще в посольство не заходил ни разу, никаких подарков не брал, никаких материалов посольству не поставлял.

На кухне тем временем говорили о происшедшем недавно у Сахарова. К нему ворвались двое вооруженных людей, притворившихся пьяными, стали угрожать, кричали, что скоро Сахарова поместят в психушку. Копелев встретился с Еленой Боннер, по его словам, ее всю трясло.

– Я знаю ее десять лет, – сказал он, – она никогда не знала страха, но в таком состоянии я ее еще не видел.

– Каких вы ждете репрессий? – спросил его какой-то корреспондент.

– Вы что, хотите, чтобы я подсказал властям, как со мной поступить? – усмехнулся Копелев.

Среди присутствовавших был известный писатель и правозащитник Георгий Владимов. Разговор зашел о необходимости выяснить что-то с Шафаревичем, который отказался подписать совместное заявление правозащитников, обвинив их, как он уже тогда это делал, в «русифобии». Копелев сказал, что лучше всего было бы поговорить с ним Владимову, прежде всего как председателю московской секции «Международной амнистии».

– А кроме того, – сказал Копелев, – вы генетически чисты.

Оказалось, он тут ошибся. Мать Владимова была еврейка. Она отсидела свой срок в заключении, но до сих пор, в семьдесят лет, оставалась верной коммунисткой, ходила на партсобрания.

– Что, неужели и вы с прожидью? – удивился Копелев.

Я впервые услышал это замечательное выражение.

К концу года стало всё-таки ясно, что им с Раисой Давыдовой придется уехать. Лева повторял, что они едут на год, что он хочет сразу взять обратные билеты. Но и самим им, и нам, которым вскоре пришлось провозжать обоих, было ясно, что назад им уже не вернуться. Дальнейшего развития событий никто предвидеть не мог. Думал ли я, что через восемь лет окажусь за границей, в Федеративной Республике Германии?

Весной 1988 года я впервые получил приглашение выступить на литературной конференции в городке Бад-Мюнстерайфель под Кельном. Чего стоила тогда поездка на Запад, да еще для такого человека, как я, никогда ни с какими делегациями за границу не выезжавшего, стоило бы, наверное, рассказать особо. Я не был членом Союза писателей, тем более членом партии. А поездка за рубеж в ту пору была невозможна без рекомендаций, в том числе партийной. Пришлось добывать ее в каком-то парткоме по месту жительства, у старичков-пенсионеров, не понимающих, что происходит, потом надо было получить визу в райкоме партии. Первый и единственный раз в жизни я побывал в этом учреждении, сидел, дожидаясь приема, в коридоре, мимо меня спешили на какое-то экстренное собрание люди, почти одинаково одетые, даже внешне очень похожие – в такой массе своей они производили впечатление какой-то совершенно особой породы. Все казались чем-то встревоженными. Продолжала развиваться непонятная перестройка. Не так просто эти люди согласятся уступить власть, – отчетливо подумал я.

Приема я в тот день не дождался, но визу мне потом дали без разговоров. Кстати, всего через две недели требование партийной рекомендации для выезда за границу было вообще отменено.

Не буду описывать поездку – ощущения человека, внезапно попавшего в совершенно другой, открытый мир, не буду описывать конференцию, где я впервые выступал по-немецки. На другой день после выступления ко мне из Кельна приехали Копелев вместе с Раей, дочерью Светланой и ее мужем, выдающимся лингвистом Вячеславом Всеволодовичем Ивановым. Приезд Копелева взволновал немцев необычайно, его приветствовали и принимали чуть ли не как президента. Я сам сразу стал выглядеть для них важной персоной – человек, к которому приехал сам Копелев! Такого великолепного обеда, который нам был устроен, я без него, конечно же, не удостоился бы.

Перед отъездом мы вместе прогулялись по городку. Люди на улице его узнавали, буквально каждый встречный приветствовал: «Guten Tag, Herr Kopelow!» (Здравствуйте, господин Копелев!) Он оказался, среди прочего, почетным гражданином этого самого Бад-Мюнстерайфеля. Здесь родился легендарный доктор Гааз, служивший в России и прославившийся своей бескорыстностью тюремный врач, о котором писал Достоевский. Копелев написал о Гаазе книгу «Святой доктор Федор Петрович».

Ё. Ётїаєїа є А. Ааєєїї І ітїєїа 1969 аїа

Было чувство, что он за эти восемь лет совсем не изменился. Только роскошная седая борода еще живописней разрослась, делая его всё больше похожим на величественного библейского патриарха. А разговоры пошли те же, что и всегда. Они с Раей сразу стали расспрашивать, что нового в Москве, что я думаю о перестройке.

По пути в Кельн мы заехали в городок Лангенбройх, где жил последние годы Генрих Белль. Нас встретила Анна-Мария, его вдова, их сын Винцент. Мы посидели с ними за столом, потом осмотрели севой дом, рабочий кабинет Белля, библиотеку, обошли участок. Пейзаж был почти подмосковный, неприбранный огород, поля рапса, свеклы, дававшие, говорят, хорошие урожаи. На пустыре поодаль паслись коровы. Копелев рассказывал мне, как умирал Белль. У него развивалась гангрена, которую называли «болезнь курильщика», от ноги отрезали кусок за куском. Но главное, нарастала депрессия. Однажды он сказал Леве, что больше не хочет жить. Местный священник отслужил по нему заупокойную службу, несмотря на запрет епископа: Белль последние годы выступал с резкой критикой католической церкви, официально вышел из церковной общины и перестал платить церковный налог.

Позднее общие знакомые рассказали мне, как много значил для Белля Копелев. Его приезд помогал ему справляться с депрессией. Казалось, Копелев переливал в него часть своей энергии, – сказала мне одна женщина. Если по телевизору показывали одного из них, всегда надо было искать рядом другого. Я услышал от немцев, каким уважением вообще пользуется здесь Копелев. На одном из его выступлений в Дюссельдорфе какой-то пожилой человек спросил его: вы критикуете коммунистическую систему, но ведь вы сами были коммунистом? Копелев ответил: да, я не просто был коммунистом, я участвовал в страшных делах, я знаю, как много зла сделал, думая, что так надо, я сознаю свою вину и ответственность. После этих слов в зале началось что-то невообразимое, рассказывали мне, молодежь устроила ему овацию. Здесь привыкли прежде слышать людей, заявлявших, что они ничего не знали, ни в чем не считают себя виновными.

Вот как написал об этом сам Копелев в своей книге «Хранить вечно».

Теперь я понимаю, что моя судьба, казавшаяся мне нелепо несчастной, незаслуженно жестокой, в действительности была и справедливой, и счастливой.

Справедливой потому, что я действительно заслуживал кары – ведь я много лет не только послушно, но и ревностно участвовал в преступлениях – грабил крестьян, раболепно славил Сталина, сознательно лгал, обманывал во имя исторической необходимости, учил верить лжи и поклоняться злодеям.

А счастьем было то, что годы заключения избавили меня от неизбежного участия в новых злодеяниях и обманах. И счастливым был живой опыт арестантского бытия, ибо то, что я узнал, передумал, перечувствовал в тюрьмах и лагерях, помогло мне потом.

Он становился в Федеративной Республике видной общественной фигурой, постоянно выступал на телевидении, на разных конференциях, руководил так называемым «Вуппертальским проектом» – публикацией документов и исследований о русско-немецких культурных связях. Вокруг него сложился коллектив сотрудников. К нему приходило множество писем, в том числе из Советского Союза. Он присылал разным людям лекарства, помогал многим, поселял у себя приезжих.

Дом его и в Кельне был всегда переполнен. В тот приезд я ночевал у него на балконе, где самка дрозда («Frau Amsel» – звал ее Копелев по-немецки), не страшась людей, высиживала птенцов; я их потом увидел.

Когда я попал в Кельн на следующий год, в последние дни октября, Раи уже не было в живых. Я вначале боялся, не стеснит ли его мой приезд, но потом понял, что он был даже кстати: мое присутствие освободило одну из его секретарш от необходимости ночевать у Копелева. Его уже старались не оставлять одного.

Разговоры мы продолжали вести всё о том же, обсуждали тревожное, неопределенное положение в нашей стране. Копелева тяготило, что он может лишь наблюдать за всем этим развитием издалека.

– А как мне теперь вернуться в Москву? – сказал он. – Невозможно. Здесь я русский, там я окажусь иностранцем. Здесь у меня работа, проект, мне платят за это деньги. Там я буду никто, и жить мне там не на что.

Между тем в самой Германии, тогда еще разделенной на Восточную и Западную, события развивались стремительно. Вместе с немцами мы, не отрываясь от телевизора, следили за происходившим в Восточном Берлине, где шли, ни на день не прекращаясь, многотысячные митинги, демонстрации. Коммунистическое руководство было растерянно, шло на всё новые уступки. 9 ноября 1989 года, воспользовавшись первыми послаблениями, толпы людей стали переходить границу. Копелев, конечно же, не мог усидеть в Кельне, он тут же сорвался с места, решил полететь в Берлин.

Вернулся он взбудораженный, переполненный берлинскими впечатлениями. Привыкший на Западе путешествовать без паспорта, он и для поездки за границу не взял его с собой, но его тотчас узнали в толпе люди. «Это же Копелев, – стали они убеждать гэдээровского пограничника. – Если вы его сейчас не пропустите, вам потом попадет». Растерянный сержант выдал ему пропуск. Впервые за двадцать лет прогулялся он по Восточному Берлину, зашел в гости к писательнице Кристе Вольф, давней своей приятельнице, посетил могилу Брехта, о котором когда-то написал книгу, музей Пергамон. Его бесплатно возил на такси болгарин – за то, что он стал читать ему вслух по-болгарски Ботева, возил бесплатно и турок, узнав, что его пассажир был знаком с Хикметом.

Рассказывал Копелев и про тревогу, которую уже тогда стал ощущать среди общей эйфории. Что будет, когда праздник сменится буднями?

Мы еще не знали, что скоро схожие чувства придется испытать нам и у себя. Наша очередь наступила меньше чем через два года. В дни августовского путча Копелев оказался в Москве среди участников как раз начинавшегося Конгресса соотечественников. Мы встретились с ним на конгрессе, не стали там задерживаться, сразу поехали с друзьями на Пресню, к Белому дому. Потрясающее впечатление этого дня описывать не буду. В толпе, строившей баррикады, мы с Копелевым скоро потерялись.

А в последний день августа он с друзьями приехал ко мне на день рождения. Это застолье оказалось записанным для Российского телевидения. Еще один участник Конгресса соотечественников и мой друг, известный правозащитник Кронид Любарский, должен был давать этому телевидению интервью,

и он устроил мне сюрприз – пригласил журналистов к нам. Они снимали тосты, застолье, певшего свои песенки Юлия Кима, наш дом. Больше всех говорил в микрофон Копелев – он был радостно возбужден.

– Похоже это на застолье в Кельне? – спросил я его.

– О нет! – расслаился он в улыбке.

Я почувствовал, как ему хорошо.

Потом мы еще несколько раз виделись с ним в Москве и в Германии. Не только его – наши общие тревожные опасения, к несчастью, оправдывались. В Москве он всё меньше чувствовал себя своим.

– Паршиво там, – сказал он мне однажды. – Никакой демократии – хамократия. Вообще чувство, что я всё больше удаляюсь от Москвы. Никому я там помочь не могу...

В одну из последних встреч мы вместе

с ним выступали на очередной конференции в Германии. Он размышлял о политике и морали, рассказывал немцам о Сахарове. Зал был полон, слушали его восторженно. До этого я некоторое время не видел Копелева и в первый момент ощутил, как сильно он постарел. Но уже после нескольких минут разговора это ощущение прошло. Такой же величавый, седобородый, высокий, и речь такая же энергичная.

– Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? – поймал он меня на оговорке.

– Ты такой важный, – смутился я.

– А почему не звонил? – спросил он. – Учти, не будешь звонить – прокляну и лишу наследства.

Увы, лишь потеряв, мы начинаем по-настоящему ценить то, что было даровано нам судьбой.

В июне 1997-го пришло известие о смерти Льва Зиновьевича. Совсем незадолго перед тем я поздравлял его с 85-летием. Месяц спустя его прах привезли в Москву и захоронили рядом с прахом жены, в колумбарии при Донском монастыре. Было множество людей, был немецкий посол.

Этого замечательного человека продолжают помнить и почитать, в Германии он уже фигура почти легендарная. Я был на одном из юбилейных заседаний созданного там «Копелевского форума». Выступали знавшие его люди, показывали кадры его телевизионных выступлений. Я вспоминал этого человека, его удивительную доброту, энергию, эрудицию. Какая человеческая мощь, думал я. Какая судьба, какая биография, какой характер! Еще один близкий мне человек уходит в историю.

Ė. Ėĭĭăăă P. Āēōāĭăăēē, Ĭ. Ōăēēōĭĭă

Ė. Ėpăăăēēē. Ĭ ĭĭēăă 19ăăăĭăă 199ĭăăăă

РОДИТЕЛИ

Yi ai qe Ee da i i o o

Yi ai qe Ee da i i o o (Litvinoff) da i i i a a a a a 1915 a a a, i a i i i i i a a a i i e e a a i i o i e da i i a E i i a i a

A u e a i i a a i a d i i e o u e e e o a a o u i a a o u e a o, a u e i i d o i u i, i i a i e a o i i o a a e i y a a d a i i o u. I a d a c t a i a e i y i a i i i o a e i i i. N 1940 i i 1946 a a i i e e e e a a i a e e e i e e a d i e e. I a i e n e i a i e i e i e i d i a i a, a o i i e e a o d e e i a e p «E e o a o a d d i d a», e i e a o d a i i e a c t a, i a o a d e a e i i a e y e i o i d u o i i i i e e e e a a a a e i a a o e y, i a i e i e i e i i u i i a e y o a e a e a i e y.

Хотя Марк Голомбек, крупный, курносый, рыжий, был похож скорее на украинца, чем на еврея, он прямо-таки по-женски чурался потасовок. На прежней родине он работал экспедитором. Одесских грузчиков хлебом не корми, а дай назюзюкаться и подраться, и его не раз поколачивали. Впрочем, со временем хулиганье перестало с ним связываться: язык у него был острый, отбреет что твоя бритва.

В Лондоне Голомбек – грех жаловаться – устроился. Хотя получить место клерка ему не светило: языка он не знал, но сидеть без дела не собирался. Одно время возил тележку зеленщика Шварца – тот торговал вразнос, а позже приобрел лавчонку на Уэнтворт-стрит. Затем устроился гладильщиком к портному, женился на девушке родом из Польши, остепенился, завел семью. И дела у него шли неплохо до тех пор, пока кайзер, нарушив нейтралитет, не вторгся в Бельгию¹¹. Марк клокотал от возмущения, но считал, что эта война рабочим не нужна, поэтому выступал против нее, хоть она и давала возможность хорошо заработать на сверхурочных – потребовалось множество солдатских униформ. В карман каждой из наглаженных гимнастерок он вкладывал написанную от руки листовку. Иногда он писал: «Немцы – ваши братья, не стреляйте в них! Объединяйтесь! Требуйте мира!» Иногда он поддавался давлению, и тогда призывы становились подстрекательскими: «Поверните оружие против своих истинных врагов! Долой кровожадный капитализм!» Под призывами он ставил подпись – Комитет рабочих за международное единение. Кроме Марка в Комитет входили стекольщик Гуревич и обойщик Коэн. Разница в призывах отражала идеологическую борьбу в комитете. Гуревич и Коэн не одобряли пацифистской направленности первого призыва. По этой же причине они отказали в поддержке книжечке стихов Марка «Финцтер ин майне ойген» («Тьма перед глазами»), которую он размножил за свой счет.

Собрания – а они протекали бурно – обычно устраивали дома у Гуревича, неподалеку от Спитфилдского рынка, над тесной мастерской, где он резал стекло, после чего ставил его в ящик, вскидывал ящик на спину и ходил по улицам, выкрикивая пронзительным, плаксивым голосом: «Пач-ч-иньяем стекла! Пач-ч-иньяем стекла!» Окрестная ребятня его передразнивала. Низкорослый, изнуренный, кривоногий, дерганый, он сутулился и потому, что вечно корпел над книгами, и потому, что так удобнее было

удерживать на спине хрупкий груз. Линзы толщиной чуть не с бутылочное стекло помогали уменьшить близорукость, но создавали впечатление, будто его добрые, серьезные глаза замурованы в стекле; когда Гуревич снимал очки, чудилось, что глазницы окажутся пустыми. Имелась и миссис Гуревич – она пребывала в кухне, нянчила их задохлика-сына, – однако всю любовь Гуревич отдавал радикальной литературе: Дидро, Руссо, Сен-Симону, Радищеву, Пейну, Локку, Карлу Марксу, чьи гневные пассажи губили его зрение, зато когда один из членов комитета затевал спор, он всегда мог побить его подходящей к случаю цитатой. Гуревич был прирожденный заговорщик. Стратегический ход – засовывать призывы в солдатские гимнастерки – он измыслил за стаканом чая с лимоном в «Арбетер Фрайнт»^[2] на Джубили-стрит, социалистическом клубе еврейских иммигрантов. Он закладывал призывы в книги, между листов туалетной бумаги в общественных уборных, разбрасывал их с автобусов, подсовывал под двери, посылал по почте членам военного кабинета Асквита^[3]. Однако такие нехитрые методы его не удовлетворяли, он мечтал направлять на поля сражений стаи выдрессированных голубей, выкрасить сверху донизу в революционный красный цвет колонну Нельсона^[4], тайно установить на вестминстерских башнях тысячи громкоговорителей, которые гремели бы гимн свободе.

Коэн, обойщик, был не более чем адептом. Уроженец Вильно, этого польского Иерусалима, ортодоксальный иудей, он отказывался участвовать в сходках заговорщиков по субботам, а проводил их, молясь в синагоге «Махзикей А-дас»^[5]. Ему было уже под тридцать, он боялся, что ему так и не удастся жениться, поэтому всё свободное время торчал в Еврейском приюте в надежде заманить подходящую девицу, свежеприбывшую из какого-нибудь восточноевропейского штетла. Но успеха у них не имел. По какой причине – из-за кашля, вызванного, по его утверждению, тем, что, обивая диваны и матрасы, он вдыхал конский волос и шерстинки, или из-за бескровного цвета лица, характерного для мастеровых, который принимали за симптом серьезной болезни, только ни одна пышущая здоровьем еврейская дева не рвалась лечь в постель с кранкером, то есть недужным. Однако в чем бы причина ни заключалась, сам Коэн считал свое вынужденное воздержание одним из преступлений капитализма.

Гуревич укреплял его в этих претензиях: противопоставлял одиночество Коэна полной наслаждений жизни богачей, которая протекала в обществе развратных красавиц, тогда как на его долю оставалось только братство в нищете и сладость возмездия. Впрочем Коэн проявлял рвение лишь время от времени, по большей части листовки, вместо того, чтобы звать на борьбу, ислевали в его карманах, но Гуревич держался за Коэна, потому что в тех случаях, когда надо было подавить сопротивление Голомбека, он, благодаря Коэну, получал большинство голосов.

Как-то в воскресенье после работы Коэн зашел за Марком, чтобы вместе пойти на собрание.

– Вернусь к ужину, – кинул Марк жене.

– Я вижу, она опять в положении, – с нескрываемой завистью сказал Коэн, когда они вышли на улицу. – Имеем ли мы право рожать детей, учитывая, в каком мире им придется жить?

– Когда эти дети вырастут, наше время будет им казаться эпохой варварства, – пророчествовал Марк. – Хозяева мира настолько обезумели от жадности, что уже рвут друг друга на части.

Коэн сказал:

– Будь у меня жена и спроси она: «Ну так как насчет ребенка?» – я бы натянул брюки и дал деру. – Он пожирал глазами ноги проходящих женщин.

Они пробирались среди куч гнили на Спитафилдс-маркет, время от времени Коэн нагибался, выживал из отбросов подпорченные фрукты и рассовывал их по карманам. За квартал от дома Гуревича они в целях предосторожности расстались, с тем чтобы, снова сойдясь у дверей стекольщика, сделать вид, будто встретились совершенно случайно. Коэн тихонько постучал в дверь. Заскрежетал засов, Гуревич отворил дверь, таинственно прикрыв рот, пригласил их войти, выглядел он при этом настолько нелепо, что ни одному полицейскому не пришло бы в голову ничего заподозрить. Поведение Гуревича объяснялось отнюдь не страхом перед законом. У очага сидела старая мать Гуревича – расставив колени, грела ляжки.

– Ша, разбудите ребенка, – шикнула она на них.

Стараясь ступать как можно тише, они проследовали в спальню, служившую стекольщику и кабинетом. От комнаты разило, как от немывтого нищего. На полу, на каминной полке, лежали гроззящими обрушиться кучами книги. С выцветших фотографий на стенах тарачились бородатые евреи, стул был всего один, кровать покрывала пухлая перина. За запыленным оконцем в угрюмом злом сумраке вечера вырисовывалось здание склада.

Тут же разразился спор, отнюдь не менее яростный оттого, что он велся шепотом.

– Каждое собрание положено начинать с чтения резолюции предыдущего собрания, – упорствовал Гуревич. Он держал школьную тетрадь, мелко-мелко исписанную на идише, с таблицей умножения на обложке.

Марк Голомбек был против. Коэн – за.

– Резолюцию надо прочесть, – Коэн закашлялся, прочистил горло, харкнул в пустой камин. И так, словно это решило дело, достал из кармана подпорченное яблоко, срезал перочинным ножом гниль и стал есть.

Спор тем не менее продолжался, из тактических соображений он перекидывался от процедурных вопросов к идеологическим, от идеологических к стратегическим и, как и следовало ожидать, зашел в тупик и перешел на личности.

– Голомбек, ты всего-навсего дилетант, – сказал Гуревич. – Бульварный философ. Краснобайство для тебя важнее всего.

– Ну а ты, Гуревич, кто ты такой?

– Я как Карл Маркс. Я отказываюсь понимать мир. Я верю, что его следует изменить. Путем революции. Пора перейти к делу.

Кровь кинулась Марку в лицо, залила его вплоть до корней рыжих волос.

– Расскажи еще, как ты в Кишиневе плевал в морды казацким лошадям! Расскажи в сотый раз, как ты двадцать дней голодал в сибирской тюрьме! Открой свое сердце, Гуревич, покажи миру, как оно жаждет свободы, как страдает, как истекает кровью!

Старуха стукнула в стену, требуя прекратить крик.

– Ради Б-га, Б-га ради, – умолял Гуревич.

– Я что, тебя оскорбил? Я только и сказал, что пора перейти к делу.

– Да, необходимо перейти к делу, – поддакнул Коэн.

– К делу – да! Но не к насилию! – Марк грохнул кулаком по столу.

В соседней комнате всплакнул младенец, ему вторили горестные причитания бабки.

– Вот видишь, Голомбек, ты разбудил ребенка, – стекольщик совсем приуныл. – Мало меня жена пилит. – Он рассеянно терял дряблую кожу лба. – Посуди сам, ну спасли ли наши листовки хоть одну жизнь, убили хоть одного врага? Возьми, к примеру, Солли Абрамовича с нашей улицы, разве я не дал ему твою листовку, чтобы его распропагандировать? Парнишке шестнадцать всего, а он всё равно убежал в армию. Да они, извини за выражение, подтираются твоими листовками. Бумажные пули – вот что такое твои листовки! И ничего больше.

Коэн отхаркался и кивнул.

– Истинная правда, – прохрипел он. – Чтоб я так жил.

– Идеи для тебя всего-навсего бумажные пули? – Марк вынул сигарету, трясущимися руками закурил. Потряс обгорелой спичкой перед носом противника.

– Насилие! Ни о чем другом ты и думать не можешь!

– Бомбы – вот настоящие идеи, – сказал Гуревич, его близорукие глаза заволокли слезы: так он был уверен в своей правоте.

– Для меня бомбы – свидетельство бессилия, отчаяния, бомбы – доказательство глупости.

– Нет и нет, – сказал Гуревич. – Как раз наоборот. Бомбы означают отказ мириться с отчаянием. Бомбы, Голомбек, – это мотор революции, и те, кто бежит от насилия, – не более чем дилетанты. Как иначе разрушить империю или сокрушить тиранию? Вежливо попросить тирана отречься? А я говорю – раздавим тиранию! Плюнем ей в лицо! Коэн, ты почему молчишь – у тебя же есть свой взгляд на эти проблемы.

Коэн раскачивался из стороны в сторону: казалось, вопрос не укладывается у него в голове, и он пытается устроить его там поудобнее. Спор начал действовать ему на нервы.

– В принципе, по-моему, не исключено, что ты и прав, – тянул он время, – но ведь главное не в том, прав ты или нет. Бывает и так, что ты одновременно и прав, и неправ. Как говорит Талмуд: не поступай с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступили с тобой.

– А не сказано ли в Талмуде: правда так тяжела, что людям не под силу ее снести?

– В пустой банке мелкая монета гремит сильней, – сказал Марк. – И я когда-то учился в ешиве. Не понимаю, с какой стати попусту спорить о бомбах – мы же не анархисты с Сидни-стрит?

Стекольщик вскочил, забегал по комнате.

– Мне стыдно оттого, что мы бездействуем, – обрушился он на товарищей. – Чего мы ждем – Мессии? – Он посмотрел на кроткие лица бородатых родственников, серьезно смотревших из рамок на отсыревших обоях. Это были лица долготерпеливцев. – Мой отец уже в тридцать харкал кровью, но он верил, что Г-споду угодно, чтобы он выплевывал куски легких. Б-гу бы такие легкие! – При этих словах Коэн вздрогнул, Голомбек пропустил их мимо ушей. – Вы что, не понимаете: людей убивают, как скот? – кипятился он.

Марк предпринял еще одну попытку.

– Все солдаты – рабочие, – сказал он. – В один прекрасный день они осознают, что у них общие интересы. Немцы, французы, англичане, русские скажут: «Зачем нам убивать друг друга? Для чего? Кому это выгодно?»

Гуревич усмехнулся.

– Как прикажете это записать в резолюции? Голомбек просит нас ждать чуда?

Марк сидел на гладильной доске, ел бутерброд, когда в мастерскую вошла жена портного и сказала, чтобы он спустился вниз: его ждут.

Хозяин, сердито посмотрев на кучу неглаженных солдатских униформ, проворчал:

– Смотри у меня, пять минут – и назад.

В коридоре стоял Коэн в рабочем фартуке, с его нечистого потного подбородка ключьями свисала шерсть. Что-то случилось, что-то ужасное. Вид у Коэна был больной, глаза чуть не выскакивали из орбит.

– А всё Гуревич, – с трудом выдохнул он. – Я из мастерской, всю дорогу бежал. Выскочил из дому прямо посреди обеда. Мы должны немедленно прикрыть Комитет! И объявить об этом публично.

– О чем ты, Коэн? О чем объявить?

– Листовки – это одно, а противозаконные действия...

Марк сделал ему знак глазами, схватил за руку.

– Выйдем на улицу, – сказал он. – Ты что, хочешь, чтобы весь дом слышал тебя?

На бульжной мостовой под сурово вздетым пальцем Китченера^[6] гоняли мяч мальчишки подмастерья. Укутанная в платок фабричная работница с кое-как завернутым пакетом под мышкой плюнула им под ноги: здоровые мужики и не на фронте.

– Ко мне прибежала его жена, – сказал Коэн. – Этот псих разбил два листа стекла, опалил себе брови. Ты понял: Гуревич делал бомбу!

Марк метнулся вверх за пальто. Хозяин взорвался.

– Уходишь? – взвыл он. – Пьешь мою кровь!

– Я скоро вернусь, – сказал Марк.

Хозяин схватил в охапку груды униформ, швырнул на пол, возопил:

– Чтоб я так жил, как я приму тебя назад!

Смерть уже вцепилась в его внутренности и, возвращаясь к закройщицкому столу, он прижимал руку к животу.

Стекольщик, сказала им его жена, пошел в швиц^[7]. От его политики жди беды. Бывает, ребенку есть нечего, а он – туда же, рвется спасти мир. Этот мир еще сведет их в могилу. Ее голос преследовал их и на улице.

В русских банях старики от нечего делать сонно слонялись в одуряющем жару. Марк и Коэн по-быстрому разделись и, стесняясь своей наготы, уселись бок о бок на отскобленную добела скамью. Коэн прикрыл срам носовым платком.

– Мне вредно дышать паром, – ныл он. – Я уйду. Гуревича здесь нет.

– Он, наверное, в парной, – сказал Марк.

– Я там задохнусь, – упирался Коэн.

И Марку хочешь не хочешь – он плохо переносил жар – пришлось пойти в парную. Из отверстий в каменном полу клубами вырывался пар, обвиняя горячими кольцами тела толстяков, хлеставших – порядок есть порядок – друг друга мокрыми полотенцами. Кто-то окликнул его:

– Как дела, Голомбек? Как Малка?

Пар обжигал легкие, глаза щипало. Марк кивнул, направился к скамье, на которой закинув голову назад сидел какой-то ханурик. Ханурик поднял неприкрытые очками, беззащитные глаза, посмотрел, не узнавая его, на Марка.

– Гуревич, – сказал Марк. – Это я.

Слепо разводя руками в клубах пара, стекольщик сказал:

– Кто?

Без очков он и слышал плохо.

– Да знаешь ты кто! – отрубил Марк. – Что происходит? Ты что это такое делаешь?

– Парюсь, – отрезал стекольщик и криво ухмыльнулся. – Это отлично очищает организм. Мозг и тот потеет. Грязь, скверна – всё выходит. Нечистота, скопившаяся в организме, растворяется, вытекает через поры до тех пор, пока из них не начинает сочиться чистая вода. – Он поднес жилистую руку к носу Марка. – Смотри. Она уже совсем чистая. Мой пот можно пить как речную воду.

Марк схватил Гуревича за руку, но Гуревич выскользнул и скрылся в облаке пара, напоследок пророчески возвестив:

– Не теряй веры, Голомбек! Цель оправдывает средства!

Хватит ли у них смелости так говорить с полчищами обреченных? Марк наспех оделся, вышел на улицу в ранние ветреные сумерки. Прохожих почти не было. За занавешенными окнами тускло светились газовые лампы. На гладильной доске громоздились груды саржевых униформ гадостного цвета – придется в темпе нагонять упущенное. Он побрел дальше, за несколько шагов от дома Гуревича остановился. Ноги мерзли, от мостовой тянуло холодом. Но до тех пор, пока хоть одна жизнь в опасности, он должен бдеть.

Стекольщик обнаружился, когда уж совсем стемнело и холод пробирал до костей. Пальто Гуревича оттопыривалось на груди. Марк окликнул его, но Гуревич прикинулся, что не слышит, еще больше ссутулился и прибавил шаг. В Олдгейте развеселые мужчины роились вокруг пабов, пирожковых и размалеванных девиц, как трупные жуки. Гуревич по сторонам не смотрел, только еще крепче прижимал к груди сверток под пальто. А что, если Гуревича толкнет проходящий мимо солдат? При этой мысли Марк похолодел и, надав, схватил Гуревича за плечо – тот обернулся, лицо у него было испуганное.

– Уходи, – сказал Гуревич. – Это не твое дело.

– Я – член Комитета. – Марк был тверд. – Мы несем коллективную ответственность. Что ты там прячешь?

Между ними встала подвыпившая тетка, пухлыми руками приобняла их за плечи.

– Жидки, вы почему не в форме? – проворковала она.

Марк дал ей отпор на идише:

– Рябая шлюха! Чтоб тебе сгнуть! А ну, пошла отсюда!

Она кивнула, игриво склонила голову, улыбнулась:

– В армии из тебя сделают мужчину, – уведомила она.

Гуревич сбросил ее руку с плеча и наперерез движению кинулся к Майнориз. В идеальном обществе, так они постановили, люди будут распределять результаты труда по потребностям и согласно договоренности, а не ради наживы. Уж не замыслил ли Гуревич взорвать Королевский монетный двор, ведь это был бы символический акт? Гонясь за Гуревичем, Марк размышлял: если признать террор как тактику, выбор монетного двора вовсе не плох.

Голомбека, так он рассказывал позднее, просто потрясла способность стекольщика исчезать из виду. Только что он здесь и – на тебе: вот уже на улице ни души, даже звука шагов не слышно. Освещался Ист-Энд очень скудно, и Гуревич с ухватками заговорщика норовил юркнуть в темные подъезды, пустые дворы и безлюдные проходы, где мог бы укрыться хоть целый полк. Не было и следа ни Гуревича, ни свертка и в Монетном дворе, и в Тауэре, к тому же там вдоль ворот, пересохшего рва и реки мерно расхаживал вооруженный караул. Марк в полном отчаянии повернул назад и, пересекая дорогу, углядел террориста на Тауэр-хилл в кучке людей, толпившихся вокруг эшафота, где некогда рубили головы впавшим в немилость вельможам.

– Армагеддон настал! – возглашал священник: такие проповеди в эти дни читались повсеместно. – ...И восплачут на площадях: «Горе! Горе!» Девы и юноши падут от меча.

– Что сделано, то сделано. – Гуревич был настроен миролюбиво. Призмы его очков поблескивали, он благодушно улыбался. – Голомбек, это дело принципа. Не в твоих силах меня остановить. А сейчас идем-ка домой. Завтра узнаешь обо всем из газет.

Марк, в ужасе уставившись на Гуревича, брякнул первое, что пришло в голову:

– Зря ты так думаешь, – и с натугой выдавил смешок. – Ничего подобного. Ничего в газетах не будет. Решительно ничего, это я тебе говорю!

Гуревич развел руками, но возражать не стал.

– Такое не каждый день случается. Посмотрим-посмотрим. Послушай, дружище, – взгляд его только что не ласкал Голомбека, – с какой стати нам ссориться из-за fait accompli^[8]. Прошу тебя, пойдем отсюда. У нас мало времени.

– Мало! Вот как! Чтоб я так мало жил!

– В таком случае по тебе через двадцать минут будут читать кадиш.

– Я шел за тобой по пятам, – зачастил Марк, стараясь говорить как можно убедительнее. – Я заметил, куда ты ее положил, и бросил в реку.

Стекольщик развернулся, уставился на Голомбека, его близорукие глаза смотрели недоверчиво.

– Ты шел за мной? Я что – совсем дурак? Чушь!

– Ты мне еще спасибо скажешь. Я спас твою совесть. А может быть, и жизнь. – Повернулся и, напустив на себя – что далось ему нелегко – беззаботность, пошел прочь.

– Стой! – взревел Гуревич. – Ты врешь. Всё врешь.

– Не хочешь – не верь.

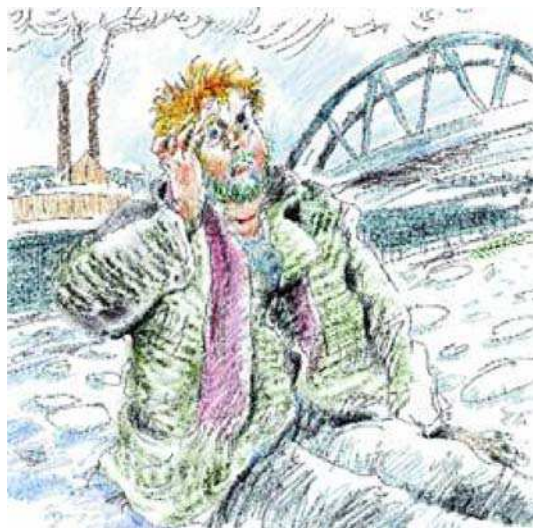
– Ты что, думаешь, я так дорожу жизнью? Она что, такая драгоценная? Да я готов умереть хоть завтра, вот только мать...

– У тебя есть жена и ребенок, – сказал Марк. – Ты и о них не должен забывать.

Стекольщик поравнялся с Голомбеком, повернул к нему убитое лицо.

– Шува только обрадуется, – оправдывался Гуревич. – Она влюблена в своего двоюродного брата. И от кого у нее ребенок – от него, от меня – я знаю?

Кто сейчас не страдает, подумал Марк, не давая себя разжалобить. Мало ли бед у человечества.

Но тут Гуревич рванул вперед, кинулся к Тауэрскому мосту. Со стороны могло показаться, что человек не в себе решил утопиться. Промчав посреди моста, Гуревич метнулся к перилам, стал смотреть на темную, замерзшую воду. Потом как бы ненароком скосил глаза на парапет. Проследив за его взглядом, Марк увидел, что к металлическим перилам прислонен, так что и не заметить, сверток. Гуревич и Голомбек разом потянулись за свертком, вцепились в него – каждый тащил к себе.

Наконец Марку удалось вырвать сверток, и он припустил во все лопатки. Сверток источал какое-то странное тепло: Марк чувствовал, что в нем таится страшная взрывная сила. Он был перепуган насмерть и мечтал лишь об одном: если бомба взорвется, хорошо бы его не ослепило, не искалечило, а убило на месте. Надо бросить ее в реку, решил он, перебежал дорогу, но почти у самой цели споткнулся. Сверток выпал у него из рук, отлетел далеко, Марк растянулся и замер – ожидал, что его разнесет в клочья. Да кто он такой – никто, по правде говоря. Сейчас, когда гибнет столько людей, имеет ли он право роптать? Малка еще молодая, она может выйти замуж, его род продолжают дети. Время шло, а бомба всё не взрывалась, лишь ободранное колено саднило. Марк с трудом поднялся, в нескольких метрах от него лежала гуревичская бомба: осколки стекла, горстка серого порошка, мокрые пятна – от кислоты, что ли, сломанный часовой механизм.

– Предатель! – вопил стекольщик. – Приспешник царизма! Саботажник! – Он плюнул на мостовую и, еще больше сгорбившись, ушел.

А Марк пошел домой ужинать. Поцеловал жену, долго смотрел на спящих детей. Из-за этой истории у него вычтут шесть шиллингов – сумма в те дни немалая. Война продолжалась, Комитет рабочих

за международное единение, как и следовало ожидать, больше не собирался, а революция, когда она наконец свершилась, их ожиданий не оправдала.

Í áðíáíá ñ áí ãëéííéíá Ë. Ááíí áéíáíé

¹¹ *Ááðí áí éý áò íðáëáíí á Ááëííë ð 4 ááííð à 1914 áíáá - Çáííí é ááëáí í ðéí . í áðíáíá:-éëá*

¹² *«Ñíðáò í éé» (éáëø).*

¹³ *Ááðíáðò Ááí ðé Áíëáëò (1852-1928) - áí ãëééííéé áíííáðíð ááí í úé ááýð áëú. Á 1908-1916 áá - í ðáí íáð-í éí éíð ð Áí áëé.*

¹⁴ *Í áí ýð í éé ááí éðáëó Õíðáëø éí Í áëííí ó (1758-1805) á áëáá éí éí í í ú ñíðé :-áò ú ðá í áò ðá áííð ó íé, ááí :-áí í íé í ýð éí áò ðí áíé óéáíðíé ááí éðáëá.*

¹⁵ *«Ðáíí éò áëé ááðí» (éáðèò).*

¹⁶ *Í áí ýð í éé áí ãëééííé ñ ó áí áí á:-áëíí ééó óáëííáí áðø áëó Õíðáëø éí Ëèò :-áí áðó (1850-1916).*

¹⁷ *Ááí ý (éáëø).*

¹⁸ *Ñáíðø éáø ééíý óáëò (óð).*

ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ МАРКА АНТОКОЛЬСКОГО

С. Ан-ский

В своей «Автографии», доведенной всего только до середины 70-х годов, М. М. Антокольский обходит совершенным молчанием свое детство и едва упоминает о юношеских годах жизни – до поездки в Петербург. Описывая подробно события, впечатления и работы первого периода своей творческой деятельности, он лишь мимоходом упоминает о частых поездках на родину, в Вильно, причем приводит два-три анекдотических эпизода, показывающих, насколько он, с его стремлениями и работами, не был понят в родной среде. Но он ни слова не говорит о тех духовных нитях, которые продолжали связывать его с оставленной средой, по крайней мере, с отдельными ее представителями (помимо родных). Только в одном месте он мимоходом отмечает: «Лето прожил недалеко за городом (Вильно) с одним больным приятелем».

Этот «больной приятель» – звали его Вульф Яковлевич Барель – был, насколько можно судить по письмам к нему Антокольского, самым близким другом юношества великого скульптора. Познакомившись с Барелем на 18-м году жизни, Антокольский вскоре тесно сдружился с ним, сделался у него в доме своим человеком, переписывался с ним во время пребывания своего в Петербурге, делился с ним впечатлениями, радостями и горестями; иногда прибегал к его помощи, преимущественно по поводу собственных семейных дел, дарил ему свои работы и сохранил эту дружескую связь до самой смерти В. Бареля (1871).

Родные В. Я. Бареля, его племянник, И. А. Барель, и мать последнего, Рахиль Барель, живущие в настоящее время в Париже, предоставили в мое распоряжение пачку писем М. М. Антокольского к их шурину и дяде и две фотографические карточки, с пометкой «май 1867 г.», на которых сняты вместе Антокольский с Барелем. Одновременно они сообщили мне некоторые биографические сведения о рано умершем В. Бареле и кое-что вспомнили о его великом друге.

В. Я. Барель, сын богатого и уважаемого члена виленской еврейской общины Якова Бареля, содержателя магазина ювелирных товаров, получил среднее образование и принадлежал к обществу тогдашних виленских «маскилим». По свидетельству племянника, В. Я. Барель «обладал большим и проницательным умом, большой энергией, открытым для глубокой дружбы сердцем. Он буквально покорял и привлекал к себе всякого, кого отмечал своим вниманием». В подробном письме, посвященном воспоминаниям о своем дяде, И. А. Барель мне пишет следующее: «На 24-м году своей молодой жизни он схватил чахотку, от которой и умер 5 лет спустя, в 1871 году. С Антокольским он был знаком с 18-ти лет. Летние месяцы 1868, 69 и 70 годов Антокольский проводил с Барелем на даче последнего (на Погулянках) в

Àéèùí. 1910 ãä

...Èþáèè íí ìíèáçáááòù áñíí ñáíè ðááíòù. Ìðèðáñèð èíã-íèáááí è ñáá è íá-èíááð ñðáèèááòù «×òí áñðáèááð ÿòí èèòí? ×òí áñðáèááð ÿòí?» È áñááè ñððáèíí ñ-áñðèèá èíáá àááíááèè¹¹. Ìáíáèááí íí ááá ÷áñ ìðííðíýè ó ì áíý á èááèá, ìíáèèááý, ìíèá ÿ áááò ñáíáíáíá, ÷òíáú ìíááíðè ì áíý è ñáá è ìíèáçááòù ñáíþ ðááíòù. Ìí òíááá ááèáè «Ñèòííã». Ñ íá çíáèá, ÷òí íí ðáèíá ñááèá, ìí ì áíý ìíðáçèèá ñèðþ÷áí íáý ðèèá í áá ááí ùáí è. Ñ è ñáíðþ: «Ýòí ÷áèíáè í÷áíí áèááí ùè». Ìí íáðááíáèèý...

Èíáá áú íè çáñáíðèè íá èíèáñáá, ìí ìíðíýííí ñðý÷èèý è áñ òíèèíáè: «Ìáðòðá! Ìáðòðá! Áñ áíèáèíí áèðùí! Áñ áíèáèíí áñòù èáè ì íáèíí áèèá è ìðèðíáá!» Áíò íáíáèááí, èíáá íí ááèáè ñáíþ «Èíèáèçèðèþ», ÿ çáèèá è íáí ó ñ ñáèí Èíèáíðí, ìí áñá áñè òíáá í áèáí ùèè ì áèñ÷èèíí. Ìíí íþ òíðíèí ÿòó «Èíèáèçèðèþ». Ìñááíí çáíí íèèáñí ì íá áèáí ùèí ñ èñááíííí èèòí, ðááðþñáý ñ ñòíèá ñá÷: Ìá ìíñ ìððáèá ÿ íá ÿòó ðááíòó è ñáíðþ Áíòíèíèñíí ÷ «Áíò áú áñ ñðáèèáááð ÷òí áñðáèááð ÿòí èèè òí èèòí íá ááèèð ðááíòáá. Á ìíñ ìððèðá íá ì íáí ì áèñ÷èèá è ñèáèèðá ÷òí áñðáèááð áñ èèòí. Áú áñ ñáíðèðá: «Ìáðòðá! Ìáðòðá!» Á áááííí ñáí à «Ìáðòðá», òáè ÷òí áíèñá è ìáèñý». Ñèáçáèá ÿ ÿòí, èííá÷:íí, óðý. Á Áíòíèíèñííèè ááðáíáðí òðèèý è ááèá èáè áú ðáííðáèèý è ñáíðèð: «Ýòí, - è ìíèáçáááð íá ðááíèá, - ÿòí áñðáíðáð, ññðáðèðíý, ñáèááòíý ááçíáðáçíúí è òí ðáð. Á ÿòí - è ìí ìíèáçáè íá ñáíþ ðááíòù - ÿòí íèèíá íá òí ðáð! Áíò ðáçíèèá!»

...Áíòíèíèñííèè èííáá ðáííèáçíáèè ì íáí ñáíèð èè÷íó ááèá. Ìáíáèááí íí ì íáí ðèçíáèèý, ÷òí áèþáèáí á íáíò áááí ðþ áááèèè ááðùíðþ Òáñ áí¹², ì áòùèíðíðè òíðááèá ñðáðùí ìèáòùáí. Á ÿ áí ó ñáíðþ: «Áðááí, Áíòíèíèñííèè! Òáèíè ÷áèíáè, èáè áñ, áíèááí ññ-áñðèèáèòù áááí ðþ ááðùíðþ! Áú çá ÿòí áááòá áñþ áèçíú ññ-áñðèèáí!» Ñ ÿòíè ááðùíðáè ìí áíèã íáðáíèñíáèèý. Ìí ìíòí ìíè ðáííðáèèñí..

Èíáá ÿ èáð ðòíí óíáçáá ìðèáðáèá á Ìáðèá è çííáèá, ÷òí Áíòíèíèñííèè áèááð á Ìáðèáá ÿ òíðáèá ìíèèè è íáí ó Ñ íá áñí áèá, ÷òí áèý ÿòíáí ìèááí èáèíè-òí íáðáá. Á ñáí ìíè, Èíèáíð ñáíðèð: «Ìá-á! Òáíáðù íá òí, ÷òí áúèí! Òáíáðù íáíáíáèíí ðáí ùèá íáíèñáòù ìèñí ì è ìííðíèòù ÷òíáú ìí íáçíá÷èè ááí ùè ÷áñ Èíá÷:á è íáí ó íá áííðíðýð». Ìóý è íáíèñáè. Ìáíèñáèá ÿ ìí-ááðáèíèè, íáíèñáèá ìðííðí, ìí-ñðáðíí ó - áááí áèý ì áíý ìí áñ ìíðááèèý òáí áá Ìáðèáíí, èáèè áñè ðáí ùèá Ìáíèñáèá, ìðèèèáèèá ì áðèó è ìííèáèá. Á ìðááðá íá ìíèó÷èèá.. Ìá çíáþ óèá ñáí à ìí÷áí ÷ èèè ìèñí ì íá áíðèíí áñ íáñ, èèè ìí÷áí ó áñá - ìí íá ìðáðèè.. Òáè è íá áèááèá áñ áíèñá..

И тяжело вздохнув, старушка замолчала и грустный взгляд ее как бы устремился куда-то вдаль, в былое.

Письма Антокольского к Барелю писаны все на разговорном еврейском и с такой орфографией, что некоторые слова поначалу даже непонятны. Язык писем отличается крайне своеобразными оборотами и большой сжатостью: то и дело пропущены отдельные слова.

*āā āāā ā ī āīy, ī ā cīāp, īī, āīē īī āāēō, ÷ōī y īōāēōāīūē ÷āēīāē, īī ā yōīī òāē āā īēāāāōīy,
ēāē ē ā āōāēō āōī īnōyō*

Āīō ē āī, ÷ōī y òīēūēī ī īāīāāēēōūēçīōnōīā ā īīōīāēīāā

*īēē, ēāē òāīā çāīōīāī, ēāē īōīāīāēōū āāīy. Ēāē īīāēāāpō òāīē ðīāēōāēē,
āāīpōīāīūē āāō ē òāīē īīōōū? Ēāē īīāēāāō ðāēēū? īīēēīēēī āē īō ī āīy. Āīīīāēīā āāāāī ā
īīōīē īō ī īāā ēī āīē, āīēē īī īīāāō ā īāōāōōā, ÷ōīā īī āūē nōīēū āīāōū ē īīīōīāēīy īī
īīīp, īīōīī ò ÷ōī īāāī īōūāçāīī ī ū īā āēāāēēū Ēāē īīāēāāpō āā āāōē («Āū īā ÷āēīē, āī
ī āēēī⁹»)?*

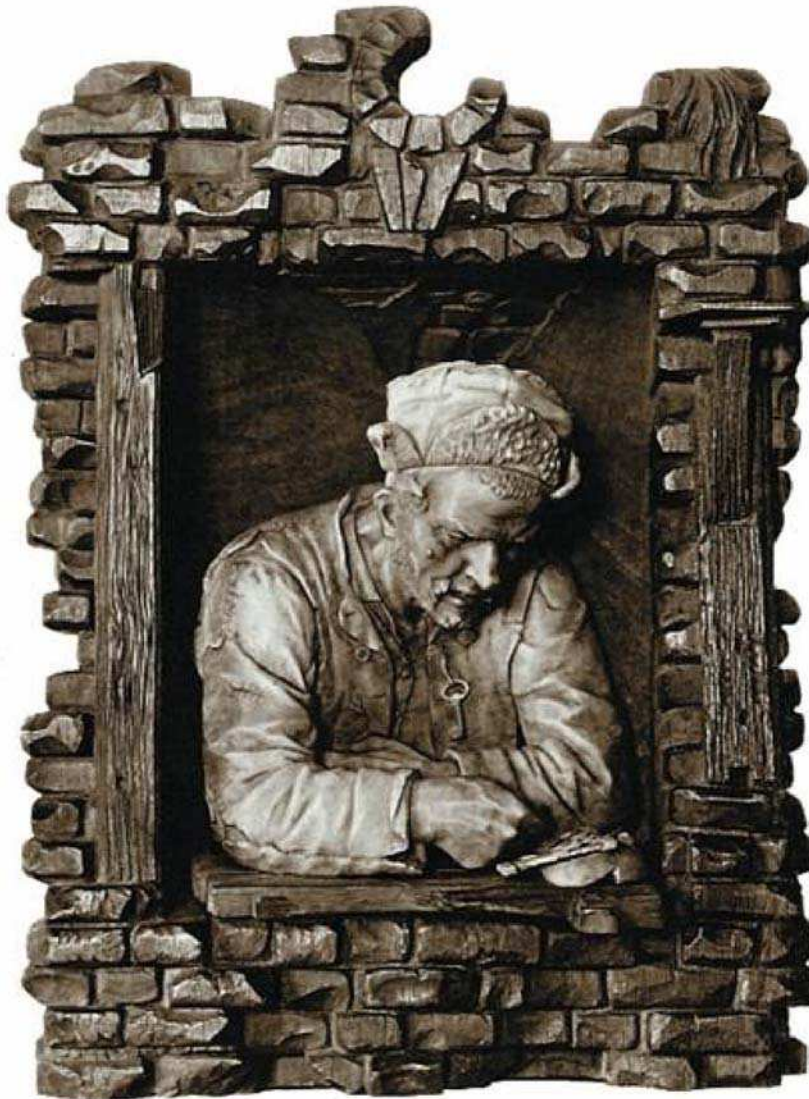
*ōū īēōāōū ÷ōī īēō:āāōū ā y īēāēō òāīā āī - āāēī īōēāī:ēē, āāēā ēpāīāī Ē ē īāē
ī īāēī īōēāīēīōōū ēāē ē ī īāēī īōāīēīōōū īō īāī (ēīīā:īī, yōī òyāēēī), īī āāī īāīāōīāēī ī, òāī
īā òōāīī. Ēīāā āāēēōū āāōīōīp Ōōū āī, ēēāīyēīy āē ē āī ī āōāē īāāā:īī. īōāō āā āūē ā āīīōāē
nōāīāē āīāīēāī īīēēīīī. Āīēūāōē, īāāāīīā, īā:āā (īēāōī).*

īō ī āīy, òāīē āāā

ī īōāōy Āīōīēīēūēēē.

Ēāēāp òāīā ē āīī āāī çāīōīāīy īā īīāīē āā

Āāāā īā āāīēūāēēī īnōōīāī īī 7-ē ēēīēē, āīī Nā āōīēīā, ¹ 2ī¹⁰.

«Νέοι Γέ»

3

Αόσα Αόσα

Γέοό εάατέ οσέτε, ιί οίι ό ÷οί ιόαατέ ία ιίγατέγαό ι ίγ «οάα»^{III}, εί οί οάγ ηάοαεεάηι
η ι ίη ιίι εί ι ι ίαα αεάίεγ. Εάε αεαό ηία αεβάεεάηι ία á ι áγ, á á ι ίε ι ερεία. Ι όρεγούε
αίεοί οίι ÷οε ιίτέι ÷ε ηίαβ, ε οάι άηι ίαάηηι αίεί οά εγααε ούηγ ίο «οάα».

Á εεάηηι οάαί οαβ οαεúε αάι ú ε ία εί αη ηάαί αίτε ι εί οú, ιί γαοί γ οάι άηι ία ίαάαβ
αοοί. Á ιάαατέ οαγ ία ÷ε γ á εεάηηι οάαί οαοú αεείό - ε, ηεάα Á-ά, ιίέο-εε ία γεγαί αία ιάαατέ ιίι άδ
(οú, ίαάαί ία οεά γίααοú ÷οί ίγ ία ÷αο ίάαατέ ιίι άδ). Ι όεε ÷εεηγ γ ίάααίι οάεαά ε á είι ιίγεόεε.
Νέοεηι οί οú, ίαάαί ί, ηεάεεεηι ι ία οαεί úι ε αάαηι ε, ιί ι áγ γοί ι áεί ία θ ÷αο.

Νοίε (Εάη) οί áγ ί ÷αί ú ιεί οίε. Αάηι αά αάαο, αηεε ίαί εσο, ÷οί ίεεαεί αη ηοίεα ία εί αβ.
Ι ία ί ÷αί ú ιεί οί. Οίαεοú ε Αότεαα ίαεί αα, εοίι á εαε á ηααί οο ε αηηεοάηι ú. Ε, οάεει ίαοαγίι, αεάο
οίεηεί ίαάεαίτε ία αάοοιαά. Ι εηε αú οάα αίεúεά, ιί, ηαί ιίίει ααοú - εάε οάι úεά άάι γ, οάε
οάι άηι οεά ίάαί ε ÷εάαο ι ίη ηάαί αά

Αάαε ÷εεί αγ ίεάα ία ιίεαγίαε. Γα ÷αί ?

Éeáiyéñy ñááá-íí òáíèì òíáèòáéyí. Óíáé ááá Áááááí ó Í òíó ó áá éçáèíèòúì áíy (òíáéá è òááý íí òíó) í áíy éçáèíèòúì. Ííèá èeáiyéñy ñááá-íí àí ó áá ááíá è ááòyí. Í áááííí áíèíðá èñí ðááèòúñy.

Ì ò ì áíy, Ì íðáòy Áí òíèíèúñéé.

Ñáááíy çí áð ñáí, ÷ òí ý í á í ðáá Áéáá ááòy ñò áðúì èí í ááòáì í íéó: èòúy òí í èñú í.

4 ííyáòy 1867.

Настоящее письмо писано с трудом. Я думал только о том, как бы хорошо выводить буквы, а не о том, что пишу.

«Áíñíá», 1904, ííyáòú

Í èíí: áí èá ñéááòáò

[1] Éáò 10 òíí ó í á çáá, èíáá í í á í ðéááèíñúèé: íí íí çí á èíí èòúñy ñí. Í. Áí òíèíèúñéé è ííñòèòúáá í áíò áðíèçð, íí, áéçòyñú í á òí, ÷ òí ó í áñ çá «òúáí áéáíò ááí í çð èðèèèéó» ááðáòúñy áñyèéé, èíí ó í á èáí ú ñéáçáé, ÷ òí íí áññéí òáí èò í áí íñðááíò ááí í í á áí á: áò èáí èá «: áéí ááéá èç òí èí ú». «Èíáá ý ááéáè Óðèíò á, - ðáññéáçáé íí í í á - ý áéé á È ó á èé. Èíáá èíí: èé ðááíò ó, çí ááò á èíá í áðáíá í ðéááñéé ý á ñááíè-òáí èò áéé? Í í þ í ðá: èá È èíáá óáéááé, ÷ òí ñò áò óy í ðí èç áéá í á í áá áí á: áò èáí èá - òí èíèí òí ááá ý è ñáí íí: ááíò áí ááé, ÷ òí ðááíò á í í á óáéáñí ÷ òí ý áú ðáçéé èí áí í í òí, ÷ òí òí ò áé».

[2] Í í áé í áíèíèúñéí ðáç óí ñí èí ááòúñy á í èñú áò Áí òíèíèúñéíá è Ááðáçð.

[3] Í í áí èñú í í-ðúññé.

[4] Í í ñéíááí È. Ááðáçy, Áðíéáá áúè ñááðéáò áéáí èòúì èíò áðíèé è ííñòyèíá áí í á, èçáá í áúèí í ááí í í çáçáé Á. Ááðáçú è ááá íí áíò ðí èé, ÷ òí áú Áí òíèíèúñéé í íéó: áé í á áá ñé: áò í áááú.

[5] Í: áéáí í, ðá: ú èááò í á í ðí ó à-Óííá, à í Èíí Èéíòá

[6] Ðá: ú èááò í áíèíèúñéé «Óáðèò» è «Áíèé».

[7] Áéáòy í áy áí ú á: èá ñéí á í áí áéy áááðáé.

[8] Í í-ðúññé.

[9] Ý òí è ó ðáçéé íí ðáááú ááéáñí áááí: èá Á. Ááðáçy, èíáá áá ñò ú áééé, ÷ òí í í á óáéóáò ÷ áéíáí í óé: èí á

[10] Í èñáí í í-ðúññé.

[11] Èááá ñéíá: ó áéááð - ò áú á, ááó áéð - í áðúá

ПЕРЕД ТОБОЙ – ВЕЧНОСТЬ

Beia Qabod

Ii aaiia :oi Aiaai iijye ejetea -

joi oi, :oi aaeete iaò ie:aii

neaita oaei -aòà

Aeeoið I aaei

Oaei -aòò, eee Aa:adiyy I ipeai

Козел во впреди идущей машине, наверное, слушал свою басурманскую музыку или ковырялся в носу. Во всяком случае, тащился он на смехотворной скорости, километров девяносто в час. Фима прижал газ, вывернул на встречную полосу и пошел на обгон.

Козел, естественно, оказался чучмеком-марокканцем: его рука, по чучмекскому обыкновению, торчала наружу, сжимавшие сигарету пальцы покачивались в такт барабанному бою, несшемся из недр машины.

– Вот потому марокканцев в летчики не берут, – подумал Фима, меряя презрительным взглядом испуганного сефарда. – Куда он в самолете руку с сигаретой высунет?

Он перевел взгляд на дорогу и тут же понял, чего испугался чучмек. Прямо навстречу его «фиатику» мчался огромный семитреллер; свернуть было некуда, а тормозить поздно. Не отрываясь, словно замороженный, смотрел Фима на блестящую морду грузовика, пока не наступила темнота.

Удара он не почувствовал, он вообще ничего не почувствовал, кроме осторожного прикосновения чего-то пушистого к носу. Фиму потянуло вперед, руля перед ним не оказалось, чтоб не упасть, он выставил руки и, поваясь на четвереньки, замер.

Зажмурив глаза, Фима смиренно принялся ожидать появления темного тоннеля со светлым пятном в конце, теней родственников, добрых ангелов и прочих атрибутов начала загробной жизни.

Прошло несколько минут. Пахло пылью, нос щекотало, но больше ничего не происходило. Открывать глаза было страшно, но оставаться в идиотской позе тоже не хотелось. Фима вздохнул и разлепил веки.

Он оказался в синагоге, стоящим на коленях перед занавеской, прикрывающей шкаф со свитками Торы. Пылью несло от этой самой занавески, и нос щекотала тоже она. В синагоге Фима бывал

несколько раз за свою жизнь: в первый – на экскурсии для новоприбывших, во второй – на бар-мицве у сына соседей, и еще один по какому-то другому поводу. Во всяком случае, интерес к нему был знаком.

Неярко горели светильники, поблескивали лаком подлокотники массивных кресел с сиденьями и спинками из толстого пурпурного плюша, стены, почти доверху закрытые стеллажами для книг, отсвечивали золотым тиснением обложек. За цветными витражами окон стояла чернота. Если так начиналась загробная жизнь, то Фима явно оказался в раю, ад, скорее всего, выглядел бы иначе. Сквородками и бушующим пламенем пока не пахло, что утешало.

Но делать в этом непрошеном раю Фиме было нечего. Он поднялся с колен и решительно направился к выходу.

– А тфилин? – раздался вкрадчивый голос. – Тфилин кто накладывать будет?

Фима замер, точно вкопанный. Посреди зала стоял «дос» в традиционной пингвиньей униформе и, дружески улыбаясь, рассматривал Фиму. Черная шляпа сидела на «досе» странно, словно изнутри ее поддерживало еще что-то, а из-под полы длинного лапсердака выглядывал жгут коричневой кожи с волосатой кисточкой на конце.

– Черт! – екнуло Фимино сердце. – С хвостом и рогами. Но в синагоге! И с каких пор черти предлагают накладывать тфилин? Что они, хабданники, что-ли? Чертовщина какая-то!

– Какие еще тфилин? – буркнул он и двинулся дальше. – Не знаю никаких тфилинов!

– Стоять, – негромко приказал «пингвин», но Фима не остановился, а, наоборот, ускорил шаг.

Раздался щелчок, что-то подсекло Фимины ноги и сильно рвануло вбок. Не удержав равновесия, Фима упал, больно ударившись плечом о подлокотник кресла. То, что он принял за хвост, оказалось кожаным бичом, и «пингвин» орудовал им довольно умело.

– Урою, козел! – зарычал Фима и, выхватив из кармана верные нунчаки, бросился на «доса». Впрочем, «бросился» – чересчур сильное определение, на втором шаге «пингвин» снова взмахнул бичом, Фиме показалось, будто из волосатой кисточки вырвалась струя огня и обвилась вокруг его руки. Кисть обожгло, словно по ней действительно прокатился огонь, и нунчаки отлетели в сторону. Следующий взмах бича опрокинул Фиму на пол.

– Горяченького захотелось? – дружелюбно спросил «пингвин».

– Не, – еле выдавил из себя Фима. Рука болела нестерпимо, да и лодыжки, по которым дважды прошелся бич, горели огнем. – Чего тебе надо, к... – он хотел сказать «козел», но слово застряло в гортани, словно непрожеванная горбушка хлеба. Совершенно несообразно ситуации Фима вдруг ощутил голод – еще бы, ведь, кроме чашки кофе с булочкой, он ничего не ел, а сейчас уже хорошо за полдень.

– Мне надо, чтобы ты надел тфилин, – ответил «дос», пряча за спину руку с бичом.

– И ты отстанешь? – без всякой надежды спросил Фима. Он уже начал понимать, что попал сюда надолго, и грубой силой «доса» не взять, значит, нужно устанавливать отношения.

– Конечно, нет, – ответил «дос». – Как я могу от тебя отстать?

– Как пристал, так и отстань, – предложил Фима, поднимаясь с пола. – Ну, надену твой тфилин и пойду себе. У меня дел знаешь сколько?

– Кончились твои дела, – ответил «пингвин», доставая из-за спины руку с бичом. – Неужели ты еще не понял?

– Понял, понял, – торопливо согласился Фима, поднося к глазам ноющую руку. Кисть пересекал багровый рубец, действительно напоминающий ожог. – Посмотри, чего наделал, к... – он снова поперхнулся и показал «досу» кисть.

– Сам виноват, – невозмутимо ответил «дос».

– И не стыдно, – выложил Фима свой всегда срабатывающий козырь. – Я кровь в Дженине проливал, пока ты в синагоге раскачивался.

– Не ври, – строго произнес «дос». – Ты не кровь, а мочу проливал, и не в Дженине, а на ремонтной базе под Беер-Шевой. Ты бы еще кое-что пролил, да ни одна «солдатка» не согласилась.

«Пингвин» оказался неплохо осведомленным, поэтому оставалось одно: усыпить бдительность, подобраться поближе, вырвать бич, а там...

«А что “там”? – усмехнулся про себя Фима. – Терять-то уже нечего».

– Голову покрой, – приказал «дос», указывая на столик в углу синагоги. На столике ровной стопкой стояли картонные кипы, вроде тех, что выдают при входе на кладбище. Фима покорно пошел к столику, взял одну и водрузил на макушку. Кипа моментально прилипла к голове, острые углы больно впились в кожу. Фима попробовал поправить кипу, но не тут-то было: проклятая картонка сидела как влитая.

– Ну, где твои тфилин? – миролюбиво спросил Фима, подходя к «пингвину».

– Тфилин без благословений нельзя, – ответил «дос». – Ты читать-то умеешь?

– За кого ты меня держишь? – обиделся Фима.

– На иврите, – уточнил «дос». – Благословения читать нужно на святом языке.

– Не, – буркнул Фима, – на иврите не умею. Не освоил я еще басурманскую речь.

– Сколько лет ты в Израиле? – строго спросил «пингвин».

– Сам будто не знаешь! – съязвил Фима. – Про Дженин знаешь, а про это нет?

– Отвечай, когда спрашивают, – ласково улыбнулся «дос» и взмахнул бичом.

– Шесть с половиной, – выпалил Фима, отскакивая подальше. – Плеткой-то прекрати махать, а то жалобу напишу. Ну и порядочки у вас, чуть что – сразу плеткой.

– Пиши на здоровье, – неожиданно легко согласился «дос». – Бумага и карандаши на столике. Но учти, что жалобы и просьбы принимаются только на святом языке. Мог бы и выучить за шесть с половиной лет. Всё-таки в Израиле жил.

– Я не в Израиле жил, – поправил «пингвина» Фима, – а в русскоязычной общине Израиля. У нас всё по-русски: газеты, радио, телевидение. Адвокаты по-русски, чеки в банках по-русски, на работе говорим по-русски. Давай твои благословения по-русски, увидишь, как отчеканю.

– Хватит болтать, – приказал «дос». – Садись в кресло.

Фима уселся. Сидеть было удобно, спинка приятно пружинила, мягкое сиденье обволакивало ноги. Сразу потянуло в сон.

– Читай, – «дос» показал Фиме большую таблицу с алфавитом. – Какая первая буква?

– «А», – уныло произнес Фима. Он не любил учиться, уроки, занятия, домашние задания всегда вызывали у него чувство глубокого отвращения.

– Не «а», а «алеф», – поправил «дос». – Алеф с камацем произносится «а», видишь, внизу значок. Это камац.

– Вижу, – грустно произнес Фима.

– Алеф и сэголь произносятся – «э», – перешел «дос» к следующему значку, – алеф и холам – «о», алеф и хирик – «и». Запомнил?

– Да кто же это может запомнить! – возмутился Фима. – Мура какая-то! Проще нужно: гласные и согласные, как в русском.

– Повторяй, – «дос» щелкнул бичом. – Алеф и камац – «а».

– Алеф и камац – «а», – эхом отозвался Фима, – алеф и сэголь – «э».

Время тянулось, как слюни у голодного, да и голова у Фимы работала на удивление плохо: запомнить произношение буквы «алеф» ему удалось с пятидесятого раза. Со временем дело обстояло весьма странно: поглядывая на свои роскошные непотопляемые, несгораемые и небьющиеся «Rado», Фима с удивлением заметил, что секундная и минутная стрелки вращаются, как обычно, а вот часовая стоит на месте.

Жрать хотелось нестерпимо, пить тоже, а в довершение к прочим неприятностям веки наливались свинцовой тяжестью. Косясь на часы, Фима определил, что занимались они примерно часа четыре.

– А перерыв-то когда? – спросил он после того, как «дос», закончив с «алеф», немедленно приступил к «бейс».

– Перерыв? – слегка удивился «дос». – Перерыв прямо сейчас.

Не успел Фима обрадоваться, как «пингвин» вытащил бич, перехватил его и щелкнул Фиму рукояткой по самому кончику носа.

От этого удара жизнь брызнула из жил, синагога завертелась перед глазами Фимы: потолок поехал на пол, пол на потолок, а посередине этой чертовой круговерти невозмутимо белело лицо «доса».

Вращение постепенно замедлилось, затем прекратилось вовсе. Фима сидел на том же кресле в той же позе. Есть, пить и спать не хотелось ни чуточки.

– Бэт и камац – «ба», – завел «дос» свою песенку, – бэт и сэголь – «бэ».

Прошел день, или два, или три – счет времени Фима давно потерял. Несколько раз, когда подступали голод и сон, «дос» пускал в ход рукоятку бича, и зубрежка продолжалась. Хвастаться Фиме было нечем: с трудом одолев алфавит, он учился читать, заучивая наизусть каждое прочитанное слово. За многочисленные ошибки «дос» не ругал, но смотрел таким укоризненным взглядом, что Фиме становилось

стыдно. Он просто сгорал от стыда за свой нетренированный мозг, неспособность запомнить элементарные вещи. Мысли еле ворочались в голове, тяжелые, словно валуны. Тоска от всего этого была не то что смертной, а послесмертной, внепредельной и заунывной, без малейшего проблеска надежды.

От мысли завладеть бичом Фима отказался: бунтовать и спорить не имело ни малейшего смысла, оставалось одно – страдать. Что он и делал.

В один из дней, или ночей, или вечеров из-под потолка синагоги раздалось хрипение, напоминающее работу испорченного громкоговорителя. Спустя несколько секунд хрипение стихло и голос, похожий на голос электронного автоответчика, произнес:

– Наступает покой, все отдыхают!

«Дос» тут же поднялся и пошел к выходу. Фима вскочил и, с трудом ковыляя на заснувших от бесконечного сидения ногах, двинулся за ним. Подойдя к двери, «дос» повернул ручку и вышел.

У Фимы дверь, конечно же, не открылась. Он дергал ее на всякие лады, бил ногами, кричал, наваливался с разбегу – но бесполезно.

Автоматически взглянув на часы, Фима заметил, что часовая стрелка сдвинулась со своего места – часы пошли.

– Неужели кончилось? – мелькнула шальная мысль. – Нет, скорее всего, просто тайм-аут. Но как было бы хорошо, ах как это было бы хорошо!!!

Слегка размявшись, он начал исследовать синагогу. К большому залу, уставленному огромными стеллажами с книгами, примыкала маленькая комнатка, и в ней Фима обнаружил покрытый скатертью стол, а на нем несколько плетеных булок из белой муки, бокал и бутылку вина. Булки Фима умял, не сходя с места, запивая хлеб жадными глотками прямо из бутылки. Осоловев, он свалился на узкую койку, стоявшую в углу комнатки, повернулся лицом к стене и отрубился.

Разбудило его хрипение, несшееся откуда-то сверху. Уже знакомый механический голос произнес:

– Возвращайтесь на свои места, ибо завершил Израиль свой праздник.

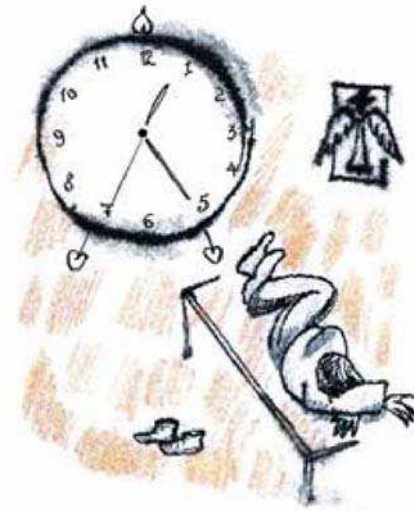
Фима поглядел на часы. Ого, если они не врут, он проспал целые сутки. Выйдя из комнатки, Фима ополоснул лицо и руки под умывальником и вернулся в большой зал. Там было пусто, тихонько жужжали электрические лампочки, обложки бесчисленных книг сияли, словно покрытые настоящим золотом. Фима вытащил одну из них, посмотреть. Страницы огромного тома густо покрывали буквы, будто муравьи пролитый сироп. Фима вздохнул и сунул книгу обратно на место.

– Отдохнул? – «Дос» сидел на прежнем месте, словно никуда не уходил. Наверное, он вошел в синагогу, пока Фима спал.

– Книжками интересуешься?

– Интересуюсь, – согласился Фима, усаживаясь на свое место. Надо было что-то менять в их отношениях, выходить на неформальный контакт.

– Давай уже познакомимся, – сказал он, протягивая «досу» руку. – Меня зовут Фима. А тебя?

– Кошиэль, – ответил «дос», не обращая внимания на протянутую руку.

– По кошачьей, значит, линии? – попытался пошутить Фима. «Дос» не ответил.

– А как называется это место? – продолжал завязывать контакт Фима.

– Динур.

– А где оно находится?

– Будешь учиться, мальчик, – усмехнулся «дос», – узнаешь.

Нехорошо усмехнулся, стремно, и впервые за всё время у Фимы заохлодило сердце.

– Чему учиться?

– Да вот этому, – «дос» широким жестом обвел забитые книгами стеллажи. – Всё это будешь учить наизусть.

– Как, – ахнул Фима, теперь уже точно понимая, куда он попал. – Все эти тома наизусть?!

– Все, – подтвердил «дос», – до последней буквы.

– Да разве такое возможно, им же конца нет?! – Фима с ужасом посмотрел на теряющиеся в полумраке стеллажи. – На это никакого времени не хватит!

– А куда тебе торопиться? – ласково спросил «дос», поглаживая рукоятку бича. – Перед тобой – вечность.

МЕНАХЕМ-ЦЫГАН

Ádeã deé Éai íãe:

Каждой осенью, в короткие, поминальные по мужскому лету дни, в притихший, обморочный Йонаместис на старых повозках, заляпанных сдобной дорожной грязью, приезжали Б-г весть откуда (то ли из Белостока, то ли из Кенигсберга) незванные гости – цыгане. На заросшем сиротливыми кустиками жухлой травы пустыре над Вилией они выпрягали своих усталых и послушных лошадей и, раскинув выцветшие на солнце, латаные-перелатаные шатры, принимались из битого кирпича сооружать временки-каменки для приготовления своей нехитрой снеди. Кое-как устроившись на облюбованном месте, пришельцы в одиночку и группками отправлялись на привычный промысел в местечко – мужчины за гроши лудить прохудившиеся медные тазы и кастрюли, еще пахнувшие брусничным или малиновым вареньем, а женщины с малолетними детишками на руках – предсказывать на ломаном польском или на изуродованном немецком каждому желающему его близкое и далекое будущее. Работы у лудильщиков было хоть отбавляй – не то что у гадалок. Евреи, опасавшиеся пускать чужаков на порог, ни в каких предсказаниях не нуждались – они знали, что, как пелось в расхожей песне, ничего хорошего ни в настоящем, ни в будущем их не ждет: в понедельник – картошка, во вторник – картошка и через десять лет тоже картошка, и потому только отмахивались от назойливых ясновидиц. В отместку за отказ услышать о дальней, счастливой дороге и златых горах, о бубновых королях и пиковых дамах ворожен под шумок ухитрялись умыкнуть то простодушную безнадзорную хохлатку, то приглянувшуюся байковую рубаху или ситцевую блузку, сушившиеся на веревке, а то и похрюкивающего на подворье соседки-литовки подсвинка – сунул в торбу, и поминай как звали. На ворюшек никто жаловаться и не думал. Жалуйся не жалуйся, всё равно в кутузку никого не упекут.

– Засади их в тюрьму, расходы на них будут куда больше, чем ущерб от воровства, – уверял осведомленный во всех тюремных тонкостях единственный страж порядка в Йонаместисе Пятрас Гаршва. – Ну съедят обворованные одной курочкой или одним поросеночком меньше. Что за беда? Вот если бы цыгане, скажем, у господина бургомистра угнали автомобиль немецкой марки, как когда-то его любимца – английского рысака. Тут уж, поверьте, угонщику влетело бы как следует. Помните, сколько впяли за это вашему сородичу? – хитро прищурившись, вопрошал, бывало, словоохотливый Гаршва, и его мохнатые, тронутые изморозью брови напуганными ласточками мигом взлетали вверх. – Пятерочку! Тогда о Менахеме-цыгане все столичные газеты – и «Литовские новости», и «Двадцатый век» писали, пожалуй, больше, чем о наших летчиках-героях, которые на «Литуанике» перемахнули через океан в Америку.

– Как же, как же, помним, – без запинки угодливо привирал обласканный вниманием полицейского сапожник Гедалье Казацкер, к которому Гаршва частенько забегал обогатить свой скудный идиш, выученный за долгие годы общения с евреями, и при случае согреться дармовой чаркой кошерной наливки. – Мы Менахема-цыгана и после смерти не забудем.

– После чьей смерти?

– Как это чьей? После его, конечно. Что там говорить – знаменитость! Были у нас и пророки, и цари, но евреев-конокрадов в помине не было. Не сойти мне с этого места, их и вовсе бы не было, – клялся льстивый Казацкер, – не вздумай этот бесшабашный Менахем угонять рысака нашего бургомистра. Вы, господин Гаршва, человек умный – иначе бы не служили в полиции, а день-деньской подбивали бы, как я, грязные подметки, – скажите на милость, зачем нам, евреям, которые, можно сказать, с детства и до гробовой доски ходят пешком, чужие лошади? Каждому известно – землю мы не пашем, ни за кем галопом не гоняемся, сидим себе тихонечко за колодкой или за швейной машинкой, чтобы заработать на субботнюю халу и фаршированную рыбу. Зачем, спрашивается, нам чужие лошади да к тому же английской породы?

Еврейские вопросы всегда ставили Гаршву в тупик. Не успеешь выкорчевать один, как тут же отрастает дюжина таких же каверзных.

– Это правда, землю вы не пашете и ни за кем, слава Б-гу, на рысках галопом не гоняетесь, и если бы вашему Менахему не вздумалось угонять рысака господина бургомистра, всё было бы по-другому, – бормотал захмелевший Гаршва. И ради кого он пустился на эту авантюру? Ради дочки рабби Иехезкеля Голды? Ради мельниковой внучки Хаси? Ради вашего поскребыша – Песи?

– Ради моей Песи пока никто никого не угонял. Дай-то Б-г, чтобы еще при моей жизни нашелся охотник, который бы угнал ее вместе с приданым. Какая дурь втемяшилась Менахему в голову, что он вместо того, чтобы обменяться обручальными кольцами с еврейкой, увязался за дикаркой, имени которой толком-то не знал, и из первого жениха в округе стал первым евреем-конокрадом...

– Говорят, эта цыганка и по сей день ему покоя не дает. Как только услышит за окнами скрип ихних колес, так он ноги в руки – и на косогор к табору.

– Не дает, к сожалению, не дает, – подтвердил вечный кивальщик и поддакиватель Гедалье Казацкер. – Если бы он втрескался в какую-нибудь из ваших – Ону или Гражину, это куда бы ни шло. Пусть они и другой веры, но свои, здешние. А у цыган какая вера? Они только в воровство верят. И где это слыхано, чтобы нормальный еврей менял свой дом на табор.

– Раз бежит, значит, тянет его...

Гаршва, конечно, хватил через край – Менахем-цыган давно на косогор не бегаёт. С такими болячками, как у него, не очень разбежишься. Он еще в тюрьме подхватил какую-то паскудную хворь – то ли легкие прохудились, то ли печень подвела. Из-за нее, из-за этой хвори, он целыми днями не выходил из дому. Сидел на колченогом, грубо сколоченном стуле и с утра до вечера молча, не мигая, смотрел в засиженное мухами окно, и никто не знал, что он там кроме щербатой, расцвеченной алыми коровьими лепешками мостовой, высокого неба, забеленного медленно и прощально плывущими облаками, нещедрого на тепло солнца да пролетающих над бескрылым местечком птиц видит. Правда, никто и не отважился у него допытываться – каждый волен видеть всё, что ему хочется. Г-сподь даже мухе дал глаза, чтобы та могла полюбоваться не только помоями в ведре и мусором на свалке, но и недосыгаемыми, голубыми небесами. Допытывайся у Менахема, не допытывайся, всё равно из него ничего путного, как из застывшей на подоконнике задумчивой мухи, не выжмешь. Все слова давным-давно опали с его уст, как по осени листья с вяза, и ветер унес их невесть куда.

Может, Менахем-цыган видел себя, как прежде, здоровым и смелым, мчащимся на угнанном рысаче из заскорузлого Йонаместиса в дальний край, где воли больше, чем счастья, и где измена страшней, чем гибель; может, смотрел в окно и переговаривался с ангелами или подбирал для себя облако, чтобы, поднявшись в высь, закутаться в него, как в саван, и навсегда растаять в предвечернем мареве...

Еще совсем недавно Менахем ни о каких дальних краях не думал, не то что с ангелами – со своими одногодками не разговаривал и в облака не кутался. Зимой и летом ходил с открытой нараспашку грудью, купался в сердобольные литовские морозы в коварных прорубях Вилии, был мастеровит, умел шить одежду и подбивать подметки, плотничать и красить стены, складывать печи, рыть колодцы. В местечке злословили, что он умеет делать всё, кроме детей.

– У тебя – что, нечем?

– Есть чем, но не с кем, – отшучивался Менахем.

– Как это не с кем? Девушки за тобой табунами ходят. А ты от них нос воротить. Выбирай любую! Не выберешь – бобылем останешься, запаршивеешь без женщины, – подтрунивал над ним Гедалье Казацкер, отец засидевшейся в девках Песи.

– Ты что, не знаешь, что в холостяцкой постели черви заводятся? – подначивал его мельник Ошер Ривкин. – Если долго не будешь пользоваться своим пестиком, он, чего доброго, у тебя заплесневет и тоже превратится в сморщенного червячка.

Упрямого Менахема уговаривал даже степенный рабби Иехезкель, который без всяких колебаний выдал бы за него свою старшенькую Голду и отписал бы молодоженам дом.

– Каждый еврей должен оставить на земле еще одного еврея, – поучал его рабби, когда тот приходил пилить для молельни дрова на зиму, чистить во дворе колодец или просто молиться. – А ты, Менахем, по-моему, мог бы, с Б-жьей помощью, увеличить их число не на одну единицу, а на целый миньян... Чего же ты, красавец, ждешь?

– Любви, рабби, любви, – отвечал Менахем, который и без Б-жьей помощи мог бы настругать их с десятков. – Мало, чтобы тебя любили, важно, чтобы и ты отвечал тем же...

Рабби Иехезкель был великим знатоком Торы, но в любви он мало чего смыслил, ибо больше всех на свете любил не преданную ему Черну, а Г-спода Б-га, который, к счастью, был не женщиной и любви которого никогда не надо было ждать. Любовь Г-сподня была с ним всегда и всюду: днем – на амвоне, а по ночам – в супружеской постели. Старик слушал Менахема, покачивал головой, усыпанной нетающими снегами времени, не то порицая его, не то воодушевляя.

Менахем и впрямь до тюрьмы был жених на загляденье – черные, густые, как колесный деготь, волосы; широкие, крепкие, как кладбищенские плиты, плечи; голубые, как у христианина, глаза. С ним заигрывали и рослые, мускулистые, созревшие для соблазна и утех литовки, которые ласково, на свой лад называли его Миколокас. Встретят где-нибудь на улице или у реки и давай искушать:

– Миколок, приходи завтра на маевку... Научим тебя клум-пакойс танцевать! И кадрил! И польку! Не бойся, не тронем, домой вернешься целехоньким. Ха-ха-ха!.. А если и тронем – еще спасибо скажешь. В чужом саду яблочки слаще. Ха-ха-ха!.. Правда, Антонина?

– Правда, правда, Казе! Слаще! Ха-ха-ха!

– Приходи, Миколок, на Заячий лужок. Не пожалеешь...

В местечке тревожно и злорадно перешептывались: начнет, мол, с кадрили или польки, а кончит крещением в костеле. Такое в Йонамиестисе уже случилось. Сын аптекаря Мендла Левина надкусил яблочко из чужого сада и вскоре из Мотла стал Мотеюсом Левинкасом, сменил бархатную ермолку на серебряный нательный крест.

Менахем ни на какие призывы не откликался, внимания на подковырки не обращал, на Заячий лужок не ходил, в чужие сады не забирался и если с кем-то и водил дружбу, то только с сиротой Брохой, хромоножкой, служившей нянькой и кухаркой у многодетного рабби Иехезкеля; защищал ее от поклепов и злых оговоров, будто она, невенчанная, вот-вот понесет от него и родит мамзера – байстрюка. За глаза ее в Йонамиестисе называли дурочкой, блаженной, но Броха ни на кого не таила зла, улыбалась каждому встречному и поперечному своей беззащитной и неброской улыбкой, убеждая не столько других, сколько самой себя, что любить должно не только того, кто тебя любит, но и того, кто тебя не любит. Разве река не поит всех – даже сбрасывающих в нее навоз и гниль, разве деревья не шелестят для всех – даже для ломающих их ветки и обдирающих их кору, разве птицы не тешат своим сладкозвучным пением всех – даже тех, кто держит их годами в неволе? Г-сподь Б-г никого и никогда не осуждает за любовь. Только за ненависть и злобу.

Это она, Броха, ничего дурного не подозревая, в один из осенних дней невольно свела Менахема с той, из-за которой вся его прежняя жизнь пошла кувырком.

– Знаешь, с кем сейчас рабби Иехезкель разговоры ведет? Ни за что не угадаешь.

– Ну?

– С цыганкой из табора.

– Ну?

– Она за один лит согласилась рассказать про его судьбу. Рабби лит дал, но от гадания отказался.

– А что – разве он и по-цыгански понимает?

– Нужда заставит – и по-птичьи запоешь. Цыганка, оказывается, говорит на идише. Плохо, но понятно. Рабби сказал ей – всё, что человек должен знать про свою судьбу, уже давно написано в Торе. Там, мол, ясно сказано о том, что было тысячи лет тому назад, что произойдет через мгновение и что случится через тысячи лет... Другая после этого не стала бы ему досаждать и ушла бы, но эта и бровью не повела.

– Если рабби Иехезкель сам не решается ее выпроводить, может, помочь – кликнуть ее. Пусть лучше мне за лит погадает и скажет, что меня в ближайшее время ждет, – неожиданно выпалил Менахем.

Он и сам не смог бы объяснить свой внезапный и бездумный порыв, тем более, что в никакие гадания не верил. Что это было – то ли неутоленное любопытство, то ли подспудное желание узнать о себе то, что от других вряд ли когда-нибудь узнаешь.

– Она, между прочим, красивая, – просто, без всякой зависти, скорее с какой-то застенчивой гордостью, словно речь шла о ней самой, сказала Броха. – Таких красавиц я сроду не видела. Даже во сне.

Брохины слова еще больше раззадорили Менахема. Кем, кем, а писаными красавицами Йонамиестис похвастать не мог...

– Чего ж она там так долго?

– Наверно, всё-таки пытается уломать старика. Я своими ушами слышала, как она говорила, что цыгане знают то, чего нигде пером не написано и никто, кроме них, на свете не знает.

– Может, и впрямь знают.

– Рабби Иехезкель не привык выгонять пришельцев. Пока не накормит, не расспросит, есть ли у них крыша над головой, не отпустит. Кто, кроме него, оставляет на ночь открытой дверь для бездомных и гонимых? Наш рабби, даруй Г-сподь ему долгие годы, не так боится того, что его ограбят или убьют, как того, что не успеет вовремя кому-то прийти на помощь.

Наконец цыганка вышла.

Она и впрямь была красива какой-то диковатой, дразнящей красотой – высокая, смуглолицая, белозубая, в длинной широкой юбке, увешанной вдоль пояса аляповатыми блестками, в цветастом платке, из-под которого выбивались отливающие глазурью черные пряди; крупные лунообразные серьги, которые при ходьбе позвякивали и сверкали в ушах, как ломти диковинных заморских плодов. У нее была стремительная походка – она передвигалась, как лесной зверек, прыжками, словно одновременно высматривала и подстерегающую опасность, и свою очередную жертву. Цыганка скосила свои большие, цвета вишневого варенья, глаза сперва на хромоножку Броху («Ну ей, бедняге, с колыбели уже всё нагадали»), потом задержала взгляд на стройном, молодцеватом Менахеме («Этот красавчик вполне может сойти и за цыгана») и, смекнув, что ничего на них не заработает, собралась было пройти мимо, как ее остановил мужской голос:

– Меня зовут Менахем.

– А меня Ильда.

- Можешь мне погадать?
- Почему бы нет? Я гадаю всем, кто платит.
- Я заплачу, – пообещал тот, кто мог сойти за цыгана.
- На картах или по руке?
- По руке.
- Но деньги, милый, наперед.
- Сколько с меня?
- Со всех по литу.

Менахем полез в карман и достал оттуда денежку.

Ильда долго рассматривала монету, переворачивала с боку на бок, спрятала ее куда-то в безразмерную юбку, потом своей окольцованной, загорелой рукой взяла пятерню Менахема и нараспев, перемешивая осколочный идиш с шипучим польским, принялась с каким-то глухим неистовством нашептывать что-то про предстоящую любовь Менахема к пиковой даме, которая скоро явится и воспламенит его одинокое сердце, как молния в поле стожков соломы; про счастье, которое он потеряет, если ради любви не отречется от всего, что было ему дорого до встречи с прекрасной незнакомкой.

Броха слушала Ильду с почтительным испугом, удивляясь ее напору и уверенности, а Менахем смотрел то в бездонные, омутные глаза ворожеи, то на ее окольцованную руку, заразительное тепло которой растекалось по всему его телу и вызывало какое-то безотчетное томленье и смутную и непривычную тревогу.

– Фартик! (Готово!) – низким, грудным голосом сказала Ильда. – Лучшего будущего ни у кого за лит не купишь, – и рассмеялась.

Рассмеялся и Менахем, не заметив, что всё еще держит ее за руку.

– Руку-то мне, красавчик, верни. Рука моя, золотко, стоит намного дороже, чем гаданье.

И снова рассмеялась.

Менахем смутился и отдернул свою пятерню.

– Прощай! – пропела Ильда и поспешила к другим домам за новой данью... А страстной любви, несметного богатства и дальних дорог у нее было припасено для всего местечка.

– Понравилась она тебе? – тихо спросила Броха и, не дожидаясь ответа, добавила: – Жаль, что не еврейка. Тогда ты на ней уж точно бы женился.

– Глупости, – бросил он, не возразив, однако. – С чего ты взяла?

– Так мне показалось...

Слова Брохи ошеломили его. Хромоножка своим женским чутьем ревниво угадала то, что вертелось у него в голове и в чем он стеснялся самому себе признаться. Хотя чего стесняться? Разве Г-сподь спрашивал, какого Ева роду-племени, цыганка она или еврейка? Всевышний никаких дознаний ей не устраивал, соединил с Адамом и благословил. Почему же Он не может сделать то же самое с ним и Ильдой?

Не успел Менахем расстаться с ворожеей, как вновь стал бродить по местечку и искать с ней встречи. Стоило ей выйти из какого-нибудь дома, где она за лит предсказывала золотые горы и кучу детей, как он тут же подкрадывался сзади и по-мальчишески звонко восклицал:

– А мне погадаешь?

Прохожие евреи оглядывались на его окрики и с немым состраданием крутили боевым указательным пальцем у виска или назидательно доили свои пейсы.

Ильда испуганно оборачивалась и, увидев Менахема, принималась хохотать на всю улицу...

– Я тебе уже всё нагадала.

– Не всё, не всё. Что-то ты всё равно утаила. Ведь утаила? Давай еще раз.

И так изо дня в день.

– Я тебя, красавчик, разорю... Денег на меня не хватит.

– Хватит, хватит. А не хватит, банк ограблю!..

Менахем мягко и настойчиво втягивал Ильду в эту непонятную и небезопасную игру, исподволь как бы приручая, и та не противилась его забавным шалостям, а зачастую даже их своим хохотом поощряла. Пока платит, пусть шалит. Его ухаживания льстили ее самолюбию и скрашивали нищенские, однообразные будни. Приученная с детства всё оценивать трезво, извлекать из всего, пусть малую, выгоду, она нисколько не сомневалась в том, что, как только табор тронется с места и покинет это замурзанное местечко, ее игра с этим прилипчивым воздыхателем навсегда закончится – он наконец уразумеет, что оседлому еврею к цыганке приставать нечего. Еще не было такого случая, чтобы евреи женились на цыганках, а цыганки выходили за евреев. В Польше какая-то сумасбродная цыганка попыталась нарушить священный завет предков, и отец за это забил ее до смерти плетью. Достанется Ильде, если в таборе пронюхают про ее шашни с Менахемом. Что с того, что он похож на цыгана? Воробы с соколами вместе не летают. Еврей не станет всю жизнь кочевать по белу свету, мотаться из одного местечка в другое, из одной страны в другую, он ни за что не променяет свою крытую дранкой или черепицей крышу на дырявое

осеннее небо и цепи, которыми он прикован к своей лавке и синагоге, к цирюльне и к столярной, на голодную свободу и бесприютную волю.

Ильда никогда не забывала наставлений деда:

– Б-г создал человека, а ветер – цыгана. Нынче тут, завтра там...

При встречах с Менахемом ей на неподатливом идише или на невнятном польском не доставало слов для того, чтобы растолковать ему, что она издавна на зубок усвоила от своих предков – держаться подальше от чужих, не верить никаким их посулам и клятвам, не ждать от них никаких милостей – иначе беды не миновать. Неровен час, поддашься, девочка, нахлынувшему чувству и жестоко и непоправимо за него заплатишься...

Ī dīāēaeāī eā nēāāō

МАТИУШ И СТАРЫЙ ДОКТОР

Ñéàçéà-ðáéàéàì . Èè ò áðàò òðì ùé ðáì áðéé. (Ì óáéééóáò ñý á ðéðáì àì èè.)

Óáàæààì ùá áááóóéé è áááóóéé!

Áìðìæá àì ù è íáìù!

Ìðì-éòáéòá ïíæáéóéñòá, ÿòò íá-áéùòò áúéù è ááíéòò ñéàçéò ááóéì ì áéù-ééàì è áááì-éàì .

Èàé çðè ò áéù, í á áéáááóéé ì áðáìá áéòá,

Á áìááéáò ò áðýòò ñý ááòé.

Ì í áñ æáííé òì ááðýòò ñý èàé-òì

Ì í ÿòù ÷òì ò áìðéòò ñý í á ñáòá

Ñàì óéé Ì áðóáé

ÑÁ-æúéé ì ñì ìùòò, ì ðé íáóáì ñááì è ðááéñòáéé ðáçááðòò ñý è ì ùí áóí éá ðááýòá

Ì éóáéé Èáééé, Áéáéñáì áð Óáðìá

Лицо Януша Корчака. Глаза с печальной и тревожной улыбкой. Высокий лоб мудреца. И глубокий голос: А НЕ МОГЛО ЛИ БЫТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИЛСЯ ТО БОЛЬШИМ, ТО МАЛЕНЬКИМ? КАК ЗИМА И ЛЕТО, ДЕНЬ И НОЧЬ, СОН И ЯВЬ...

Возникает детский рисунок. В безоблачном небе – ослепительное солнце. Из синевы выступает фигурка мальчика – смеющееся лицо... Подпись: «Я и Солнце».

Луг. Огромный, зеленый, весь в цветах. Щедрое разнотравье... Если смотреть снизу, цветы и высокие стебли – громадные, как деревья. У травинки есть ствол и ветви.

Радужная роса – шарами – повисла на листьях. Грозно и стремительно пролетают стрекозы. Кузнечики прыгают в бездонную небесную глубину. Птицы вспархивают из-под ног и опускаются в гнезда.

УДИВИТЕЛЕН ЭТОТ МИР! УДИВИТЕЛЬНЫ ДЕРЕВЬЯ! УДИВИТЕЛЬНЫ МАЛЕНЬКИЕ ЧЕРВЯКИ! УДИВИТЕЛЬНО ВСЁ, ЧТО ПРЫГАЕТ И ЛЕТАЕТ... И ЗВЕРИ УДИВИТЕЛЬНЫ: СОБАКА, ЛЕВ, СЛОН. И ЭТА ЛЮБИМАЯ МОЯ КОШКА НА ВЕСЕННЕЙ ЛУЖАЙКЕ. Снова детский рисунок. Желто-зеленые цветы, как сотни солнц. Посреди солнечного царства – черный котенок с белой грудкой. НО САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ – ЧЕЛОВЕК.

Мальчик смотрит на ветку. Лопнули почки, и лист разворачивается зеленой пружиной... Подле скамейки – девочка лет шести. Светлые косички, огромные синие глаза... Вдруг засмеялась, показала язык и, конечно же, повернулась спиной. Острым камушком чертит классы. Легко прыгает из квадрата в квадрат, будто летает.

А город живет своей взрослой, полной забот жизнью. Мужчины – с портфелями, женщины – с сумками... Девочка вывернула голову: ей жаль того необычайного, что остается позади....

Семенит мальчик в матроске. Вращает руками и гудит так, что каждому ясно – это паровоз. А теперь – пароход. А теперь – самолет... нет, птица!

Столкнулся с пожилым господином. Растерянно улыбается, как бы просыпаясь... Сердитый старик схватил его за ухо, важно что-то внушает...

А ОН В ТУ МИНУТУ, БЫТЬ МОЖЕТ, СПАСАЛ КОГО-ТО, СПЕШИЛ НА ПОМОЩЬ...

Небо хмурится. Ударил гром. Взрослые попрыгали в подворотнях, и ребятня завладела дворами и мостовыми...

Áí÷èà ïáí à,

îòàì èà áí àù,

îéí ðíé èàì áíò ù,

éí÷áí ááò÷éí ù!

В лужах, как глаза неведомых животных, набухают пузыри.

Девочка за неплотной дождевой завесой... И вот – бежит к мальчику. Стоит с ним бок о бок, выпятив губы, – ловит и пьет дождевые капли.

Детский рисунок. Летит бабочка с человеческим лицом. Внизу какие-то необыкновенные цветы. Подпись: «Не в гетто. Марыся из Ченстохова. 7 лет».

На рисунке, как черный штамп: загазована.

...Щербатая кирпичная стена. Женщины, старики, дети протягивают прохожим тряпье, старые ботинки.

Перед мальчиком в коляске – книги. Человек везет гроб на тележке. Умершего провожают родственники – смерть еще событие. Проехал велорикша, из последних сил вращая педали.

Женщина с безумным лицом, тиская на груди какой-то сверток, ходит по мостовой. Туда и обратно. Туда и обратно... Наверно, ей чудится, что укачивает ребенка, которого давно нет.

Старый доктор идет по улице. На спине – полупустой мешок. Это Януш Корчак. Люди почтительно здороваются. Он отвечает, не поднимая глаз.

ДАВНО УЖЕ НЕ БЛАГОСЛОВЛЯЛ Я ЭТОТ МИР. СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ПЫТАЛСЯ – НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО.

Моросит. Девочка сжалась под рваным пальто, прикинула к пустой витрине, где за стеклом – старые афиши. В дверях – пожилая женщина.

Корчак остановился. Женщина что-то говорит, кивая на девочку. Еле слышна свадебная мелодия, разом грустная и веселая... Старый доктор опустил на корточки.

Лицо девочки из лохмотьев. Глаза, как цветок, медленно раскрываются.

ПОЧЕМУ Я НЕ В СИЛАХ УСПОКОИТЬ ЭТОТ НЕСЧАСТНЫЙ БЕЗУМНЫЙ ТАБОР? Одной рукой Старый доктор поддерживает мешок, другою ведет девочку.

У ворот старого двухэтажного здания на Склизкой улице – вывеска от руки: «DOM SIEROT» («Дом сирот»).

В маленьком булыжном дворике – ребятишки. С ними – помощница Корчака пани Стефа. Молодая женщина с очень красивым, измученным и худым лицом. Хлопнула в ладоши, и ребята бегут, меняясь местами.

За дровяным сараем – пан Зигмунд (дворник Дома сирот). Он же повар. Сейчас колет дрова. Крепкий старик за шестьдесят. Темное от загара, морщинистое лицо. Седые усы... Парнишка лет восьми, смуглый курчавый Янек, укладывает поленницу.

Корчак с девочкой открывают калитку. Подходит пан Зигмунд:

– Манечка простудилась – 38 и 5. Просится к нам.

– Хорошо. – Корчак отдал мешок. – Десять кило картошки, немного каштановой муки... Обещали в следующий раз с лестницы спустить. – И показал глазами на девочку. – Вы сами знаете, что делать, пан Зигмунд...

– Как тебя кличут, маленькая? – спросил тот.

– Ганна.

Взвалил мешок, взял девочку за руку и повел к дому.

Доктор поправил очки, глядит на играющих ребят... Бегают, спорят, перешучиваются, но всё это как-то вяло, точно в замедленной съемке.

КАК? НУЖНЫ ДРОЖЖИ. ХОТЯ БЫ ПЯТЬ ЛИТРОВ В НЕДЕЛЮ... ГДЕ ВЗЯТЬ? ЧЕРЕЗ КОГО?

Большая комната. Разом и столовая, и класс, и школьные мастерские.

Корчак – в кругу детей. Чистят картошку. Точнее, вырезают гниль. Другие ребята читают, пишут, рисуют... Стук в дверь.

– Кто там? – спросил Корчак.

– Прошу прощения, пан доктор. – Зигмунд забрал очистки, поставил пустое ведро и положил перед Ганной самодельного тряпичного паяца.

– Ты спрашиваешь: «Кто? Кто там?» – говорит Корчак. – А не будь этой малышки «кто», должен был бы спросить: «Это Казик стучит? Или Манька? Или гончар? Или кум Петр? Или нищий?» А тебе отвечали бы: «Нет, нет, нет». Стал бы мокрым, как мышь, разозлился бы, не ел, – ребята смеются, – не пил. Спрашивал бы да спрашивал!.. А так: «Кто там?» – и готово. Потому что в малышке «кто» – имена всех людей.

Ганна улыбнулась, выглянула в окно. Часовой у ворот вскинул автомат, прицелился... Девочка отшатнулась. Корчак встал, как бы загораживая детей.

– Пиф-паф! – Часовой захохотал, опуская автомат.

Ганна смотрит на тряпичного паяца:

– Пан доктор! А зачем пан Зигмунд пошел с нами в гетто? Он ведь ариец и мог... – Не докончила.

Корчак погладил Ганну по голове.

– Нет в мире арийцев и не арийцев, девочка. Есть люди и нелюди.

Ребята молча слушают. У окна очень маленький мальчик сосредоточенно «читает», держа книгу «вверх ногами». За столом девочка, высунув кончик языка, старательно пишет...

– Кто кем хочет быть? – не сразу спросил Корчак. – Ну, вот ты, Бенюсь.

– Поваром... – несмело отозвался худенький мальчик.

– А я на клоуна выучусь! – И рыжий Шимек тут же соорудил рожицу... Курносый, уши топориком; ребята и Корчак покатались со смеху.

– А я... – запинаясь Ганна, – я хочу, чтобы не умереть...

– А ты кем будешь, Казик? – спросил Корчак.

– Министром.

Кто-то хихикнул и тотчас схлопотал от Казика подзатыльник.

– Наверное, стану сапожником, – объяснил Казик. – Как мой папа, когда был жив... Но хочу я пойти в министры!

– А я хочу королем... – размечтался Янек.

– Такой маленький?!

– Ну и что же? Маленьким королем! Король ведь может приказать, чтоб идти куда хочешь и есть сколько влезет... и... и... и всё!

– А я хочу стекольщиком!

– А я – волшебником!

Шум, смех. Дети перебивают друг друга. Корчак прикрыл глаза. Видит весенний лес. Детские голоса, сквозь шелест листвы, сливаются со щебетом птиц.

А Я ХОТЕЛ БЫ СНОВА СТАТЬ МАЛЕНЬКИМ... Возникает детский рисунок. Старый доктор. Его узнаешь по очкам, по высокому лбу и по глазам. Особенно по глазам, горящим неутолимым любопытством, которым наполнено детство. Он строг и загадочен, этот доктор на ребячем рисунке. ...И ЧТОБЫ ДЛИННАЯ-ДЛИННАЯ СКАЗКА НИКОГДА БЫ НЕ КОНЧИЛАСЬ.

Задумчивое лицо ученого профессора... Вы правильно догадались, ребята: опять он, Старый доктор. Но профессор из сказки чаще улыбается. А лицо с седой бородкой – как на детском рисунке.

Правда, сейчас, в данный момент, профессор хмур и печален. В ушах – стетоскоп, на глазах – большие круглые грустные очки.

Профессор – в Королевской опочивальне, у постели старого Короля. Тот болен, бледен, откинулся на подушках, тяжело дышит.

– Устус карибинус тентораст, – бормочет профессор.

– Что это значит? – шепчет Король.

– Хм... Думаете, Ваше Величество, легко понимать самого себя, да еще когда говоришь на 176 языках?.. Устус карибинус... Кажется, сие означает, что надобно немедля поставить 75 банок. Другого выхода нет.

Между тем в большом дворцовом зале, в мягких креслах за длинным столом, заседают министры.

А именно: 1. Старший Министр Церемоний – толстый, надутый и важный, что твой футбольный мяч; 2. Военный Министр с саблей и пистолетом за поясом; 3. Тоший Министр Юстиции с толщенным «Сводом Законов»; 4. Министр Просвещения (вместо галстука пестрый бант) с «Грамматикой» и «Таблицей умножения»; 5. На краю – горбатый Министр Внутренних Дел с лупой.

Старший Министр Церемоний звонит в колокольчик:

– Господа! Я собрал вас, чтобы посоветоваться! Король болен и... согласно э-э-э... этикету...

Министр Юстиции: По Своду Законов, том седьмой, часть пятая, статья 210-я, после смерти Короля на престол вступает старший сын.

– Но у Короля один сын!

– Больше и не надо.

– Сын короля – это маленький Матиуш, – бурчит горбатое МВД. – Не умеет ни писать, ни читать... даже не знает слова «казнить»!

– Не умеет считать? – поражен Военный Министр. – А как же «на первый-второй рассчитайсь!»... «равняйся на грудь четвертого»...

– Сочувствую, – сказал Министр Юстиции.

– Но, уважаемые господа, – чуть растягивая слова, мягко и бархатисто зарокотал Министр Просвещения, – какой же Матиуш король, коли ему неизвестно, что шестью шесть – тридцать семь.

– Тридцать шесть, – поправил Министр Церемоний.

– Неважно! – отмахнулся просвещенный Министр. – Что будет со страной?

– Не знаю, что будет! – краснея от злости, пропищал Министр Юстиции. – Закон велит, чтобы после смерти Короля на престол вступал его сын.

– Матиуш слишком мал! – хором закричали министры.

А горбатое МВД:

– С детьми какой же порядок? А без порядка к дьяволу полетит дворцовый распорядок!.. Нет, моя бы воля...

Такой гвалт стоял во дворце, что Матиуш проснулся...

Силы небесные! Как похож он на Янека из Дома сирот... Только тут, в сказке, у него красивые льняные волосы до плеч. И глаза с длинными черными ресницами.

Матиуш сел на высокой позолоченной кровати, протер глаза... прислушался к спорящим голосам...

– Что там творится? – И вышел в коридор.

Стоял перед залом заседаний не в силах ухватиться за высоченную дверную ручку.

– Король умрет, – доносилось до Матиуша, – порошки и лекарства не помогут. Голову на отсечение, Король и недели не протянет.

Через анфиладу дворцовых залов стремглав мчался Матиуш. Вбежал в королевскую опочивальню. Бледный Король распростерт на кровати. С ним – Ученый профессор.

– Папочка, папочка! – расплакался Матиуш. – Я не хочу, чтобы ты умер!

Король грустно посмотрел на сына.

– И я не хочу. Горько мне, сынок, оставлять тебя одного. – И закрыл глаза.

Профессор посадил Матиуша на колени. Было тихо.

Во всех витринах – фотографии Матиуша. На пони. В матроске. В мундире...

Глашатаи. Да здравствует король Матиуш!.. Король Матиуш приветствует своих подданных!

– Ура! – закричала девочка со светлыми косичками. – Да здравствует маленький Матиуш!

– Тише, Марыська! – Мать, важная дама в шляпе, дернула девочку за косичку.

– Ура! Ура! Ура! – надрывалась Марыська.

Грустно было Матиушу, когда он сидел, маленький и одинокий, на позолоченном троне. Профессор (слева от трона) налил в серебряную столовую ложку рыбий жир.

– Разве Короли тоже должны глотать рыбий жир и всякие противные лекарства? – спросил Матиуш. – Зачем тогда быть Королем?

Двери распахнулись. Один за другим, низко кланяясь, вступали придворные.

– Первый придворный пируэт! – Старший Министр Церемоний ударил жезлом по полу.

Придворные – роскошно одетые дамы и господа – входят в правую золотую дверь. Под музыку дефилируют мимо трона и с поклоном скрываются в левой двери, серебряной.

– Я категорически утверждаю, – сказал Министр Просвещения, – если, конечно, Ваше Величество не придерживается иного мнения, что пятью пять – двадцать шесть.

– Двадцать пять, – уточнил Старший Министр Церемоний.

– Неважно. – И Министр Просвещения поправил пышный бант.

– В аккурат потому, – бормочет горбатое МВД, – надо немедленно построить 25 тюрем, Ваше Величество. – Принюхался сизым носом и сквозь лупу рассматривает следы на полу. – Изволите повелеть?

Матиуш искоса взглянул на Профессора. Тот неодобрительно (еле заметно) качнул головой.

– Не изволю! – звонко и чисто ответил Матиуш.

Жезл снова ударил по полу.

– Второй придворный пирует! – командует Министр Церемоний.

Бьют барабаны. Маршируют министры, чиновники, генералы. Как солдаты, шагают дамы.

– Виват, Ваше Величество, виват! – бряцает шпорами Военный Министр. – Кру-гом! Шагом марш!

Тянется вереница придворных.

Распахнуты двери детской. Важные лакеи в шитых золотом ливреях выносят игрушки: оловянных солдатиков, барабан, воздушные шары, куклу, детские книжки. Королевские лакеи держат игрушки брезгливо, двумя пальцами... Навстречу – другая черед лакеев, согнувшихся под многотонными (многоотонными) фолиантами, что ослепляют нас, как мундиры, – золотым тиснением.

– Живее, живее! – скрипит-покрикивает горбатое МВД.

Фолианты громоздятся всё выше, затемняя детскую... Вбежал Матиуш, возмущенно всплеснул руками:

– Как вы смеете? Чем же я буду играть?!

Присмирели лакеи. Висит в воздухе красавица-кукла, схваченная за косу ливрейной рукой. Висит игрушечный солдат, поседевший в сражениях. Висит слон без ноги... Висят, чуть покачиваются...

– Вы не соскучитесь, Ваше Величество, – скрипит горбатый Министр. – Здесь самые интересные игры. Вот в этом томе – как наказывать. А в этом – как казнить: самая лучшая игра... В этом – как пытать. А в этом...

Матиуш быстро нагнулся, поднял любимого паяца и спрятал за спину.

– А где, – спрашивает, – как прощать?

– Такой книги нет. Прощать, Ваше Величество, – скучное занятие. – И вереница лакеев, по знаку Министра, снова пришла в движение.

Грустно пляшут в воздухе, навсегда покидая детскую, игрушки. Матиуш провожает их взглядом... Вслед за лакеями исчезает Министр.

– Один ты у меня остался... – говорит Матиуш любимому паяцу, что очень похож на Шимека, озорного мальчишку-клоуна из Дома сирот.

Тихо. Матиуш у окна.

За решеткой королевского сада гоняют в футбол. Вихрастый Фелек – быстрее всех. Р-раз! – в окошко влетает футбольный мяч. Посыпались стекла. В ту же секунду Фелек вскарабкался по дереву, прыг на подоконник. Уставился на Матиуша боязливо и весело.

(Фелек – это Казик из Дома сирот. В сказке он мало изменился – такой же вихрастый, шумливый, большеносый, веснушчатый...)

– Я тебя знаю, Фелек, – сказал Король.

– И я вас знаю, Ваше Величество. Пожалуйста, не гневайтесь... пасаните мячик. Ребята ждут, сто тысяч чертей!

Матиуш поднял мяч.

– Слушай, – сказал Фелеку. – Я очень несчастный Король. Считается, будто управляю государством. А делаю только то, что приказывают. Самые скучные вещи... А всё, что приятно, запрещают.

– Кто же Вашему Величеству запрещает, холера их забори?

– Министры! Когда был жив папа, я делал то, что приказывал он...

– Ну да, тогда ты был Королевским Высочеством, Наследником Трона. А папа твой – Королевским Величеством, Королем. Но теперь-то...

– Теперь в сто раз хуже. Этих министров – целый полк.

Фелек задумался.

– С меня довольно отца. Он взводный, и разговор у него короткий. Чуть что: «Кожу сдеру, дворняга ты этакая!» Да как хватит ремнем!

– Фелек, Фелек! – зовут с улицы.

– Ваше Величество, пойдём погоняем, а?

– Не могу, Фелек. Обязан присутствовать на важной государственной церемонии.

– Будь я Королем, никогда б ничего не был должен! Что хочу, то и ворочу. И баста!

– Не понимаешь ты, Фелек, как трудно нам, Королям...

Фелек пожал плечами:

– Я бы сказал этим пузатым: «Хватит брехни, к дьяволу, сто тысяч чертей, не согласен!»

Матиуш на троне, а министры за длинным столом.

– Господин Старший Министр Церемоний, – сказал Матиуш. – Хватит брехни, к дьяволу, сто тысяч чертей, не согласен!

– Ваше Величество... этикет...

– Хватит, не согласен, и баста! Я Король!

– Прошу слова, – говорит Министр Юстиции.

– Только покороче.

– Ваше Величество желает обойти закон. Но есть другой закон, который это предвидит. Имеется параграф 105-й, том 410-й, страница 20-я, строка 30-я...

– Господин Министр Юстиции, мне – без разницы.

– Предусмотрено. Раз король пренебрегает законами, заключенными в параграфах 777 555...

– Заткнись, холера тебя заberi!

– И о холере имеем закон. В случае эпидемии...

Потеряв терпение, Матиуш хлопнул в ладоши... Входят солдаты.

– Арестуйте этих господ и препроводите в тюрьму...

– Опять же имеем закон! – обрадовался Министр. – Называется военная диктатура... Ой, это уже беззаконие! – И Министр подпрыгнул, поскольку солдат ткнул его под ребро.

Министров, белых как мел, увели.

Матиуш остался один. Ходит по залу, смотрится в зеркало, скрестив руки.

– Ого! – восклицает. – Почти Наполеон... такой же маленький.

– Нехорошо получилось, Фелек. Они в тюрьме.

– Пускай! Такова воля Вашего Королевского Величества.

– А сколько накопилось бумаг! Если не подпишу, не будет ни железных дорог, ни фабрик, ни вообще!

– Тогда подпиши!

– погоди, слушай: я ведь ничего не знаю. Даже старые короли не обходятся без министров.

– Ладно, выпусти пузатых, холера их задери!

Матиуш чуть не бросился Фелеку на шею.

– Молодец! А мне-то и в голову... – И стукнул себя по затылку. – Действительно, от них не будет!

...И министров ввели в зал заседаний. Стража салютовала Королю обнаженными саблями.

– Господа! – сказал Матиуш. – Я долго думал и составил такой план: вы будете заниматься взрослыми, а я стану Королем детей. Сам, как Король, буду делать, что захочу. Остальное пусть идет по-старому.

Матиуш встал. Сабельные лезвия пускали солнечных «зайчиков».

– Согласны, господа? (Министры молча склонили головы.) Вы свободны. – И Матиуш обратился к Ученому: – Профессор... милый Профессор, правильно, что я простил этих толстых обжор?

– Всегда лучше простить, чем наказать, – задумчиво произнес Профессор. – Только дети об этом почему-то забывают, едва становятся взрослыми. А принцы вспоминают, когда становятся нищими. Простить... простить...

– Я никогда не забуду, милый Профессор, никогда!

Í òàèèàòèý Í èíàè Áóí àààèèé è Áèààèì èðà Óàðíàà

Í ðíàíèèèàí èà ñèààòíò

ГОВОРИЮ ВАМ...

Аркадий Белинков

*Адеаае Аееоіогае: Аееіеіа діееіы а І ііеаа 29 іаі оуады 1921 ааа Неіі-аеіы а І ір
Оаеаіа (НОА) 14 і ау 1970-а. О-ееіы а Ееоаааооіі іі еіідеоооа Аааіоіааі (1944). І деаіаіаі е
іі адоііе еаіе, аі аіаііе аііаі ір аіаі е еаааае. І діаіеаеае оаеіі іеіаоіі е ііео-ее ііаіе іііе
(25 еао). Аі іеіідеіааі (1956). хеаі Нірса іеіаоаеае. І а ааііоіі ес адоііаеііе оодеііде-аіеіе
ііаае. І діаеае 49 еао, еае Рде Оііуііа і еіоіоіі аііоііе еіеаі, аа ііаае іоі-аа іаіеіае:
«І а ааііоа оіі о еоі аіаідео, аааі аі ааі іеааеу - аіаі ееоі ііааіоаі аеу аіідеааіеу оае.
Іао! Ааі іеааеу е аіоі оаеі».*

В древней Иудее, как всюду, были богатые и бедные. И когда человек становился совсем бедным, то продавался в рабство.

*Аіе іоіааоііы оааа ааао оаіе Ааае еее іііооа Ааауіеа, іоіоіі еаіоіі еао ааао
аааі е, а іа ііааі іе - іоіоііе іо ііау іа ііаіаа*

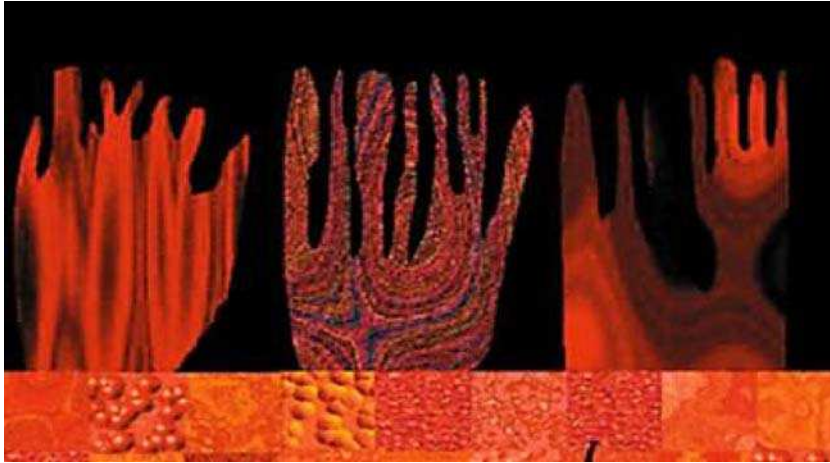
В отличие от других народов, которые считали, что моральные проблемы, связанные с рабством, свободным людям «до лампочки», то есть рабы суть рабы, а свободные потому и свободны, что рабы – это другие и владение таковыми на психологию свободных людей никакого впечатления не производит, – в отличие от других народов, древние иудеи понимали, что рабовладение создает обстоятельства, которые имеют роковые последствия не только для рабов, но и для рабовладельцев. И к рабству относились с большой осторожностью, старались не рисковать.

Однако, не будучи до конца последовательными, в силу сложных социально-экономических процессов, рабство всё же терпели, делая нечто такое, чего не знали другие народы: бедняка, отслужившего шесть лет, из рабства освобождали. В этом, конечно, не было настоящей, подлинной принципиальности, но было благодетельное внутреннее беспокойство.

Іі іе, оі е оі аіе аааі іа аі еа Ааіаоіеіе, аа есіаае оау А-іі іау А-а оаіе.

Еесіу аааіуеіа а аааіоааі ааіоі ііоііа е еае-а аесіе іа аіеа - аеіаііе е ооаііе.

Люди, попавшие в рабство, иной раз потихоньку радовались относительной сытости и культурному обществу. Свобода умирать под мостом вовсе не казалась столь привлекательной, как иной раз представляется со стороны, в частности, тем лицам, кои не знают жизни. Потому-то бедные и голодные предпочитали порой рабскую сытость. Шесть лет кончались, но они не спешили домой.

Áñè è áá ïí ñèàèàò òááá íá ïíéñó íééóáá, ïíòíí ó ÷òí èðáèð òááý è áñí òáñé, ïíòíí ó ÷òí òíòíòí çáññí

Победители с презрением относились к добровольцам – рабам по своей воле. Чтобы отличить их от свободных прежде людей, ввергнутых в рабство нуждою, последним – рабам по выбору – ухо прокалывали шилом.

Áñè è ñèàèàò òááá íá ïíéñó íééóáá, ïíòíí ó ÷òí òíòíòí çáññí - òí áññí è øéèí, è ïðéèíéé èòí áññí è áññíðé, è áññíðé ïí ðááíí òáñéí íááñé

Áñáíòð ááí : ïðáðáí íá ðáíáíúé ïéáííéé, íá ïíááèááííúé áíðáá, íá ÷áéíáñé, ðíáááííúé á íááñéá, íá ïí óè, ïááèéé á íááááííí áñð, - ïðáðáí òíò, èòí áññíðé íááñéð. Éáí ïðíí áíýé áááííá, ÷òí ááíí ï ïñéýúáé ïéíòé, - ññíáíáó - íá æáèééð ïíáá:éó ññíááññí ïáéíá

Г-споди, вразуми людей – пленников, должников, добровольцев, старшин, оставшихся на сверхсрочную службу, – научи их, и, быть может, поймут они, что в рабстве нет ни счастья, ни радости, ни покоя и что ни сладкие яства, ни другие плоды земли не сладостны там, где нет свободы.

И коли человека превратили в раба, который забыл (или не знает... не хочет знать), что он раб, то участь его и детей его хуже участи раба, который знает, что раб, но ищет способ освободиться.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

Ī ĀĒÑĀŌ Ā ÑĀĒŌŪĒĪĀĒĀ

Ī āñ ā ðĭā āĭĭ ōĭō ēē ā ēāñ

ā ñāĭ çā āĭ ðĭā ē ēñ-āç

Ē āĭō ĭ ū ēāāĭ ĭĭ ō ðĭĭ ēĭēā

ē āĭĭ òĭñ ā ĭ āā ĭ āē ēĭ ēē.

Ñō ōĭ āāĭ ĭĭ ēñō

ĭĭ ēēēāĭ,

ōāāāĭ ñāā, ĭā ōēēēĭ.

Ā ēōĭ-ōĭ ĭāā ĭāĭ ē ēōēēōĭñ,

ñēñō ēō-ñē ðēñō ēō,

ōāāōō ēōĭñ:

- xēā-ēā! - xĭ-ĭ?

- xēā-ēā! - xĭ-ĭ?

- Āāñ ā āāĭ ōēāññ, āðāō ōŭ!

Āĭĭ āāēēā ĭ ðŭāāō,

ĭ ŭō āññ ðāçĭ āðāō ŭññ

ā ñāĭ ēō çāĭ āñā

Ñĭ āēōēēē ĭā ĭ āēōēō

ēāō ēō ñĭ ðĭēā

Ē ēðē-ēō ēōēōēā

Ēōð-ēō ðō-āē

ĭĭ ēāññĭ ĭē ēēñōāā

Ēōēēēō ñāðāēō ŭē ōĭ āēñ

- Āĭ ðāēñ! Ī ēñāĭ!

- Ī ēñāĭ! Āĭ ðāēñ!

- È Ī aēīāō - āīīāī ū āī āē!

Óāā ī ōīāāēāīī āēōāēēā...

Ā ī īāēāō, īōōāā - āōīēēā...

Āāōō īēūēē

īāō, āēī ūā ōāōōī-ēē,

ē āāōōō ū

īēāō āāōēā ēōīī-ēē,

ē ūī ōāōŷ īīīī ū

īī ŷēā īāī īīā.

Ŋāīē ōōīōāē

ōīīōīāā

īēīāēā

Ī āēūā ā āōō ūēī-ēō

āīāē-ēē,

ē āōāōō ōāīīāō ū

āāīīī ēā īīīō ōē-ēē

āīāō, ēōī āīēōīā

Ēōī īōīīōī īēāāēāō:

- Ŋ āāīīī ē ōāīŷ!

Ī ā īēāāō ī ōēōīāē!

Ēīīā Ī āī ēīā

ÈÇ ÖÈÈËÀ «Ì ÀÐÛÈÍÀ ÐÎ ÛÀ»

***

Троллейбус миновал
Савеловский вокзал
и повернул
по направлению к Рижской.

Там некогда стоял
у старого моста
мой отчий дом
на улице Квессиской.

Его давно снесли,
как предписал генплан,
и на вокзале
я бываю редко...

А трудности
с дровами и водой
остались в той
далекой пятилетке.

В развязках трасс
и взлетах эстакад
здесь новые
проложены маршруты...

Но почему так жаль
и дом, и палисад,
шалманы у киношки,
под «Салютом»,
колонку на углу
и дровяной сарай,
где маялась коза
по кличке Марта,
окрестная шпана
пила денатурат,
играла в «расшибалочку»
и в карты.

Жаль даже
вороватых Литваков,
которых выселяли
за сто первый...

Бутырская тюрьма
была им дом родной,
а их Илюша –
моим другом
верным.

Жаль дворников
и старых постовых,
дежуривших посменно
на вокзале, –
они к нам в зимний день,
продрогнув и устав,
чуть отдохнуть

и выпить

забегали.

Жаль общий огород,

беседку во дворе,

забор в обрывках

содранных плакатов,

и с чайкой абажур,

и маминых друзей –

Берковичей,

Юровских,

Айзенштадтов...

Лехаим! Тост за них,

за мертвых и живых,

за жизнь,

что, как мгновенье,

промелькнула...

Троллейбус миновал

Савеловский вокзал,

дорога в Шереметьево

свернула.

Èðèí à Bèíáñí

***

С òàðáñííá íáòüè íáííí íèòü

Íí áñè...

Áõ, èòí ÿòí á ááòíòáí ðíááè?

Ííáòüèè áá:áðí áé ííðíé ñáíè íáñè,

Áíèí ááò èè èí Èíðááí?

Èíááà ÿ ííð èõ, áíááð íáòüè:áé,

Í αάαιάέ, ες οάι ίοίεοήò ðάι...

Νέαεé ì íá òá-áo èè áñ Êεοάεί ίòτòά-ίúé,

Οάι ίάò èè ðòάòúé Êéάι?

Êíάά ÿ ίίρ èó.. Ííεάέοήò, òεοά

Íòέοάά ίί, γòíò ýéíòα?

Êάέé òάι Êéάι, Êíòάι èè Êεοάεί?

Β òάι ίíάúάέά òίòú ðά?

Áάúÿ ες ðάòíéé,

ες ίòάάί ίúò άάεάί,

Íí ί íá- è Íέóά òίòίά

×òí εòίάí ί íÿ ίí ίéò?

×άí ίíά εεάέάò?

Í-áí εήòίí èéάíí áóά?

Ííάέúοά άñ γòí. Ííάέúοά, ίíάέúοά..

Çá-áí íá íáííé ί ú άέíά?

Çá-áí ÿ áááò γòíé ί óéé ðéά-άέοάé?

Çá-áí ίíά άá-ίí άí ί íá?

Νòάðáííí ίά ίάòúé ίάííí ίéòú

Íí άíé...

Áó, èòí γòí á ááò ðòάά ðúάé?

Ííάουéé áá-άάé ίíòé ðúé ίάí é,

Áίéí ááò èè èí Êíòάí?

Êíάά òú ðáéάí íά éóά ðéííρ

Í à ίòάúó άá-άíé èé éάάου

Οú άðάí è ð áéí, òθÿοίόά άέíάíρ,

Áάάέúά ίάí é ίíάου

Οú άðάí è ð áéí...

Í á άγòίí èé άάéí?

ÈÇ ÒÈÈÈÀ «ÇÀÁÒÍ ÎÁ»

1

Áàà á çàáðí ò áí í í ï áðí à è ò ðàþ.

Á Áàá, è à è á ý à è, ï á ý ò ç í à þ.

Á ï, ÷ ò í è ì à þ, ç à á ï ò ð á: ó í ò à à ì,

Í í í á í ò è ò í à ý ò í è Á-á í è Á à à ì.

2 Á è ð ï à è ý

Í í ù à à è Á è ð ï à è þ, í í ù à à è, -

è ï ò à ð à è - ì ð à à à í í à ý, - è þ á ý.

À á ò á ï à à ì ò í á ò á ï à è á ð à è -

Á à è ï à à, á ð à þ ù à ý ò á á ý.

Í á ó è ð à è ò ï ò á í á ó à ò í í è à è ï ï í,

í á ï è ð í à ò è à ò ç í è í ò à ý í è ò ù

Á à è ï à à ò á è í ò ð á í ý à ò ï í.

Á ì á í ý-ò í í à è ï ò ó í ò ð á í è ò ù

Í á è ï ò à þ ð è è, í á í è à: ó á è ð è è,

à á à ï ï í í í ò: à þ ï ï á ï ó ò ð à

È í á á à ý ò í: è, ÷ ò í ò ù ï ò à ð è è,

è ï à ì í è í á á à è ò ï ý, ÷ ò í ï ò à ð à

3

Á à à à è è ò ù í í ò í á ó è á ï à è ÷ á ð à à

í á í ð í: í í ï ò ù ì è ð è á ï ð à è ï ï

è ç ç à ï ò ð í: á è

Ñ í ð à è ó à à ò í è, è ÷ ó à è ù á ó í ð à ò, -

ò á è á ý ì à è í ï ò ù - à è á í ù è è è ó à à ò í: á è

Á ÷ ò í ò ð á í è ò ù è í á à ì ì ù á ï á ó í ð à ì,

è æ è ç í ù á ð à à, è ì ù - ì ð ï ï ò ù á è þ à è.

*Áíáá èèçüðàçñòáíóóéíááááòááá,
èáéíáóáíááòòáááíàáéþáá
È, çíàòüáúéàíðááÈðíæááá-
ëþáíáüçáííà, èíááááéíáíááí.*

ÁéáàÈáíøéíà

СТУПЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛЕТ

Ἰωσήφ Ἀβνι (1921-1989) - ἰαβούτι ἐὶν ὑέ ἰαδναῖα-εὲ ἐεἰνῆ-ἰνῆτῆ ἐ μᾶδι ἀίττε ἰῖγῆε Ἀἰνῶτῆα, οἰεῦεῖτῶ ἰαδναῖα Ἐαεεαα ἐ Νῶαῖαε Ἀπε. Αἰεῖα 150 εἰεᾶ Νῶαῖε ἰεῶ «Ἰῖγῆ ἰ ἰ μῆδῶτῆ ἰ μ ὑῖεᾶ» ἰῖγῶ-ἰῖοεῖ Δῶι ἐ, «Ἰ ἰεῖᾶ αῦτῶ ἰ-ἰνῶεῖᾶτῆ» Ἐ μῶῶ Ὀἰῖ-Ὀἰῖεεᾶᾶ Ἀεῖᾶῖᾶῖ ἰεῖῖᾶ (Ὀἰ ἰεῖ), «Ἐἰεᾶ ἰεῖῶε» Ἀ. Ἰαδναῖοε (ἰαδναῖα ἰῖοῖῖᾶε Ἀ. Ὀἰεῶεᾶ ἰᾶ ἰῖῖᾶῖεᾶ εῖῖᾶῖῖᾶ «Ἐἰῖῶῶῶ ἰεῖ ὀῖῶ»). Ἀ ἰᾶ ἰαδναῖᾶ ἰεῖᾶῶε ἰῖ μῶῶῶ «Ἐῶῶῶε» Ἐ. Ἀἰ ῖᾶῖᾶ. Ἀ 1986 ἰᾶῶ ἰ εῖῖᾶῶεῖῖῶῶᾶ «Ἰῖᾶῶῖῖεῖ ἰεῖῖᾶῶῖ» ἰῖῶεᾶ εἰεᾶ «Ἰ ἰῖ ἰ ἰεῖῖᾶ. Ἐε ἰῖῖῖῖῖῖ ἰαδναῖῖῖ ἰῖῖῖῖ». Ἀἰ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰεῖ ἰαδναῖᾶ-εῖῖῖ ἰῖ ἰᾶῖ Ἀῖῖῖῖῖ Ἀ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ῖῖ ῖῖ ῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰαδναῖῖῖῖῖῖ «Ἰ ἰεῖῖῖῖῖ».

С самого начала войны служил в действующей армии, участвовал во многих сражениях, выходил из Харьковского окружения, участвовал в защите Сталинграда с первого до последнего ее дня, был в числе первых форсировавших Днепр, а потом Донец, был трижды ранен и окончил свою военную карьеру после третьего по счету ранения, случившегося за Днпром 12 января 1944 года. После войны поступил в Литературный институт и посвятил свои занятия поэтическому переводу.

Ἰῖῖῖῖ Ἀῖῖῖῖ Ἐᾶῖ Ἰῖῖῖ (1092-1167)

Νῶοῖᾶῖ ἐ ῖᾶῖᾶῖ-ἰῖῖῖῖ ἰᾶῶ

Ἰ ἰῖῖῖῖῖ ἰεῶ ἰῖῖ ἰ ἰ εἰῖῶ ἰῖῖῖ ἰῖῖ,

× ὀῖ ῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖ ἰῖῖῖ

ἰ ἰ ῖῖ ὀῖᾶῖῖ ἰῖῖ.

Ἐῖῖᾶ εῖῖ ὀ ἰεῖῖῖῖ ἰῖῖῖ ἰᾶῶ ἰῖῖῖ

Ἀῖῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ

Ἰ ἰ ἰεῶ, ἰᾶ ῖῖῖῖ ἰῖῖ, ἰῖ ἰᾶῖῖ ἰ ἰῖῖ

Ἐ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖ, ἐ ἰῖῖῖῖ ἰ ὀῖᾶῖῖῖ ἰῖῖ

Ἐῖῖᾶ ὀᾶῖῖ ἰῖ ὀῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖῖ,

Ἰ ἰ ἰᾶ ἰῖῖῖ ἰῖ ἰ ὀῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ,

Ἰ ἰῖῖῖῖ ἰῖ ἰᾶ ἰῖ ἰᾶῖῖῖ ἰῖῖῖῖ,

Í íéi àò è ì òèì àò çàðààíá ñææáí úá

Èí ñá í àì ááááòàò ù, ñáò àé

éàæáúé ááí ú

È þííøà, èàè ì íéíáíé íéáí ú

Ááæèò, è íááííááì ó è éáí ú

Áííí ðéíéì àòú :æéíá í áñò ááéáí úá

Òðè äòàò èéàò í èé íí íííáé á ñééíé,

Áúòúì æéáì è íòòíì ñáý íáðáé,

Æáí á ñáí áé è :áááì, ñæææéíí ñ í íá

Í í óáæááò ááç í ò áí òí í ááí úý.

È áíò íí áííò èááò ñ ðí éà

Í áì í íáò áéçéèò í í ò ááýá í í éá,

Í í áñ æáí í íéì ááò: æéçí ú éðàò èá,

Òýææ è ò ðá è æéçí è í ííò èæáí úá

Èí ñò áðééó í ýò è ááýò è éáò

Çà áðáì áí áì ñáò è ááò áííéáí

Í á: áéè áí è è í ííéì áí úý ñáò,

× ò í çéí ò í í ò ñ áðò è í á ñí áí áí úá

Í ñéááé è í ðí é, óáýááò ñá,

× ò í ñò áéí ñ : áéí ááéí ì

á ò áí ò úááýò!

Óæá í áò ñééú í ííéá áííò ó ò ðáò

Í áí éááò ù çáì í úá çéí ééþ : áí úý.

Í í á íáì úááýò ííéáá è í í ò óááé,

Í á ñéú ó í í ñéí á ááí, í á áéáí í ááé.

Áúòú áíáì í ááç í é - áí ò ááí óááé.

Ááí ééþ èá ñéðéì è ò á éçí áí í æáí úé.

È í áí ò óí ááò áí íáì úááýò è éáò.

Î ûñëú óãñãàò, òùñ ìþ çãñò èò ñãàò.

Õì òù ÷ àéíãáé è æèâ á íãñ æèçí è íàò,

È ãñóééé óéãá - ãñ ò ãñ ãñ èì áí ùã

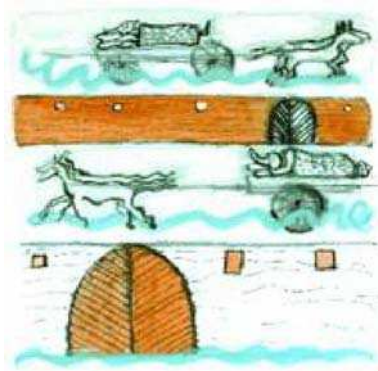
Èèøù ò ò ò àéàæáí, ò ò ò

èñò è í ù é ì óãðã,

È ò ì çí ààò: á çò ì ì è ðã ì ì - ì ð è ó àéãã,

È ò ì ì ùñ è ò ñ ì àé ù ð è à ò è ì ì á è ì ì á ò

È è ø ù ì á ó á, è è ø ù ì á á ñ ì á ñ ì ù è.

* * *

Ó ò ð ì ÿ è ááé ù ñ ì æ á á ã ñ ì

Î ì ñ ò ó ÷ àé - ì á ã ñ ì óñ è ã þ ò.

Á ñ ã ð ÿ ò, ì ð è æ ì ì ò ñ ì,

È ã ñ ð ò à çã è ð ù ì á þ ò:

« Ò ù ì ð è ó àé ì á á ã ñ è á ì é ù é ÷ ã ñ

Á é ÿ ò ì ç ÿ è ì á ñ è ÷ ã ñ

È ì è ã ñ è ò ó ç ñ ì ð ÿ ã þ ò ».

Á ñ ò è ñ è ì ó á ç ñ ò ñ ì ì,

Á ñ ì á ñ ñ è ó ã ñ ì á ÿ ã ñ ð ð ÷ á à ò,

Î ì ì á ñ ì ñ è á à ò á ñ ñ :

« Î á ò ò ì ç ÿ è ì ì ò á ù ò á à ò ».

Á ñ ð á á á ñ ÿ è ó - ì è á ÷ ã ñ

Î ì á ñ ñ ñ ñ á ñ ì ì ò à é á à ò.

*È é èì ò ñò-óúÿ á àí,
Òò ñàíáí ùí í áúààò:
Òí íí ñè:áò - í úéú ñò í éáí,
Òí íí ñèáéí íí:éáàò.*

ÀÈÈÒÀÕ ÑÀÌ ÀÐÈÁÍ ÀÈ

Àèèòáò Ðààá Ñàì àðéáíé - áàðéñéé ííyò, í èñáòéé íà í àðéáíéíí ÿçíéá Ðíáééÿ é æéé á Ñòáíáé Áçéé á XVII áàéá Áí ó í ðéíááéææò ííyí ù «Òáòçááá è ñòéé» è «Ñíéðíæùíéóá ñáàòíá».

* * *

*Ñí ðíñé òíá, èòí æéçí ùò òí áúáí:
- xòí á æéçí è áéÿ è þááé áíáá òáí í áí?
- Í í æéóé, òí : òí ò ñ:áñòééá
èòí òí áí!
- Á í áò òí à, ÷ òí í àí áíáá áæéíáí?
- Á éáá áí ñ è ò áí í ñòú - í ò áà ò éé íí.
- Á áíéé ÿ è ÿ ò í á è è ó á í?
- Òí ááá è á çí á è ñéé á áí áñ ò á ñ í á þ.
- Á áíéé ÿ á í á ò ñ ò á í í á á á é á í?
- Òí ááá è è ó ú ñ á ò ù í ò á á á
áíáá í ó é í á í!*

* * *

*Í á çáéáóé, áíéé ò ú òí áí,
Òáí, èòí í áá ò í á í þ á í çí á á ú.*

* * *

*Í ú çí á á í : á á ó í ÿ á í á á
Ñ á ú ñ è è ò á ð ñ á ó è ò á í è ç é í á
È òí í ð é ò í á è ò é í í á á
Í á è ó á ó á è í ð í ñ ò í è þ á é í á*

* * *

Òàèàÿ á àððèáá ààðí ìíòù òí òí òà,

Èí àà ààðí áá ÿçíèà áúòà

* * *

Èðáíáí ààðúò òáí èá íáçÿùèì,

Áàðúò í àíèàè ááí èá ñèí ðáÿùèì.

Á ááçù òáá í ðáàðááò ì óáðáíá

È í ááàÿàò ì óáðíòù ð áèí òíá

Èðáíáí ááíèèù ùò í ááðàè ááò ñèèé,

Ááçí íáè áò áíáò, ÷ ò íá ááè àòù

çà ì èèé.

* * *

Òù íá àÿàè íá áí áóí ìíòù ò í èùèí,

Ááè íá íá áí áóí ìíòù, á ááè

Ñí ðèñò ðáíòùù íáÿáá ñáá èèí,

Í á ò í òí èíí èòù è òù ìíèà

Í ÀÐÍ ÁÍ ÁÇ Ì Î ÇÈÈ ÒÀ ÒÍ Á

Ááàèèí-òàòíèé ÿçíé íòííèòÿ é èðáíèéè áðáíá ÿçíèá èí ááò ñáí è òíèéá è òððèèéá ÿèí áí òù. Í èíù áíá áòíèéò ááðáá í ðáíòáàÿÿéè ñáíé ñáíáá òíáá ñèí òí èíù, èí ò í ðð ñí è íáçíááèé «í èíù ìí áááááíèéí» (òáò áááíáé). Í á-áðò áí èÿ í-áí ù ìí òí áéèé íá ðááèííèéé òðè ò. Í áðáíá í òí èçáááí èÿ ááàèèí-òàòíèéé í èíù áí ìí òè ìí ÿáèèèù á 1909 áí áó.

Í Ìíèíáèòù

Áðòçáé, ÷ ìÿ áððèáá ñáÿ òà,

Òáí è íá ì áí ùòá áðà òà

Ñò ì áðòçáé ó ò ááÿ -

Í áèí áðòçáé ó ò ááÿ.

Áðáá ó ò ááÿ íáèí -

Í í íá áðáá á ó ò ááÿ.

xai aieuoá íà áàoáyō i eíáíá

È áào íé íà ñò áíéá

Óai íéæá ñò áíé á ò áíé ñáíá

Ñeéíí yáò ñy é çai éá

Í á í ðí ñ, à ñéíí à

Ì ééá íáí í í ðí é -

Éíáá ñéíí à áíí à,

À í ðí ñ çá á ðí é.

Çáí é í á í ú ÷ áí é á ááç ò í ééó

Í íæáò í ðé áííò è ò áéáí éá é áí ééú

Áíéé á çí áé í ñé, ÷ ò í í í í ñé,

Í í ñáá æ è áí ò áú í ðí í ðí é.

Ñéíáí ò í, éí ò í ðí í ó í í ðáá,

Ñéúø è ò ááæá ò í ò, è ò í áéóíí áò.

Óóéá è á ðáí ú í ò óá -

Í í éé ò áá áéy pí óá

Óá ááúú, ÷ ò í í í ááø áéá áííò áào ñy,

Á éí í óá éí í óí á áí ðí æ á í ò ááò ñy.

xai í ðáá æ áí ú óúæá é çéáé,

Óai áí ðí áá í óæ á ááéáé.

Éáí áí ú óí áé í á éóáø éí - áí ðá éóáø éí ó

Éóáø éí í á éáí áí ú óí áé - áí ðá éóáø éí ó

Áá ðáé þ á è óá áá ðáé þ áá ðí á é éá

Í á ñéúø æ è ñííá,

Í áí í yè ÷ éí éó ðé óá ñí áíéá,

Éóáò ÷ áò í á ááííí ñáò.

Êòí ááèàòüááèà íáíðèáíé,

Ó òáñííðíé áíèèé ýçúé.

Ðaçáí çíááò ááòúèé ááððíí

Áíðáíðè èáóúááí íáèéíí ?

Ëþáè è íè÷òíæíúá áíèüí ú

Áèááòüíí íí÷áí áíèüèèáííú.

Áááí ááòáòüáí áé ííáðýá

Ë ì ááá íá ááýò.

Óí áðèéé ì íèò, ÷òí áíýé æèáíé

Í èò ááòíý íáí íé ðáèáíé.

Áíèé, ñéíòíðúí, áúáàéí, è èáá

Ëçááèè áðáé,

Ñòáé ííí áøèúáí, íáðýèèáá

Áèý ííááé.

Óáéí ú áíááðýòüííáí áé

Ë áðçúýí íáèúý,

Í íòíí ó÷òí ó áðçáé

Óíæá áíòü áðçúý.

Êòí ááæáé áúíðòðí,

Óíò óíòáé áúíðòðí.

Ááðèéíú òíííéáé áíçíáíáí ú

Í ò èáèíáííý ááòíé áíèúá

Ë çáí èá ááðèéíú ýáéííúíèéíí áí ú

Í ò òýæáíðè íéíáíá òýæáéíúá

Í áá óí ááøáþ ááòéíé

Áíýé òíííð çáí ííèò íáíé.

Ōī ò ū í à ò à ç à ì ð : è à à m á à è à,

Ñ í à à : è í ū í á à ã ò , í à í à è í .

Ñ í à ò à ì è à ã í à ã ò à à è ÿ ð ò ñ è ð ò ,

À ò è à à à ñ è ð ò à ì í è è ò í í á à à à ò .

× à ì ò ì è ù à ñ ò à ì è ,

Ò à ì è ì ì : á ñ ò à ì è .

Á à ñ ì ì ù ì ù ì á ù à à ò

Á à à ò à ç à : à è í à è :

È í à à ñ à è í à : è í à à ò

È ç à à ð è à à ò à à è .

Ò À Ò Ñ È È Á Í À ð Í Á Í Û Á Í Á Ñ Í È

Á à à ð è à à è à ì

- È à è í à ì ò à ì è í : è , í à à à ð è à à è à ì ?

- Í á ŷ ñ è ò ŷ ÿ ì í à è á , à à í á í à à ì .

Ñ è í à í à à à è í í à ð à à è í ū à è à ù ò ò í í è ,

ð à ç à ò ū í á à è à è à è í í à ð à à à ?

- È à è í à ì ò à ì è á ð í à è , í à à à ð è à à è à ì ?

- È à è í í à ð í á ŷ ñ è ò ŷ ÿ ñ è í à à ì è ?

Í í : à ò à , í ð í à à à í á ŷ ò í í è è í í à ð ì ,

Í : á ù ñ ò í à è ñ ì í è ì è á ð í à ÿ ì è !

- È à è í à ì ò à ì è è ì ñ ì , í à à à ð è à à è à ì ?

- B ò à à á í á ì ò à à : ó í à ÿ ò í .

Á ŷ è à è í è à , ó à è à è ò ŷ ó à à ò í è ç í è ò í è ,

Á ì ò è è ì ñ ì ò à è í à ñ à á ó à à ò à

- È à è í à ì ò à ì è ù à è è , í à à à ð è à à è à ì ?

- Ì í á à ì ð ñ ÿ ò ò è à è à ò ñ ÿ ñ ò ð à í í ŷ ì .

Ñ è í à í ì ñ à è ù à ÿ à è í è è ù à è è í í è ,

È i i t e i u , è e d u a e u , è d u i y i u !

- È a e i a u o a t e a u u , i a a a u o e a - a e a i ?

- O u a i i d i n ç a a a e u i i a i a i d a n i i .

À n e e a e a e e r a a - i e a a u u m a e u e a a i a o ,

ç i a a e u e a e i i e a u u i d a e d a n i u !

- È a e i a u o a t e ç a u u , i a a a u o e a - a e a i ?

- O u i o a a o a i a a e e , i i i a i o e a i .

O u i a a e i - o a a ç e y i e , e a i ç a u u i i e ,

N e i a i i o y a a a e i m a e i u o a e i - o e e i .

I a i a i - i a i o e

I a i a i - i a i o e , i a i o e - i a i a i , a a p , a a p ,

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , i o i a a ç a a

i i n o a d i a o a e .

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , i o ç a a i o

i i n a a a o a e ,

À i d a , i a ç i a - a i i i a o a a a !

I a i a i - i a i o e , i a i o e - i a i a i , a a p , a a p ,

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , e ç i o a i i i e

ç a a i o i e ,

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , e ç i i a e a a i i i e

o a a i o i e ,

À i d a , i a ç i a - a i i i a o a a a !

I a i a i - i a i o e , i a i o e - i a i a i , a a p , a a p ,

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , a a ç e e i a e a e a

o a e o i e ,

I a n o u a i n o a i a o n y i i a , a a ç i a a n e e e i i a e o i e ,

À i d a , i a ç i a - a i i i a o a a a !

I a i a i - i a i o e , i a i o e - i a i a i , a a p , a a p ,

Í õõõ ãñõ ãí ãõññ ì ãõãð, ñ: ãñõññ

Í á çí ããõãé,

Í õõõ ãñõ ãí ãõññ ì ãõãð, çñí

èññ ù ò ããõãé,

Ãíðã, Í áçí ã: ãí í í ã ò ããã!

Í áí ãí - í áí óé, í áí óé - í áí ãí , áãþ, áãþ,

Í õõõ ãñõ ãí ãõññ ì ãõãð

ì í í ãñõ ðãããéññ í é,

Í õõõ ãñõ ãí ãõññ ì ãõãð, ñ ããõñõ ãã

í á: ãéññ í é,

Ãíðã, Í áçí ã: ãí í í ã ò ããã

Ì ù õíãéè

(Áãõñéãñ ì ãñí éã)

Ì ù õíãéè,

Ì ù áãõðã: éèè,

Í ãéõí éèè

Ãññéí é ãññ: é í ù.

Ì ù ñéãñõãé éõí éèè

È - í í é: í é,

Í í éí ãéèè

Á ì ãéãí ùéè é ì áõ í é.

Áúé ì áõí: ãé ì õí: ãí,

Í á í í ðããéññ,

Í í ù ãéí ò éè í: ãí ù

Í í áíñññ.

Ì ù ì áõí: ãé

×óõ ù ì í ù ãéí ò ãéè,

Í á í ãññ: ãé

Neaãrõè ói áèè.

– И Ольга – не еврейка. Отстаньте, право!

– Я дико извиняюсь, но Ленский – еврей!

– Да! Да! Еврей! Еврей!

– Таки его убьют...

* * *

– Рабинович дома?

– Нет.

– Он на работе?

– Нет.

– Он в командировке?

– Нет.

– Он в отпуске?

– Нет.

– Так я вас правильно понял?

– Да.

* * *

Петька спрашивает:

– Василий Иваныч, ты еврей?

– Видите ли, Петр...

* * *

– На следующей остановке выходите?

– Выхожу.

– А перед вами девушка выходит?

– Выходит.

– А перед ней мужчина?

– Выходит.

– А перед ним дама?

– Выходит.

- А перед ней мальчик?
- Выходит.
- А перед ним гражданка?
- Да.
- А вы ее спрашивали?
- Спрашивал.
- И что она вам ответила?

* * *

Объявление: «Нужна секретарша с турецким языком».

Приходит Рабинович. Ему объясняют, что нужна секретарша, а не секретарь.

- Турецкий язык вы хотя бы знаете?
- Нет.
- Так что вы пришли?
- Я пришел сказать, чтобы вы на меня не рассчитывали.

* * *

Еврей-картежник умер прямо за столом... Послали сказать жене:

- Я из игорного дома Кацмана...
- Мой муж играет?
- Играет.
- Проигрывает?
- Проигрывает.

– Чтоб он сдох!

– Уже...

* * *

– Сколько у вас стоят похороны по первому разряду?

– Десять тысяч.

– А можно по четвертому?

– Можно... Тогда покойник несет венок сам.

* * *

– Рабинович, есть ли жизнь на Марсе?

– Тоже нет...

* * *

Двойра стоит на платформе и плачет. Подходит ребе:

– Что такое?

– Я опоздала к поезду.

– На сколько ты опоздала?

– На две минуты.

– А плачешь, как на час.

* * *

Рабинович купил попугая. Тот закричал:

– Покончим с евреями!

– Это надо же... – И Рабинович покачал головой. – С таким носом...

* * *

Контролер говорит еврею:

– У вас билет до Херсона, а поезд идет в Конотоп.

– И часто ваши машинисты так ошибаются?

* * *

– Рабинович, одолжите рубль!

– Ой, не могу! Нету с собой!

– А дома?

– Дома? Вашими молитвами, дома всё хорошо.

* * *

– Хаим, ты знаешь – Рабинович умер.

– То-то, я смотрю, его хоронят...

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

י' אֶמְתּוֹ אִאֵד

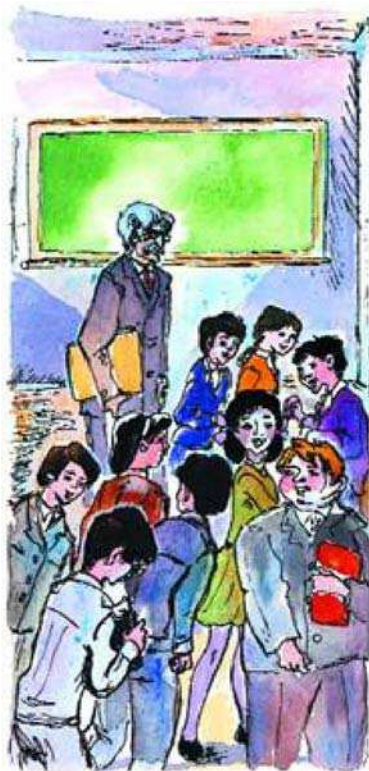
У меня было две тонны совести. Я старался не думать об этом. И всё-таки думал. Аккурат о ней, о совести. И когда Светланка Гольдина гордо отвергала меня – ноль вниманья, кило презренья! – мне хотелось из всех сил кричать:

– А зато у меня две тонны совести!

Но я не кричал, я сдерживался. Стыдно хвалиться совестью. Можно хвастаться старшим братом, воинственным двором, даже пятеркой по арифметике. А совестью нельзя. Стыдно. Совестно хвалиться совестью.

Я был рыжий и ражий увалень. Любил стихи, убегал с физкультуры... Это меня и погубило.

А еще весна, и Славик Цой, и наш новый директор, и вышеупомянутые тонны, о тяжести которых намеревался я доложить золотой девчонке по имени Светланка Гольдина.

* * *

Я появился на свет весной. И в ту весну, о которой речь, мое рождение падало на вторник – день мучительных пыток в физкультурном зале.

На физкультуре был я всеобщей потехой. Питал к себе глубочайшее отвращение. Эти неповоротливые толстые ноги – мои. Белые, слоновьей толщины, руки, на которых жир и рыжая поросычья щетина скрывают мускулы... Я ненавидел физкультуру и не умел перебороть себя.

Но вот наш новый директор – он всю свою жизнь посвятил труду, который вовсе не был его призванием. Кем бы мог он стать, наш волевой железный директор? Я думаю, из него вышел бы великолепный начальник пожарной охраны.

В первый же день своего директорства он рассчитал нас по порядку номеров и сказал:

– Мышцы – вот главное! Бегайте, прыгайте, подымайте гири! Долой хлопиков из наших рядов!

– Вы физрук? – спросил я.

Светланка Гольдина засмеялась. Я почувствовал, как щеки мои разгораются жаром счастья.

* * *

Счастье подстерегает нас в детстве на каждом шагу. Меня тянули к нему за уши. «Будь веселый и жизнерадостный!» – советовали мне. А я упирался. Пасхальный именинник – сидел в угольной яме и читал стихи:

È àáà è îòáá

òááí ò àèè.

À ÷áì íí

ëó:óá äðááëõ?

È ì àèáí ùèèé

ðááæèé Î îòýéá

ðááí ò áé.

Çà äááí èá

То-то и есть, что за двоих. Мы, Славка Цой и я, прятались от физкультуры. Славик жертвовал ею ради кино. Я спешил на собственный день рождения.

Сбежать с физкультуры, однако, было непросто. У дверей дежурила нянечка. Окна заколотили. Мы только издали любовались пожарной лестницей. А подвал, который тоже выводил на улицу, загружен углем.

Но в тот предпасхальный вторник, когда я родился и убежал с физкультуры, никто еще не знал, что в подвале – уголь.

Покуда физрук был с ребятами, мы, Славка и я, пережидали в уборной.

Славик, самый маленький в классе, – «цыпа», «цыпленок». И оттого первым выучился курить. Со стороны немножко смешно – «цыпа» курит. Но я не смеялся. Мне казалось – я потому и Бер (медведь), потому и раздался и вширь, и ввысь, что природа обделила его, цыпленка.

– Клевое кино! – восхищался Славик. – Французское! – И с тоской шмыгал носом. – Ты сколько мне дашь на вид?

Он боялся, что задержат на контроле. Я сочувствовал и как мог обнадеживал:

– На вид?.. Лет пятнадцать на вид.

– Ага! Так и скажу: 15 лет и 3 месяца.

– А зачем три месяца?

– Дурак! – Он с ненавистью осмотрел мою рыжую медвежью фигуру. – 15 лет и 3 месяца – это ведь 16 по-настоящему! Корейцы, к примеру, так и считают...

Когда физрук увел ребят за собой, мы пошли темными гулками коридорами. Наша школа – самая древняя в городе... Ступали осторожно, бесшумно. Но накурившийся Славик кашлял и кашлял.

Вероятно, директор учуял в этом кашле табачный дым. Нежданно-негаданно окликнул нас из другого конца коридора:

– Стой! Кто идет? Почему не на уроке?

– Славик, ходу! – шепнул я.

– Остановиться немедленно!

Конечно, мы опередили директора – ворвались в подвал мокрые, счастливые. Победители!.. Огромное сердце колотилось и бухало. У нас было темно в глазах от скорости и от страха, и мы не заметили, что в подвале – уголь.

Директор стоял за дверью и стучал костяным стуком.

– Считаю до трех. Если не выйдете, запру на замок и будете сидеть до прихода родителей.

Славик тихо сказал:

– За мной отчим придет.

Я молчал. Ясно же, мы в ловушке.

– Раз, два, три! – отчеканил директор.

Что ни говори, он был железный человек. И воля у него была железная. Как у начальника пожарной охраны.

Заскрежетал ключ. Зазвенели шаги. Они были бодрые и жизнерадостные.

* * *

А какая темень, какая черная угол

бная темень поселилась в том подвале! От нее ломило глаза...

– Здорово влопались! – сказал я.

Славик зажег спичку и осветил гору угля, у подножья которой мы примостились. Потом достал сигарету, закурил. Красное пятнышко повисло в воздухе. Сразу стало светлей, легче. Взрослый курит, взрослый думает. Всё хорошо.

И вдруг – писк. Я сроду такого не слышал. Видел, как плачет мать. Однажды застал плачущим отца. Теперь довелось узнать, как плачет Славик, «цыпленок».

– Славка, – сказал я, – у меня сегодня рождение. Хочешь, приходи.

Красная тлеющая точка метнулась в сторону и застыла.

– У отчима, – ревел Славик, – знаешь какой ремень?.. Флотский! – И выл со стиснутыми зубами, не выпуская изо рта сигарету.

– Славик! – заорал я. – Глупый! Не трусь! Мы сейчас отроемся! Слышал, как в шахтах заваливает... А мы – сейчас... сейчас...

Это я себе командовал: не трусь. Потому что мне было страшно.

Славик курил и хныкал. В воздухе приплясывала сигаретка – красный фонарик в темноте.

Я кинулся на уголь, разгребая его, будто плыл «брассом». И думал о том, как вечером мать спросит, зачем продрал локти на новой рубаше и с какой целью так старательно извозил штаны. Мать не будет ругать меня, просто вздохнет:

– Как же ты мог? В день рождения... скоро гости придут... Ну, расскажи по-человечески, что случилось...

Но я, медведь, не могу по-человечески. Стою молча, наливаюсь свекольным жаром беды и не умею ничего объяснить моей маме.

...Раскровенил пальцы и наглотался угольной крошки. Она хрустела на зубах, лезла в глаза. Они слезились, зудели... Славик был внизу. По-прежнему курил да всхлипывал... Пальцы горели, словно их окунули в йод. Я, Пейсах Бер, ворочал уголь и читал стихи. Мне казалось, они про меня написаны:

«Í á ÷ ò í æ á ?

Í ð è á æ á ò á í è á è ò ù ?

Í á ò ò á è í á ò ! »

È Í ò ý è á

í ò á á è è ç à í è á ò ó

à ì á ò í á ð é

í á æ è è á ò .

* * *

Когда Славик Цой выпорхнул на поверхность, я было рванулся следом, но застрял. Крепко, надолго. Голова моя, чумазая и медвежья, с дорожками слез, сунулась из подвала, и ребята, игравшие в волейбол, удивились:

– Ну, морда! Рога на макушку – и черт!

Один присел на корточки и спросил:

– Что, рыжий, пузо мешает?.. Эх ты, туша.

Потом извлекали меня:

– Раз-два, взяли! Еще раз, взяли!

Славик Цой, позабыв про флотский ремень отчима, про 15 лет и 3 месяца – плюс в корейском исчислении, 9 месяцев запасных, – Славик подпрыгивал до самого безоблачного синего неба и вопил:

Ñàèíéíà íà àèòðèíà

íñèíéíà àí àãçèíà

íñèíàí fè çà ñòíèíì !

Сигареты сыпались из его кармана.

Придавленный пятью этажами, я лежал в подвале и задира́л голову. Перед глазами мелькали истрепанные кроссовки Славика Цоя.

Золотое солнце, грохоча по железным крышам, весело катилось в преисподнюю. Трамвайные звонки подгоняли его. Дома, сердясь и волнуясь, мама накрывала на стол, а источник счастья – Светланка Гольдина – отвернулась от моего позора, и плечи ее коржило смешком.

И я не вынес. Изо всех медвежьих сил заорал я про неподъемные тонны:

– А зато у меня... – И задохнулся.

– Жирный, а надуваешься, – сказали ребята. – Мы тебя так никогда не вытащим... Раз-два, взяли! Еще раз, взяли!.. Сама пойдет!

ПЕЙСАХ

Èëáí à Àððè

...È áóóáò, èí ãíà ðèàæóò àáí ... ðíí í áíÿ:

× òí ÿòí çà ðèóæáí èà ó ááí?

È ðèàæáò á áí:

Æáðò áà - Í áéñáò ÿòí Á-ðí í áó...

(Øí í èñ ãèáá «Áí», 11:26,27)

*Á ÿòí ãáó 14 íéñáà - èáíóí Í áéñáò - ððèóíæèòíÿ í à 23
àí ðáéÿ.*

ÒÏ ÒÁËÁ

До двух лет я не расставался с тотеле – так у нас дома соску называли. Никакие бабушкины увещевания не помогали, а дедушка смеялся. Но стоило мне только раз замешкаться, как тотеле исчезла.

Солнце стало припекать, снег растаял. В доме всё вверх дном – готовятся к Пейсаху. Мебель от стен отодвинули, принялись мести по закоулкам. Из-за шкафа, прямо мне в ноги, выкатилась соска!

Смотрите! Моя тотеле нашлась! Вот она!

Схватил я ее и положил в карман. Весь день ходил радостный. Даже стены белил вместе со старшими.

Во дворе кипел на костре большой бак. Вода бурлила, пузырилась, переливалась через край и шипела, попадая на раскаленные угли. Дед аккуратно опускал туда кастрюли, крышки... Я крутился тут же и помогал: швырял в кипяток ножи и вилки с ложками. Через какое-то время дедушка велел мне отойти подальше, а сам достал из огня раскаленный камень и бросил в воду. От бака шибануло паром. Щипцами, очень осторожно, дед постепенно извлек из этого «ада» откошерованную посуду.

Наконец генеральная уборка закончена. Дом весь «вылизан»! И тут ни с того ни с сего бабушка берет бумажки с крошками хлеба и в разные уголки раскладывает!

– Запоминай, куда кладу, чтобы всё собрали, – говорит, – под твою ответственность, а то в Пейсах с хомцом останемся.

Остаток дня я охотился на гуся. Зачем, спросите вы. Перо добыть. А он, паршивец, от меня удирал. Позже мы с дедом облазили все углы со свечкой и моим трофеем – искали хомец. О, это поинтереснее, чем в прятки играть!

Все «сюрпризы» собрали и потом на костре сожгли.

Вечером дед облачился в белый халат. Торжественно водрузил на стол три мацы, прикрыл их специальной, вышитой золотом салфеткой. Затем налил в начищенный до зеркального блеска серебряный кубок красное вино. Перед ним стояло блюдо с горькими травами, вареным яичком, картошкой, хреном, чашечкой с соленой водой, тертым яблоком и, главное, закопченным куриным крылышком – «пасхальной жертвой».

Бабушка зажгла свечи, и начался Пейсах. Раскрыв Агоду, дед приступил к рассказу о наших страданиях в Египте. Мне велел не егозить и задавать вопросы.

Знаете вы, например, что такое «афикоман»? Нет? Так послушайте. Лежат на тарелке три мацы, и каждая символизирует часть еврейского народа: верхняя – первосвященники, то есть «козны», средняя – левиты (храмовые служители), а нижняя – простые евреи. Взял дедушка среднюю мацу и разломил. Большую часть в салфетку завернул и под подушку спрятал. Это и есть «афикоман» – «десерт». За пасхальным столом его последним съедают. Чтоб вкус мацы во рту остался!

Если его стянуть, то!.. Уж я бы потребовал выкуп – велосипед!

Но я задремал.

А снилось мне...

ÒÂDÍ ÎÂÍÈÊ

У подножья горы пасется стадо овец. Пастух, высокий, седобородый, в расщелине скалы увидел вдруг пылающий куст терновника. Подошел поближе, а из пламени к нему человеческим голосом обращаются:

– Моше! Моше!

– Вот я!

– Сандалии снимай!

– Зачем?

– Земля, на которой ты сейчас стоишь, – святая!

Моше разулся.

– Я, Б-г отца твоего, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Яакова, услышал вопль евреев. Час настал. Иди к фараону и выведи народ Мой из Египта!

– Я? Да кто я такой, чтобы разговаривать с фараоном? И что смогу сделать один?

– Не бойся! Я буду с тобой!

– Да и говорить-то я не умею толком, заикаюсь.

– Тебе твой брат Аарон поможет.

– Что я скажу евреям? Кто меня послал?

– Я, Ашем. Тот, Который Был, Есть и Пребудет вечно!

– Евреи мне не поверят, если у меня не будет доказательств.

– Брось свой посох на землю!

Палка превратилась в змея. Моше испугался и побежал от него, а гад за ним.

– Хватай змея за хвост!

Снова посох, и все сучки на месте.

– Положи руку за пазуху, а потом посмотри на нее.

Кожа покрылась белыми струпьями проказы.

– Повтори!

Рука чистая, никаких следов болезни.

– Ну, пожалуйста, пошли спасать евреев кого-нибудь другого!

– Поговори у меня! Пойдешь в Египет как миленький! Приведешь их сюда. Здесь, на этой горе, я дам им Тору! Смотри, посох не забудь. С его помощью ты будешь делать чудеса!

וְאֵלֵי אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל

В день своего рождения фараон сидел в тронном зале, принимал поздравления и подарки. Нарушая церемониал, вваливаются два длиннородых старца.

– Кто такие? Как прошли? Почему без доклада? И как не съели вас мои стражи – тигры и львы?

– Не суетись! Мы по делу. Я, Аарон, и брат мой Моше по велению Всевышнего обращаемся к тебе с просьбой: отпусти народ наш на три дня поклониться Ашему в пустыне.

– Кому-кому?

– Тому, Кто сотворил весь этот мир...

– Мне, что ли? Я весь мир и себя сотворил! Зачем вам уходить?

– Ты не Ашем, Всевышний, сотворивший всё. У Него нет ни начала, ни конца.

– У тебя же, как у всех, есть отец и мать, и ты смертный, хоть и фараон. Мы пойдем в пустыню поклониться Б-гу, так как у тебя, куда ни плюнь, попадешь в идола.

– Чем, грубияны, докажете свои полномочия?

Моше швырнул посох – удав пополз к ногам фараона.

– Ха! Детские фокусы! Маги, ко мне! Утрите им нос!

По узорчатым плиткам пола поползли разноцветные гады.

Аарон протянул свой посох, и тот втянул в себя весь террариум. При этом посох остался таким, каким был.

Говорят наши мудрецы: десять речений, произнеся которые Б-г сотворил этот мир, соответствуют десяти казням египетским.

1-е речение: «В начале сотворения...» – 10-я египетская казнь: «Истребление первенцев».

2-е: «Да будет свет!» – 9-я казнь: «Тьма».

3-е: «Да будет пространство, разделяющее между верхними и нижними водами... И назвал пространство Небом...» – 8-я казнь: «Саранча».

4-е: «Да стекается вода, что под небом, в одно место, и да явится суша... И назвал сушу землею, а стечение вод – морями...» – 7-я казнь: «Град».

5-е: «Да произрастит земля: зелень, траву и деревья...» – 6-я казнь: «Нарывы».

6-е: «Да будут светила...» – 5-я казнь: «Моровая язва на животных».

7-е: «Да воскишит вода живыми существами, а птицы пусть летают по небу» – 4-я казнь: «Нашествие диких зверей, змей, скорпионов и т.п.».

8-е: «Да произведет земля существа живые по роду их: скот, гадов и зверей земных...» – 3-я казнь: «Вши».

9-е: «И благословил их...: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воду в морях, и птицы да размножаются на земле». – 2-я казнь: «Лягушки».

10-е: «Создадим человека» – 1-я казнь: «Кровь» (вода в Ниле стала кровью; на иврите слово «человек» звучит как «Адам», буква А [«Алеф»] обозначает имя Ашем, «дам» – «кровь»).

«Десять египетских казней» соответствуют десяти заповедям (декалогу), выбитым на скрижалях завета, которые получил Моше на горе Синай в Швуэс.

А декалог вмещает всю Тору – 613 заповедей.

– Ну, держись! – вскричал Моше. – Объявляем тебе первую казнь – станет вода в Ниле кровью!

– Подумаешь!

– Посмотрим, что ты через неделю запоешь!

Прибежали подданные:

– Караул! Пить нечего! Рыба протухла! Погибаем!!! А у евреев вода есть! Но, как только кувшином зачерпнешь, сразу кровью становится! Вот если за золото приобретаешь – колдовство не действует. Они нас скоро по миру пустят!

– Эй, слуги, позвать этого, как его? Да, Моше.

– В чем дело?

– Ладно, давай договоримся!

– Отпусти народ!

– Нет, сначала воду верни!

– По рукам! Ну?

– Ха-ха, я передумал!

– Ах так, сейчас заполонят всё лягушки!

Моше вышел на берег Нила. Из реки поднялась огромная лягушка, он ее ударил посохом – посыпались квакушки. Они были повсюду, даже на голове у фараона. Если места не хватало в домах, прыгали в огонь, прямо в печи. Но они там почему-то не сгорали. Если египтянин пытался сказать «Привет!», у него получалось «Кве-квет, ой!». Это оттого, что даже в животах у жителей сидели лягушки!

– Так, ква-ква, ох, дальше, брекекекс, продолжаться, ква, не может! – взмолились слуги фараона.

– Пусть придет Моше! – проквалкал фараон.

– Отпусти народ!

– Выгони лягушек!

– Хорошо!

– Уф!.. А я опять передумал.

– Ну, погоди! – Набрал Моше полные горсти пыли и подбросил в воздух. Тут же все люди и скот покрылись вшами и блохами.

Фараон решил пойти в баню. Кличет слуг:

– Эй, кто там!

Никто не отвечает. Все заняты – блох ловят!

– Моше, ты где? – зовет фараон.

– Здесь, ваше величество.

– Убери эту мерзость!

– Народ отпусти!

– Да! Да! Слово фараона!.. Пронесло? Знаешь, недосуг мне с тобой тут канителиться! Запишись на прием!

– Звери дикие и скорпионы к тебе на аудиенцию придут, а не я!

Влетает в зал первый министр. Глаза из орбит от ужаса вылезают. Язык заплетается, еле дышит:

– Ну, что еще?

– Весь Египет наводнен хищниками. За мной по пятам ягуар несся. Я на колеснице от него не мог оторваться! Пусть эти евреи катятся куда подальше!

– Моше!

– Я весь внимание!

– Прогони зверье!

– Народ отпустишь?

– Непременно!

– Уговор дороже денег!

– Э-м-м, твои евреи – лентяи! Всё бы только гулять и политикой заниматься!

Не давать им впредь соломы для кирпичей, а норму не снижать!

– Ты не человек, а крокодил! Получи мор и падеж скота!

– Испугался, ха-ха-ха!

– Пепел станет нарывами! Град с огнем выбьет все посевы, поубивает скот и людей в полях!

– Ах-ах! Сдаюсь!

– Я жду!

– У меня конференция! Приди попозже!

– Побеседуешь с саранчой! Она съест всё, что осталось после града, и покроет землю слоем в полтора метра толщиной.

– Подумаешь, а мы ее засолим и съедим! Кстати, она села только в Египте! Мы как раз выясним с соседями спорные границы!

– Получи тьму – густую, как сметана, и черную, как уголь! Тот, кто сидел, не сможет встать, кто стоял – сесть! А у евреев в домах будет свет!

– Ты наглец! – завопил фараон. – Не увидишь больше моего лица!

– Да будет так! Но, если не отпустишь нас тотчас же, следующая казнь – истребление первенцев. Умрете и ты, и твой наследник!

Настал черед Ашему и с евреями разобраться. Далеко не все хотели последовать за Моше в пустыню.

– Кому надо, пусть идет, а нам и здесь неплохо.

Во время наказания тьмой вымерли все, кто не хотел покидать «родной» Египет. В живых осталась всего одна пятая. Этим было сказано взять по барашку на семью.

Улицы Египта огласились бляением. Навстречу евреям попадались соседи:

– Куда это вы ведете священных животных?

– Домой!

– А что вы будете с ними делать?

– Зарежем, на вертелах зажарим и съедим!

Египтяне скрежетали зубами.

Евреи же готовились отмечать Пейсах. Им было велено помазать косяки кровью баранов.

Египтяне мерли как мухи. Стон, плач и завывания достигли ушей фараона. Выскочил он ночью на улицу и принялся спрашивать встречных-поперечных:

– Не тут ли живет Моше? Вы его не видели? Ох, передайте, согрешил я перед Б-гом! Отпускаю всех! Пусть выметаются, катятся поскорее!

– Моше!!!

– Мы не торопимся. Сейчас пасхальную жертву доедим, тесто в дорогу замесим, пожитки уложим. А еще надо саркофаг с телом Йосефа найти! Без этого не уйдем. Имейте в виду!

– Пока он копается, меня удар хватит! – вопит фараон.

Моше отправился на берег Нила – выполнять заповедь. Какую? Перед смертью Йосеф взял клятву с евреев: «Коли вспомнит вас Ашем, то при исходе из Египта захватите мои кости с собой!»

На флаге колена Йосефа изображен бык. Поэтому взял Моше золотую пластинку, написал на ней: «Выйдет бык» – и опустил в воду. Саркофаг всплыл.

Вместе с мертвым Йосефом в «землю, текущую молоком и медом» евреи несли родоначальников всех двенадцати колен. Именно ради заслуг «носильщиков» драгоценных тел Творец дал нам «Пейсах шейни», то есть «Второй Пейсах». Его празднуют ровно через месяц, считая от 15 нисана.

Фараон спохватился, опомнился:

– Догнать! Остановить! Вернуть!

И понесся сам в колеснице впереди всех.

Евреи добрались уже до берега моря Суф. Стали входить в воду. По грудь, по шею...

И тут море расступилось. И по двенадцати «коридорам» повели предводители колен свой народ. А вокруг – потрясающие пейзажи. Подводный мир как на ладони. Заросли коралловых деревьев – алых, розовых, серебристо-голубых, зеленых, белых. Ветками машут, приветствуют, ободряют. Вот и берег. Вышли.

Оглянулись, а египтяне с пиками наперевес тоже бегут по этим «коридорам».

Вдруг сошлись воды у них над головами...

Евреи беспокоились:

– Может, враги выбрались на сушу с другой стороны?

Тут волны вынесли на песок тела египтян... Возликовал народ и запел песнь «На море», а женщины ударили в тимпаны и бубны!

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 9–12, 2004; № 1–3, 2005

20. עֵי אֲבָאִי

Читатель наш, конечно, помнит испано-сельбийского принца из Эльмиры по имени Зумаер, о котором рассказывалось в одной из глав и которому случалось несколько раз помогать Хабусу в ратных делах. Герцогство Эльмира граничило с Гранадой на севере и на западе. Столица его тоже называлась Эльмирой. Город живописно раскинулся между горной грядой, на вершине которой стояла древняя сторожевая крепость, и пологим берегом Средиземного моря. В те времена Эльмира, так же как и Гранада, познала небывалый прежде расцвет. Богатства ее множились, а искусства процветали. Число жителей города достигло ста пятидесяти тысяч.

Верховным визирем в герцогстве служил просвещенный мусульманин по имени Муса ибн Бекна, человек богатый и довольно влиятельный. Однако он был всего лишь носителем высокого титула, ибо реальная власть находилась в руках другого мусульманина: его звали Абасом и он, благодаря неслыханному своему богатству, владел всем вокруг. О нем говорили, что ему нет равного в четырех вещах: в наглости, богатстве, скупости и гордыне. Богатство Абаса и вправду было сказочным. По самым осторожным предположениям его собственность оценивалась в десятки миллионов динаров. Дворец богача со всех сторон облепили все мыслимые и немыслимые украшения. Он походил на гигантский торт, облитый разноцветной глазурью. Во дворе чуть не круглые сутки суежилась толпа слуг, занятых устройством всевозможных празднеств. Одним из самых впечатляющих помещений дворца была огромная библиотека, где стояло почти четыре тысячи книг. Там же хранились бесчисленные папки с редкими документами.

Удача улыбалась Абасу всегда: в любом деле, за которое он брался, у него всё получалось. И сам он был молод и красив. Ему только что исполнилось тридцать. Семья его, одна из самых знатных в Эльмире, вела свою родословную от кого-то, кто в далекие времена входил в число приближенных пророка Мухаммеда. Он считался человеком очень умным, знающим, а кроме того, слыл великолепным оратором; его неподдельный пыл, его блестящее остроумие неизменно восхищали слушателей.

Всё это, вместе взятое, совершенно свело Абаса с ума, вскружило ему голову. Он возгордился сверх всякой меры. Его заносчивость, презрение к окружающим не знали границ, его откровенная наглость снискала ему множество врагов. Особенно ненавидели его жители Кордовы. Он приехал туда в обществе Зумаера и при встрече с городскими старейшинами обошелся с ними самым хамским образом. На прощание он еще и объявил этим почтенным людям: «В вашем городе я встретил одних только глупцов да оборванцев».

Абас писал стихи и однажды очень точно сформулировал собственные честолюбивые помыслы:

«Если бы все люди были моими рабами, я и тогда бы не успокоился. И тогда бы дух мой стремился взмыть всё выше и выше – достичь звезд небесных и их превзойти».

По поводу и без повода, особенно во время игры в шахматы, которой был привержен, он любил повторять: «При виде меня горе и беды клонит в сон, им строго-настрого запрещено подходить ко мне даже на пушечный выстрел».

Увы, не читал бедняга Абас изречения наших мудрецов, предупреждавших: никогда не кичитесь своим благополучием. Нелепыми, неумными самовосхвалениями уготовил он себе грядущий крах. Он уже вызвал отвращение и неприязнь всех поголовно жителей Эльмиры, но абсолютно не ведал, что творит. В конце концов один смелый поэт не убоился выразить в стихотворной строфе то, о чем в глубине души мечтали все. Он дополнил любимую фразу Абаса о его неуязвимости, написав: «Но в один прекрасный день Тот, Кто не спит и даже не дремлет, разбудит твою беду и поднимет несчастье твое ото сна».

Будучи арабом, Абас с детства питал сильную неприязнь к берберам и евреям. Он не желал вступления своего принца в союз с Хабусом, потому что боялся в результате потерять большую часть своего влияния на него. Особенно его огорчало то, что союзник принца Зумаера был берберского происхождения; вдобавок к этому он еще держал при себе визиря-еврея. Легко склонив Мусу ибн Бекна на свою сторону, Абас начал на пару с ним строить козни, плести интриги, вынашивать планы... И всё только с одной целью – лишить рабби Шмуэла высокой должности. Они испробовали бесчисленные наветы и наговоры, но поначалу всё оказалось без толку. Тогда, убедившись в бесплодности потраченных усилий, они попытались посеять рознь между эльмирским принцем и халифом Хабусом, уговаривая принца предать своего союзника и переметнуться на сторону его врагов. Это им удалось...

21. NĪĀDĀĪ ĒĀ ṢĀĀĪĀĪ DŪĒĒĪĀ

Дорога из Гранады в Басру тянется среди горных отрогов; большинство обитателей сих необычных мест – жители пещер. Падающие с высоты бесчисленные ручьи, стремительные, полноводные, рассекают горы, создавая узкие, но далеко уходящие вглубь ущелья, внутренняя конфигурация которых разнообразна и затейлива. Тому, кто с вершины окинет взором эту удивительную картину, может показаться, будто он смотрит на заколдованный город, или на окаменевший лес, или на старинную крепость с множеством башен. Камень, составляющий горный массив, достаточно мягок и легко поддается обработке. Местные жители поэтому использовали для своих нужд не только даровой материал, но и сам рельеф, без большого труда высекая в углублениях окна и двери, расширяя их в меру надобности, превращая крутые спуски в удобные, почти пологие проходы.

Стояла глубокая ночь; горные склоны тонули в кромешной тьме. Спали, однако, далеко не все. В огромной пещере собралась целая толпа. То были не местные жители, эти пришлые люди просто заплатили хозяину пещеры за право устроить тут свое сборище в тихий поздний час. Множество факелов освещало подземные своды, тени метались по стенам, приглушенные голоса слабым эхом отдавались в вышине. Всё вокруг выглядело странным и таинственным. Мужчины, облаченные в белое, сидели на земле вокруг кучи щебня. Щебень сгребли в самый центр, чтобы куча служила трибуной для ораторов. Тяжелый, неподвижный воздух наполнял пещеру. Дышалось с трудом.

Но вот на щебень взобрался человек с характерной берберской внешностью. Глаза его горели.

– Друзья и братья! – начал он. – Я собрал вас здесь, чтобы поговорить о крайне важном и секретном деле. Халиф Хабус умер, и его старшему сыну, Бадису, предстоит унаследовать престол. Для нас с вами это может стать катастрофой. Воцарение Бадиса мы должны предотвратить любой ценой. Любой – без преувеличения! Только младший сын покойного халифа, Балкин, только он по-настоящему достоин престола. Бадис – обжора и пьяница. Его влекут к себе лишь пышный титул и вседозволенность, которую сулит абсолютная власть. От такого правителя нельзя ждать серьезного, умелого руководства страной. Иное дело Балкин, человек, преданный Гранаде, мудрый и просвещенный, знающий толк в науках. Однако сложность положения в том, что нам предстоит убрать с дороги прежде всего еврея Шмуэла. Если удастся одолеть еврея – отстранение Бадиса от власти станет легкой задачей. Я знаю, не все присутствующие разделяют мои взгляды, поэтому требую от вас только одного: поклянитесь, что ни одно слово, услышанное здесь, не выйдет наружу без моего разрешения.

– Клянемся! – разнесся под сводами пещеры дружный возглас.

– А теперь, возлюбленные друзья и братья мои, – продолжал оратор, – я счастлив сообщить вам, что большинство граждан страны с великой радостью готово встать на нашу сторону. С нами все уважаемые берберские семьи. Даже некоторые евреи склонны поддержать нас. Бадис, вполне вероятно, не отречется от престола по доброй воле; тогда мы сможем заточить его в подземелье и даже казнить, ибо армия тоже на нашей стороне. Если какая-нибудь часть арабов, приверженцев Бадиса, попытается оказать нам хоть малейшее сопротивление, конец их будет скорым и страшным. Вырежем всех до одного! Теперь же нам более всего важно знать мнение пришедших сюда евреев. Знайте же, евреи: если вы останетесь верны своему Шмуэлу, то станете нам врагами; если отречетесь от него, тогда мы пойдем с вами дальше рука об руку.

При этих словах встал сидевший у стены еврей, подошел к возвышению и заговорил:

– Хочу поведать вам, друзья, о том, что заставило меня прийти сегодня сюда, в эту пещеру. Я сапожник и занимаюсь своим ремеслом уже много лет. Все вы не раз заказывали у меня новую обувь, не раз и не два приносили в починку старую. Но тут послал мне Б-г конкурента. Араба по имени Ибрагим. Обошел Ибрагим всех моих заказчиков и объявил каждому, что готов поставлять ему товар лучшего качества и за более низкую плату. Понятное дело, большинство моих клиентов переметнулось к нему. Возмущенный бессовестностью и наглостью конкурента, я отправился к первому визирю требовать суда и справедливости. Ибо по высшему закону, да и по закону человеческому, евреи должны помогать своим братьям и поддерживать их... Попробуйте теперь угадать, что ответил мне рабби Шмуэл!

В пещере царило молчание.

– Скрывая за слащавой улыбкой равнодушие и черствость, он сказал мне дословно следующее: «Дорогой друг, к сожалению, тут я ничем не смогу тебе помочь. Не пристало мне, облеченному саном главного визиря, вмешиваться в такое дело. Кроме того, понимаешь ли, то обстоятельство, что евреи предоставляют работу чужаку, иноверцу, способно уменьшить ненависть к нам со стороны остальных жителей Гранады. Я же, если приму твою сторону и ограничу чужака в правах, могу лишь усилить эту ненависть». Вот что услышал я от рабби Шмуэла! И ныне источник пропитания для меня иссяк. Ибо всех своих еврейских клиентов я потерял, а других не приобрел.

– Я ведь тоже сильно недолюбиваю визиря, – возбужденно проговорил другой еврей, сидевший поодаль. – И тоже думаю, что довольно ему над нами властвовать. Однако обвинение, которое ты ему предъявляешь, друг мой, не кажется мне обоснованным. Решение рабби Шмуэла в связи с твоим делом я считаю мудрым. Визирь в данном случае рассуждал как политик, заботящийся о благе евреев и о мире внутри государства.

– Он недостойн называться евреем, – возмущенно воскликнул сапожник. – Он ненавидит свой народ и должен умереть!

Молодой человек в еврейской одежде, бедной, но опрятной, протолкался к возвышению и после долгих просьб и перешептываний получил наконец слово.

– А скажи-ка ты мне, нищий бедолага, – произнес он с усмешкой, презрительно глядя на сапожника, – разве это не правда, что рабби Шмуэл в тот день, когда ты явился с жалобой, дал тебе безвозмездно весьма приличную сумму и благодаря ей ты спокойно существуешь без работы и доньне? Я лгу?

– Мне не нужны подачки! – вскричал сапожник, покраснев до ушей. – Я хочу жить трудом своих рук!

– Тем не менее подачку у визиря ты взял, – возразил оратор, горестно вздохнув. – Стыдно, приятель. Я ведь тебя знаю превосходно: ты всегда рад безделью и праздной жизни.

Обращаясь уже к остальным, молодой человек продолжал:

– Не могу долее сдерживаться, не в силах молчать, слушая, как поливают грязью великого человека. Истинно великого. Подобного ему не было в нашем народе вот уже много столетий. И хотя мне ни разу в жизни не перепало от него ни гроша, я обязан за него заступиться. Вот я спрашиваю вас, присутствующих здесь представителей иудейского племени: кто будет заботиться о сотнях и тысячах

юношей, изучающих Тору, если не станет рабби Шмуэла? Кто заплатит писцам за бесчисленные копии священных книг? Кто бесплатно раздаст их учащимся?.. И вообще – разве рабби Шмуэл не величайший знаток Торы в нашем поколении? Разве он для нас не учитель? Не высший авторитет? Всякий, кто причинит ему зло, причинит зло всему нашему народу...

В толпе послышался сердитый ропот.

– Разбейте ему голову! – вопили какие-то разгневанные мужчины.

Несколько берберов, похоже, уже готовы были выполнить эту рекомендацию, однако дерзкий оратор в общем шуме успел спуститься с импровизированной трибуны и незаметно выскользнуть из пещеры. Ночная тьма мгновенно поглотила его.

На кучу щебня поднялся еще один еврей и обратился к берберам:

– Мы, евреи, отвергаем насилие при решении любых вопросов. Пожалуйста, отыщите какой-нибудь другой путь – без кровопролития.

При этих словах глаза берберов, точно по команде, засветились ненавистью. Дикие, необузданные по природе, они и в толк взять не могли, как можно уладить серьезный конфликт без ножа и пули.

– Не согласитесь с нашим приговором, – кричали они вразнобой, но громко и со злобой, – не примете наши условия, каковы бы они ни были, – судьба ваша уподобится судьбе Бадиса и Шмуэла! И она настигнет вас раньше, чем их. Потому что, если вы будете воротить нос и морщиться при слове «кровь», если сами не захотите участвовать в борьбе, вам не выйти живыми из этой пещеры!

Лица евреев побледнели от страха, от предчувствия чего-то ужасного. И тут неожиданно вскочил давешний сапожник и закричал в иступлении:

– Послушайте меня, евреи! Неужели я, простой человек, тачающий башмаки, должен напоминать ученым людям заветы великих наших мудрецов?! «Вставшего, чтобы убить тебя, убей»! – говорили они. Вы что же, всерьез думаете, будто Шмуэл и Бадис оставят вас на свободе, если победят? И разве такой человек, как визирь, отступник, предатель своих соплеменников, заслуживает, чтобы с ним считались?

Растерянные евреи были уже близки к тому, чтобы поддаться уговорам врагов рабби Шмуэла и согласиться на гнусные планы берберов, но тут снаружи внезапно донеслись странные и страшные звуки. Ужасающий грохот сотрясал ущелье, и многократное горное эхо разносило его по окрестностям. Присутствующих охватил страх. В панике высыпали они из пещеры и принялись озираться по сторонам, пытаясь понять, что произошло и откуда пугающий шум. К великому своему удивлению, они ничего нигде не обнаружили. А грохот прекратился. Тем временем восточный край неба начинал светлеть, предвещая скорый рассвет.

Заговорщики разошлись по домам молча и в глубоком смятении.

22 NĪĀĀÒ Ī ÓĀĎĀÖĪĀ

Со смертью халифа перед рабби Шмуэлом встали воистину неразрешимые проблемы. Берберы все поголовно перешли на сторону юного Балкина. Арабы же, напротив, остались на стороне Бадиса. Мнения в среде евреев разделились. Ученики рабби Шмуэла, все, кто вообще составлял ближайшее окружение мудреца, дружно стояли за Бадиса. Однако было сколько угодно людей, полагавших, будто при Балкине им станет лучше. Сторонников Балкина возглавляли три видных члена общины: старый, всеми уважаемый рабби Йосеф ибн Мигаш, судья и глава ешивы, и двое известных в стране мудрецов – рабби Ицхак бен Лион и рабби Нехемия Ашкафа. Рабби Шмуэл считал, что разногласия между евреями представляют гораздо большую опасность, нежели восшествие Балкина на престол или даже гражданская война. Ибо тот факт, что евреи борются и по ту, и по другую сторону баррикад, впоследствии даст повод победителю, кто бы им ни стал, призвать отмщение на их головы, а чернь, как всегда, будет рада отыграться на евреях за все свои невзгоды.

Поэтому рабби Шмуэл видел первейшую свою задачу в том, чтобы привести евреев Гранады к согласию, к единому взгляду на вещи. Ради этого он и призвал к себе на совет наиболее уважаемых членов общины. Рабби Шмуэл, разумеется, считался среди своих соплеменников непререкаемым авторитетом; тем не менее он не мог внушить общине свою точку зрения без поддержки названных выше трех мудрецов, пользовавшихся абсолютным доверием народа. Кроме того, у рабби Шмуэла имелись многочисленные недоброжелатели и даже враги; вследствие самых разных причин эти люди желали ему зла и не прощали обид. Пример тому – хотя бы лицемерный сапожник, вступивший в ряды заговорщиков.

Приняв решение, рабби Шмуэл тотчас послал одного из своих любимых учеников к трем мудрецам – к рабби Йосефу ибн Мигашу, к рабби Ицхаку бен Лиону и к рабби Нехемии Ашкафе. Послал, дабы предложить им встретиться тем же вечером в небольшой синагоге, стоявшей на окраине города.

Мудрецы сразу же откликнулись на приглашение главного визиря; было уже совсем поздно, когда все четверо встретились в условленном месте. Кроме них, на совете присутствовали старший сын рабби Шмуэла Йосеф и старший сын рабби Йосефа Меир. Йосеф, правда, был еще совсем молод, но уж кому-кому, а отцу его было прекрасно известно, что на юношу можно положиться, как на каменную гору, и что он наверняка сохранит всё услышанное в тайне. Именно поэтому он и взял его с собой. Имелась, впрочем, еще одна причина. Рабби Шмуэл хотел научить сына умению постигать многотрудные политические проблемы, находить единственно правильный выход из сложных ситуаций, правовых или каких-либо иных, ни на йоту не отступая от Торы. И Йосефу действительно представился замечательный случай наблюдать, как мудрецы Израиля, несмотря на несходство взглядов, рассуждают, сопоставляют, а затем обосновывают выработанные сообща решения, руководствуясь исключительно законами святой Торы и благом Израиля и ни в коем случае не примешивая сюда какие бы то ни было личные соображения.

Меир, сын рабби Йосефа ибн Мигаша, тоже очень молодой, был всё-таки чуть постарше Йосефа. Он уже изучил большую часть Талмуда и считался одним из самых способных учеников ешивы. Йосеф пошел, чтобы оберегать отца, уже старого, сильно ослабевшего в последние годы и нуждавшегося в том, чтобы кто-то поддерживал его во время ходьбы.

Рабби Шмуэл держал речь первым – как самый ученый и как инициатор встречи:

– Я созвал вас сюда, друзья мои, – произнес он, – ради того, чтобы попытаться прийти к разумному решению, касающемуся наследников халифского престола. Было бы замечательно, если бы мы могли позволить себе просто стоять в стороне, не вмешиваясь в эту историю, и дать здешним людям, принадлежащим к разным народам, самим устраивать свои дела, – чтобы они потом не могли обрушиться на евреев и обвинить их во всех своих неурядицах и ошибках. Но я уже давным-давно вовлечен в дела этого царства и мне никак не отвертеться, не избежать прямого участия в последних событиях. Самое скверное, что у нас нет единого мнения, а посему победитель в борьбе за владение Гранадой не преминет обвинить евреев в открытом неповиновении. Нам необходимо прийти к согласию, выработать общую позицию и таким образом найти способ справиться с новой бедой.

Когда визирь умолк, заговорил рабби Йосеф ибн Мигаш:

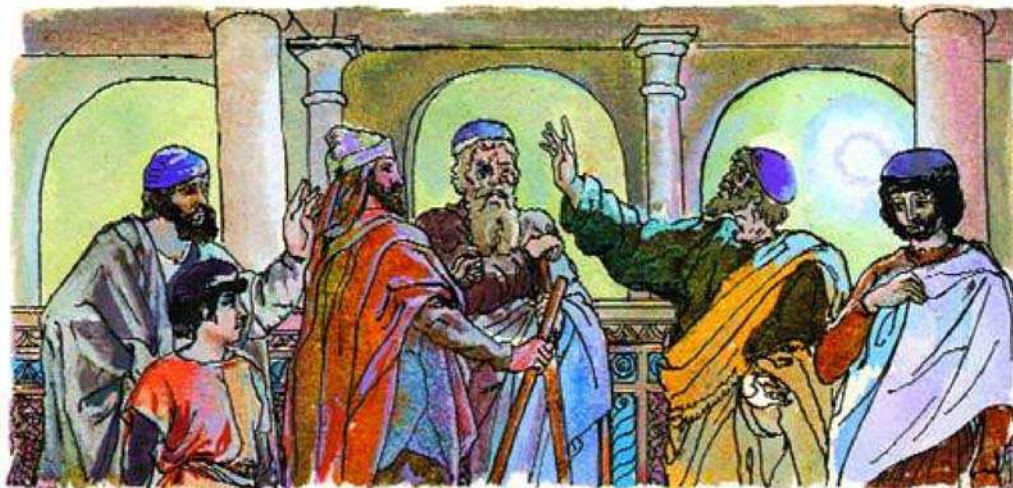
– Мудрые слова произнес наш раввин и учитель. Мудрые и справедливые. Однако возникает вопрос: каким путем сможем мы прийти к единому мнению? Ведь проблема, стоящая перед нами,

заключается не просто в том, чтобы выбрать между Бадисом и Балкином. По существу, нам предстоит выбирать между арабами и берберами, ибо в любом случае вражда одного из двух этих народов нам обеспечена. А это выбор гораздо более трудный. Арабы и берберы с большим трудом уживаются друг с другом, что в любую минуту может привести к кровопролитию. Мы оказались между молотом и наковальней. Именно поэтому я предлагаю поддержать Балкина: он человек разумный, уравновешенный и к тому же в известной мере образованный. Он достаточно силен, чтобы удержать в руках бразды правления и подавить любой мятеж. На такого правителя сможем положиться и мы, евреи. Мы будем жить в уверенности, что он сумеет защитить нас от недругов. Бадис – другой. Это слабохарактерный человек, и даже в случае победы ему не видать спокойного царствования, потому что он попросту не сможет справиться со всеми своими врагами. Уж тем более ему не под силу защитить нас – даже если бы он хотел этого всем сердцем.

– Я полностью разделяю мнение рабби Йосефа, – кивнул головой рабби Нехемия. – Только добавлю: если мы встанем на сторону Балкина и он добьется власти, мы приобретем расположение берберов, а оно для нас предпочтительнее расположения арабов, на которых ни в чем нельзя полагаться. Арабы – народ переменчивый и ненадежный. Никогда не знаешь, в какой из дней недели они вдруг вспомнят о своей тысячелетней ненависти к нам. Еще их первый пророк Мухаммед истребил своим мечом двадцать четыре тысячи душ иудейских.

Рабби Шмуэл некоторое время пребывал в молчании, размышляя и как бы заново оценивая приведенные доводы, потом встал и так ответил на слова рабби Йосефа и рабби Нехемии:

– Да простят меня господа и учителя мои, если не смогу я в этот раз повести себя с подобающей скромностью, ибо речь сейчас идет о безопасности и даже о жизни народа Израиля. Я бы очень хотел слышать ваше мнение единственно верным, чтобы не нарушать общего согласия. Но я занимаюсь политикой вот уже много лет, и Всевышний, по милости своей, как вам известно, до сих пор помогал мне и даровал успех во всех моих начинаниях. Не считите это проявлением гордыни, но я вынужден вам напомнить, что в политических делах я сведущ больше вас. И в совместных действиях нам следует руководствоваться именно моей точкой зрения – даже если я останусь в меньшинстве. Вспомните: Бадис – старший сын покойного правителя, царство ему причитается как по закону Торы, так и по законам здешних народов; и для отрешения его от власти нам потребуются весьма и весьма серьезные аргументы. Без достаточных оснований мы вообще не имеем права выступать против него. Это одна сторона дела. С другой же стороны, сам Балкин уже открыто выступил против брата. Возможно, в этом случае мы получаем право выбрать, кого предпочесть и кого поддержать. Но даже если предположить, что у нас есть подобный выбор и начать рассуждать, кто из братьев более достоин власти, нам всё равно придется прийти к выводу, что власть следует отдать старшему. На мой взгляд, ни малейшего сомнения тут быть не может. Бадис действительно куда меньше годится на роль халифа, чем его младший брат. Однако именно поэтому нам следует его поддержать, ибо, будучи не слишком уверен в себе, он окажет мне полное и всестороннее доверие – как делал его отец. И пока Бадис сидит на троне, я смогу вести дела государства так, как сочту нужным. Совсем иная картина откроется нашим взорам, если к власти придет Балкин. Молодой, весьма самоуверенный, он безусловно не потерпит любого, чье мнение расходится с его собственным, не будет слушать ничьих советов и станет править лишь по собственному разумению. Конечно, нельзя предсказать точно, какова будет его позиция в отношении евреев, но одно совершенно ясно: первым делом он удалит еврея с должности главного визиря, а это в определенной мере развяжет руки врагам Израиля.

Вы говорите, что для нас предпочтительнее оказаться под берберами, нежели под арабами? Это абсолютно неверно. Берберы – народ еще более дикий, чем арабы; в злобе и ненависти они гораздо опаснее. И к тому же очень ненадежны. – Рабби Шмуэл умолк на мгновение, потом заговорил снова. – Кроме того, у меня имеются и соображения личного характера. Перед смертью халиф Хабус заклинал меня обещать ему, что я во всем поддержу Бадиса, старшего сына, и мне пришлось дать ему это обещание в присутствии нескольких почтенных людей. Если я нарушу свое слово, это будет равносильно осквернению имени Всевышнего и неминуемо навлечет на нас беду.

За всё это время рабби Ицхак бен Лион не вымолвил ни слова. Самый молодой из четырех мудрецов не считал возможным вмешиваться в разговор без крайней необходимости. Но тут внезапно попросил разрешения кое о чем поведать:

– Господин и учитель мой, – начал Ицхак бен Лион, – упомянул личные обязательства, которые он взял на себя и которые заставляют его поддержать Бадиса. Должен сообщить вам, что у меня есть схожие обязательства, и они принуждают меня поддерживать противоположную сторону. Примерно год назад я отправился как-то осмотреть один из своих загородных садов. Он разбит не слишком далеко от Гранады. Настало время дневной молитвы; в этот момент я проходил мимо густого леса. Я сошел с дороги и углубился в чащу, чтобы мою молитву не прервали прохожие. Неожиданно на поляне я увидел перед собой человек десять влиятельных берберских мужей, мне хорошо известных. Они о чем-то беседовали, усевшись в кружок, и среди них находился принц Балкин...

При виде меня берберы сначала растерялись, потом вскочили, зашумели и бросились ко мне, крича, что нежданного гостя надо прикончить на месте. Собрание-то было тайным, на нем эти люди обсуждали возможность захвата власти силой и решили в испуге, что я обязательно их предам. Они бы наверняка меня убили, если б не Балкин, который встал на мою защиту. Он объяснил заговорщикам, что я уважаемый человек в еврейской среде и смогу принести им большую пользу, склонив членов своей общины на их сторону. Что таким способом удастся восстановить часть наших единоверцев против рабби Шмуэла. После короткого совещания с меня взяли клятву, что я никому не расскажу о том, что слышал и видел на лесной поляне, и действительно постараюсь убедить евреев поддержать Балкина. Они пригрозили мне, что, если я не сдержу своей клятвы, они убьют и меня, и всю мою семью. Как видите, я был лишен выбора. Пришлось пообещать им всё, чего они хотели. Три дня назад ко мне явился посланец от Балкина, чтобы напомнить о клятве, данной берберам, и потребовать большую сумму денег на их нужды. Понимая, что сопротивляться бесполезно, я отдал деньги. Точно такое же требование Балкин предъявил многим состоятельным членам общины, и почти все уступили, ибо его очень боялись. Этот жестокий человек в состоянии выполнить любую свою угрозу.

Помолчав, первый визирь заговорил:

– Еще не придя к власти, Балкин уже вовсю использует шантаж и угрожает людям насилием. Это поведение преступника, натурального бандита; само по себе оно должно навести нас на мысль, что Балкина необходимо остановить. Нельзя позволить ему прийти к власти! Вопрос только в том, как это сделать. Да, друзья мои, наступили тяжелые времена. Мы не сможем даже объявить общий пост, чтобы не возбуждать злобу в наших недругах. Присутствующих, однако, я всё-таки попрошу поститься положенное

время и постараться склонить к этому святому делу как можно больше мудрых и уважаемых людей, преданных религии праотцев. Обратимся с молитвами к Всевышнему. Да поможет Он нам! Что касается практических шагов, которые мы могли бы попытаться сделать... Увы, теперь я просто не вижу иного способа выправить положение, кроме как помирить братьев. Любой другой путь с неизбежностью принесет нашему народу неисчислимые беды. Я уже говорил вам: кто бы ни одержал верх в этой сваре, он непременно обвинит евреев в непокорности и противодействии своим планам. Но будет еще хуже, если победителя не окажется; тогда Балкин и Бадис заключат перемирие, а вину за свою ненависть друг к другу и за грязную войну, которую сами начали, возложат на нас. Мы уже видели нечто подобное в древние времена: Мидьян и Моав, враждовавшие друг с другом, объявили кратковременный мир и наняли Бильяма с тем, чтобы проклясть Израиль. Конечно, план мой с замирением враждующих сторон выглядит совершенно несбыточным. Это я сознаю. Кто же из принцев просто так согласится уступить престол? Тем не менее мы обязаны сделать всё возможное, чтобы претворить этот план в жизнь. Другого пути у нас нет... Сами-то вы как считаете?

Минуту-другую царило полное молчание. Потом прозвучал голос рабби Йосефа ибн Мигаша:

– Ну что ж, раз другого пути, как ты говоришь, у нас нет, нам, стало быть, и терять нечего. Надо попробовать их помирить. Хуже, во всяком случае, не будет. Поступай, как считаешь нужным, и пусть Всевышний придет тебе на помощь. Пусть благословит деяния рук твоих, работу ума твоего, пусть вложит тебе в уста нужные слова, произнеся которые ты убережешь народ наш от великого горя. Еще сегодня я дам указание десяти вернейшим моим ученикам, чтобы они постились во второй и пятый день недели и чтоб молились за твой успех. Разве для Создателя есть что-нибудь невозможное? Неисполнимое? Помыслы царей в Его руках, и Он устремляет их куда хочет.

Уже занималась заря, когда собеседники наконец разошлись по домам.

Не вернулся к себе лишь рабби Ицхак бен Лион. Ночная встреча привела его в невероятное волнение. Он хорошо знал Балкина, знал лично, и ему тоже казалось совершенно нереальным, чтобы тот согласился помириться со старшим братом. На сердце у рабби Ицхака было тяжело, и он решил выйти за городские ворота – немного прогуляться и развеяться, а заодно и полюбоваться великолепной картиной: окрестностями Гранады в лучах восходящего солнца. Он надеялся, что зрелище пробуждающихся от ночного сна полей и гор успокоит его и он сможет должным образом сосредоточиться на утренней молитве.

Рабби Ицхак пошел через поля, окружавшие город, и поднялся на вершину холма, где был разбит небольшой сад. В саду стоял шалаш, предназначенный для сторожа. На сей раз он оказался пуст, поскольку в ту пору года деревья сада не плодоносили и надобности в стороже не было. Рабби Ицхак вошел в шалаш, присел на низенькую скамеечку и глубоко задумался. Некоторое время он так и сидел, погруженный в свои мысли, пока не донесся до него веселый напев и не вывел мудреца из задумчивости. Всё быстро разъяснилось. Мимо сада шла компания пастухов; молодые парни во всё горло распевали забавные пастушеские песни. Все они были салабийского происхождения. Неожиданно пение прекратилось. Навстречу пастухам шагал молодой бербер; ни с того ни с сего он грязно обругал их, а одному даже плюнул в лицо. Разъяренные пастухи мгновенно вытащили кинжалы, схватили наглеца и приготовились заколоть.

– Проклятые христиане, грязные собаки!.. – вопил бербер, отчаянно пытаясь вырваться из их рук. – Вы еще пожалеете об этом!

– Немедленно прекратите, – послышался громкий голос откуда-то сзади. – Если хоть один волос упадет с головы этого юноши – пеняйте на себя.

Пастухи, совсем еще мальчишки, до смерти перепугались, когда, обернувшись, увидели рабби Ицхака. Несмотря на свой почтенный возраст, тот выглядел весьма внушительно и даже грозно; длинная седая борода придавала ему сходство с библейским пророком. Пастухам, по всей видимости не лишенным фантазии, он показался в тот миг сверхъестественным существом, внезапно спустившимся с неба, дабы защитить бербера, спасти его от их гнева. Они тут же отпустили свою жертву и замерли, парализованные страхом.

Рабби Ицхак, ни слова больше не говоря, взял берберского юношу за руку и двинулся прочь.

И тут, к неслыханному изумлению своему, увидел он, что спасенный им от смерти человек – не кто иной, как сам Балкин, брат Бадиса. В тот тоже миг и Балкин узнал рабби Ицхака. Признательность его воистину не знала пределов!

– Ну вот, – сказал он под конец, успев до того произнести все мыслимые слова благодарности, – сегодня ты с лихвой отплатил мне за то, что я спас тебя от смерти. Год назад, не дав тебя погубить, я и не предполагал, что возможен такой поворот судьбы, что однажды ты тоже спасешь мою жизнь.

Между тем рабби Ицхака случившееся не слишком обрадовало. Позволь он салабийским пастухам прикончить злополучного Балкина, как те и собирались, неразрешимой проблемы, над которой еврейские мудрецы ломали голову минувшей ночью, не осталось бы теперь даже и в помине. Он, однако, прикинулся донельзя обрадованным и ответил принцу, широко улыбаясь:

– Разумеется, ты прав. Вообразить то, что произошло полчаса назад, действительно было трудно. Разрешу себе, однако, заметить, что, спасая твою жизнь, я никому не ставил никаких условий и не искал личной выгоды. Не требовал, скажем, платы, не вымогал обещаний. Я просто пришел тебе на помощь в трудную минуту. И сделал это лишь потому, что мы, евреи, горюем о всякой безвинно загубленной жизни, кому бы она ни принадлежала.

Балкин молчал, опустив голову.

ПАЛЕСТИНСКИЕ НОВОСТИ

יְהוּדִים אֵלֶּיךָ יָבֵי

Говорит Эль Кудс. Вы слушаете радио Палестинской Джамахирии. Передаем новости. Группа иностранных журналистов осуждена на длительные сроки заключения за передачу клеветнических сообщений о положении евреев в лагерях Джамахирии. Всем известно, что евреи в лагерях содержатся в прекрасных условиях, а высокая смертность среди них объясняется тем, что они, как и на свободе, не могут друг с другом ужиться. Как известно, после победы народной власти евреи сами попросили создать для них лагеря, чтобы избежать справедливого возмездия арабского народа.

Члены юденрата 144-го еврейского концентрационно-оздоровительного лагеря Шимон Берес и Йоси Пейлин заявили:

– Мы простираемся ниц перед невыразимой мудростью и величием президента Арафата в неизмеримой благодарности за то, что он счел возможным сохранить наши презренные жизни. И это несмотря на то, что мы умоляли казнить всех евреев, находящихся в лагерях, за их злокозненные действия против мусульман всего мира. Мы призываем всех оставшихся в Палестине евреев перестать прятаться и сдаться на милость властей. Ничего плохого они вам не сделают.

– К сожалению, – заявил президент Арафат, – Евросоюз отпускает нам недостаточно средств для организации культурной жизни евреев в лагерях.

Совет министров Палестины установил новые тарифы на выкуп евреев из лагерей.

Отныне минимальная цена за взрослого еврея составляет 24 млн долларов. Заключение будут выдаваться в виде трупов.

– Мировое еврейство должно дорого заплатить за все страдания, причиненные палестинскому народу в годы израильской оккупации, – заявил Арафат.

Президент Джамахирии потребовал от Евросоюза дополнительных средств на санитарную очистку прибрежной акватории от плавающих трупов. Большое количество трупов объясняется тем, что евреи, в панике перед наступающими войсками соединенных арабских сил, массами топились в море.

Вчера на встрече с министром иностранных дел Джамахирии президент США заявил:

– Новая политическая реальность на Ближнем Востоке исключила возможность возникновения здесь военных конфликтов. Мы надеемся, что новая администрация с пониманием отнесется к потребностям оставшегося на территории Палестинской республики еврейского меньшинства. Впрочем, мы уповаем на добрую волю и коллективный разум палестинского народа и оставляем ему решать этот вопрос по собственному усмотрению.

Изобличена очередная группа еврейского подполья, которая ставила своей целью свержение народной власти и восстановление сионистского режима. Публичные казни 6 тысяч схваченных и изобличенных террористов начнутся сегодня. Премьера состоится в 12.00, на площади Арафата (бывшая площадь Сиона). Карательно-развлекательные акции будут продолжаться с 10 утра до 8 вечера ежедневно, кроме пятницы. Те, кто не посетит мероприятие в течение ближайших двух недель, будут выселены из города, а их имущество – конфисковано.

Администрация Джамахирии просит всех граждан, которым известно что-либо о скрывающихся евреях, сообщать об этом властям. За каждое подтвержденное сообщение вручается премия:

150 г хлеба, 6 маслин и полбутылки «Пепси-колы». Мы обещаем всем пойманым жизнь и хорошее отношение.

А теперь прослушайте песенку «Всех евреев передушим мы своими ручками» в исполнении хора детсада «Юный шахид».

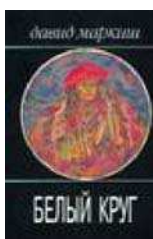
СТАТЬ КАЦЕМ

Áàæä Î àðèèø

Çàì èñèè ì îõîðîí ùèèà

Î.: Îèè ì, 2004 - 272 ñ

Áæüé èðáä

Î.: Èçîäðàóáñ 2004 - 256 ñ

Давид Маркиш – писатель известный и заслуженный. Родился он в семье знаменитого еврейского поэта Переца Маркиша и сам тоже дебютировал как поэт. Потом перешел на прозу, репатрировался, стал председателем Союза русскоязычных писателей, а потом и президентом Ассоциации творческой интеллигенции Израиля.

Пишет Маркиш много, пробует себя в разных жанрах. Только за последний год вышли две его новые книги – сборник рассказов «Записки похоронщика» и роман «Белый круг». Сам автор считает себя прежде всего романистом, утверждая (в интервью Татьяне Бек), что ему «проще управляться с формами, более объемными, чем рассказ». С романа мы и начнем.

Потомки гениального, но почти забытого художника Матвея Каца ищут картины своего великого родственника, возрождая его имя из небытия. Действие книги переносится из одной эпохи в другую, столь же стремительно меняются и страны: Германия, Соединенные Штаты, Израиль, Казахстан, Россия... «Белый круг» точнее всего было бы определить как авантюрное повествование с философскими отступлениями. Сюжет его «закручен» не хуже детективного, однако не меньшую роль в романе играют разнообразные вставные новеллы – от вроде бы случайных, «посторонних» зарисовок до рассуждений об авангардном искусстве и попыток разобраться в природе «бессмысленного и беспощадного русского бунта», а заодно и вывести формулу национального характера.

В названии романа содержится отсылка к «Черному квадрату» Казимира Малевича (Кац – творческий антипод Малевича), а за самим Кацем угадывается легендарный алма-атинский живописец, ученик Петрова-Водкина Сергей Калмыков (1891–1967). Впрочем, «угадывается», наверное, не то слово: автор сам в многочисленных интервью подчеркивает, что писал роман о Калмыкове. «А зачем у меня русский человек Сергей Калмыков назван еврейским именем Матвей Кац – это уже совсем другой разговор», – добавляет он. Эта загадка, конечно, не из сложных. Судьба еврея – универсальная метафора изгойства, а едва ли можно найти большего изгоя, чем русский художник-авангардист, которому выпало

жить в самые «глухие» годы XX века, да еще в провинции, каковой была советская Алма-Ата, несмотря на свой столичный статус.

«Белый круг» – не первый опыт прозаика по вкраплению в художественное произведение элементов беллетризованной биографии. Несколько лет назад вышел его роман «Стать Лютовым», главный герой которого, Иуда Гроссман, отчетливо напоминал Исаака Бабеля (под фамилией Лютов Бабель сопровождал Конармию Буденного). Бабель, впрочем, фигура не только очень известная, но и знаковая для сознания русско-еврейского интеллектуала, так что обращение писателя к этой фигуре было вполне объяснимо. Слава Калмыкова гораздо скромнее.

Маркиш, как и большинство советских интеллигентов 1960–1970 годов, узнал о нем из романа Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей»: «Я спросил: “Юра, скажите, вы этого художника реально видели или вы его выдумали?”...Юра ответил, что он его видел, был с ним знаком и так далее, и так далее. Таков был мой первый интерес к Калмыкову». Читатели Домбровского помнят яркий портрет художника, так поразившего автора, что он, дабы ввести этот образ в роман, фактически останавливает действие и начинает рассказывать о Калмыкове (тот выведен в книге под своим настоящим именем): «Когда художник появлялся на улице, вокруг него происходило легкое замешательство. Движение затормаживалось. Люди останавливались и смотрели. Мимо них проплывало что-то совершенно необычайное: что-то красное, желтое, зеленое, синее – всё в лампах, махрах и лентах. Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтобы они были совершенно ни на что не похожи». Экстравагантность эту Калмыков объяснял так: «Вот представьте-ка себе: из глубин Вселенной смотрят миллионы глаз, и что они видят? Ползет и ползет по Земле какая-то скучная одноцветная серая масса, и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

Впоследствии, занимаясь русским авангардом, Маркиш пришел к убеждению, что Калмыков стоит в одном ряду с такими величинами, как Казимир Малевич, Павел Филонов, Владимир Татлин или Эль Лисицкий. Вместе с Алексом Орловым он создал «Фонд Калмыкова». Одной из важнейших задач фонда является собирание наследия алма-атинского живописца – после него осталось более полутора тысяч работ и около десяти тысяч страниц рукописей.

В какой-то мере и «Белый круг» представляется своего рода пиар-акцией, призванной привлечь внимание к творчеству Калмыкова. Такая версия объясняет и авантюрный сюжет, и признаки беллетризации повествования, позволившие обозревателю журнала «Континент» в рецензии на этот роман сделать жесткий, но обоснованный вывод о том, что он «отдает духом коммерческой литературы».

Гораздо интереснее, на мой взгляд, рассказы Маркиша, вошедшие в «олимпийскую» книжку. Она состоит из двух самостоятельных циклов: первый, давший название сборнику, – «Записки похоронщика», второй – «Золотая башня». Случай из жизни, зарисовка, почти очерковая по сути и одновременно заряженная энергией новеллы, – вот тот жанр, в котором «уютнее» всего чувствует себя Маркиш-прозаик (даром что сам он считает по-другому). Стоит ему найти свою форму, как язык его обретает емкость и образность, отсутствующие в романе. Зарисовки быта израильской богадельни, советской Москвы, постсоветской Средней Азии, портреты их обитателей одинаково удаются Маркишу.

Но особенно удачен заглавный цикл – «Записки похоронщика». Не слишком оригинальный по замыслу – автор публикует якобы найденные им в ящике купленного по случаю письменного стола рассказы «похоронщика» Вениамина Семеновича Белоцерковского, – он очень хорош по исполнению. Казалось, лагерная проза в произведениях Шаламова, Солженицына, Синявского, Довлатова и других исчерпала себя, но автору удается найти новый угол зрения, продемонстрировать через профессию своего героя – «человека кладбища» – обыденный мистицизм гулаговской жизни, показать самую суть этого, как сказали бы экзистенциалисты, «бытия-на-краю».

Ī ēōāēē ŸāēēōōāēēĪ

ПАМЯТИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Ī ēōāyēü Äēē

Ṣāēāō Ēāī ēāīāāāā Nāēāāō āēüñō āī Ī āī āōēīā āāāyū

*Ñī á: Äēī āēēīī; Ī īōñāī : Ī āī āōēēē ōīōōī āīñōī-īīāāōīī āēñēīē
ēōēüō ōōū, 2004 – 352 c.*

Воспоминания западногерманского музыканта Михаэля Вика «Закат Кенигсберга. Свидетельство немецкого еврея» (нужно специально отметить блестящий перевод Ю. Волкова под редакцией известных литературоведов Ренаты фон Майдель и Михаила Безродного) – пожалуй, самый известный мемуарный источник о второй мировой войне и Холокосте на территории Восточной Пруссии. В городе Канта и Гофмана автор прожил весь период нацистского правления и несколько послевоенных лет. Уникальность его свидетельства несомненна: по словам самого мемуариста, «только трое из носивших в Кенигсберге желтую звезду пережили преследования, войну и русскую оккупацию».

Подобно дневнику Анны Франк, книга Вика более всего поражает контрастом между обычной жизнью подростка (Михаэль родился в 1928 году) – первые влюбленности, занятия музыкой, религиозные раздумья – и тем историческим фоном, на котором всё это происходит. В случае Вика ощущение усиливается картиной разлома, проходящего внутри одной семьи. Автор «Заката Кенигсберга» по отцу полунемец, полушвед, а по матери – еврей, и потому, пока он сам, его родители и родственники матери ожидали депортации и гибели, его кузина-кинозвезда обедала на приемах у Геринга и Гитлера, дядя, убежденный нацист и офицер бронетанковых войск, воевал на Восточном фронте, а двоюродные братья служили в СС.

Особое место в своих воспоминаниях Вика уделяет разоблачению видных сторонников нацистского режима, которые после войны получили репутацию едва ли не убежденных антифашистов. Речь идет в первую очередь о немецком коменданте Кенигсберга генерале Отто Лаше. Мемуары Вика содержат полемику с той версией капитуляции размещенного в Пруссии немецкого гарнизона, которую излагает в воспоминаниях сам Лаш. Автор «Заката Кенигсберга» обвиняет генерала в том, что в апреле 1945 года Лаш до последнего отказывался сдать город советским войскам, чем многократно увеличил количество жертв среди гражданского населения и дополнительно ожесточил наступавших.

Не меньше внимания в книге Вика уделено деятельности ординарного профессора кафедры общей психологии Кенигсбергского университета, будущего нобелевского лауреата и всемирно известного ученого Конрада Лоренца. Во время войны он был одним из видных теоретиков расовой чистоты, обосновывавшим понятие «выбраковки». В качестве критерия таковой Лоренц предложил следующую формулу: «Хороший человек нутром чувствует, когда имеет дело с негодяем». Впоследствии Лоренц отречется от своей проповеди, однако Вика от лица тех, кого психолог призывал уничтожить, отказывается принять его покаяние, видя в нем лишь попытку самооправдания: «В будущем Конрад Лоренц займется критикой многих “смертных грехов”, но, к сожалению, забудет упомянуть один из худших – беспринципную привычку шагать по трупам!»

Свидетельств о жизни евреев в Третьем рейхе издано немало, в том числе и по-русски. Однако для российского читателя мемуары Вика могут стать настоящим шоком. Дело в том, что значительная часть его книги посвящена рассказу о жизни кенигсбергцев после войны, в условиях советской оккупации.

Преступления советских войск на занятых ими территориях описывались неоднократно, в том числе в «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына и в книге Льва Копелева «Хранить вечно». Однако взгляд автора «Заката Кенигсберга» – это взгляд не из стана победителей, а из стана побежденных. Тот, кто был евреем для нацистов, стал немцем для союзников – сначала для бомбивших жилые кварталы города англичан, а потом для аннексировавших Восточную Пруссию Советов.

Читать вторую половину книги Вика даже страшнее, чем первую. Для гражданского населения, даже еврейского, как показывает мемуарист, с приходом Советской Армии ничего не изменилось, положение мирных жителей едва ли не ухудшилось. Не случайно именно к периоду советской оккупации относится глава под названием «“Кладбище” Кенигсберг». Даже упоминавшиеся свидетельства Льва Копелева, потрясшие в свое время российских читателей, кажутся Вика слишком щадящим описанием происходившего. «Масштабы и продолжительность бесчинств он преуменьшает», – указывает мемуарист, комментируя копелевский текст.

Впрочем, Вик прекрасно понимает разницу между зверствами немецкими и советскими. Если для первых он не видит никаких смягчающих обстоятельств, то, рассказывая о вторых, постоянно оговаривается: «Следовало бы, однако, почаще вспоминать о том, что их объявили недочеловеками, что на них вероломно напали и что их страну разорили. Каждый русский нес в своем сердце боль за миллионы павших в бою, умерших от голода, за убитых родственников или знакомых».

При советской власти Вик прожил три года. В 1948 году он был выслан в Германию, и на этом война для него закончилась.

Ī ēōāēē Ÿāāēūōōāēī

БИЗНЕС НА «ЛУЗЕРАХ»

Àààèä Åðííí àí

Ñ èàì áú ìíááííòú

Ì .: Òáí òíì -Ì ðáíí, 2004 - 479 с.

Положа руку на сердце: чтобы понять, стоит ли читать эту книгу, ее не надо открывать. Достаточно посмотреть на заднюю страницу обложки. Семь полубессмысленных хвалебных цитат из английских и американских ежедневных газет для любого русского интеллектуала, вне зависимости от происхождения и страны проживания, – достаточная причина, чтобы положить книгу обратно на магазинную полку. То, что сопровождается «паблисити», – заведомо не литература: это потребительский товар, вроде жвачки «Орбит» и пива «Клинское».

Давид Гроссман именно и есть поставщик потребительского товара на литературный рынок. Поставщик, надо сказать, солидный, уважаемый коллегами, прекрасно чувствующий потребности рынка. Начиная с 1987 года, он написал семь романов; искры Б-жией нет ни в одном, но все они прекрасно продаются, переводятся в Европе, получают всевозможные премии.

Чтобы написать то, что сейчас называют труднообъяснимым сочетанием «культовый роман», надо быть хорошим ремесленником, пропагандирующим идеи, банальность которых чудовищна, но которые доньше вполне пригодны для выкрикивания в качестве великого морального принципа. Именно это Набоков называл «литературой больших идей» – ничем не отличающейся от обычной дребедени, но представляемой читателю в виде больших гипсовых кубов, переносимых с места на место... ну, сами помните.

Предыдущие романы Гроссмана, включая самый известный – «культовый» гипсовый куб под названием «Желтое время», пропагандировали любовь к арабам и нелюбовь к армии. В 80–90 годах это в Израиле было модно. Фабулу Гроссман придумывать умеет, иврит у него чистый и интеллигентный, – неудивительно, что какое-то время он считался писателем если не на уровне «живых классиков» А.-Б. Иехошуа и Амоса Оза, то, по крайней мере, ничем не уступающим Ицхаку Бен-Неру или Биньямину Тамузу.

Однако в какой-то момент арабофилия перестает продаваться – что поделаешь, даже самые большие идеи от частого употребления портятся и начинают приванивать. Чтобы остаться в мейнстриме, надо найти новых несчастных для воспевания. И тут появляется «С кем бы побегать» – роман о молодых маргиналах. Этаких израильских босяках из раннего Горького – «лузерах», жертвах общества, которые звучат гордо и от которых дурно пахнет. За сто лет с водки перешли на героин, других изменений нет. Велено сочувствовать и оплакивать.

...Значит, так. Был некто Шай, плакса и бездельник, хорошо игравший на гитаре. Поскольку родители его чрезмерно тонкой души не понимали, он «сел на иглу», какое-то время таскал из квартиры деньги и вещи, а потом вообще канул куда-то. Ну, вы же понимаете – это, конечно, виноваты папа, мама и бездуховное общество!

Именно так и рассуждает главный положительный герой, 16-летняя младшая сестра Шая Тамар. Вообще-то девушка с синдромом бродяжничества, с 14 лет сбегает из дома. Опять-таки виноваты бездуховные родители. Тамар в очередной раз на месяц уходит от них, не оставив записки, бреет голову для конспирации, переодевается во всё грязное и внедряется в молодежную коммуну уличных музыкантов,

служашую прикрытием банды воров-карманников, а заодно и наркомафии. Всё, разумеется, кончится хорошо – злодеев арестуют, брат вылечится, родители раскаются, Тамар найдет свою первую любовь.

Нет, господа, я не издеваюсь и даже не насмехаюсь. Это прекрасный сюжет для подросткового романа. Не хуже, чем у Диккенса и Александра Дюма. В Израиле книга Гроссмана была заранее обречена на успех – хотя бы потому, что израильская подростковая литература катастрофически стерильна, этакая запоздалая «Розовая библиотека» с непрменной моралью в конце каждого опуса. Кстати, и взрослые почему-то очень любят читать книжки и смотреть фильмы про плохих детей, попадающих в лапы злодеев. Прибавьте несомненное умение писателя выстроить интригу, очертить характер; прибавьте «качественный» иврит, живой слог – и вы поймете, почему роман «С кем бы побегать», изданный весьма приличным тиражом, получил в Израиле престижную премию Сапира и быстро разошелся.

Рискну предположить, что в России ему это не грозит. Прежде всего потому, что описанием быта маргиналов наших подростков не удивишь. В России такого добра еще с горбачевских времен столько понаписано, что на сто лет вперед хватит. Чужой наркоты нам не надо – не знаем, куда свою девать. Основной пафос романа Гроссмана заключается в том, что любви и сочувствия заслуживают только полные неудачники, а в России сейчас как-то не слишком принято любить «лузеров», это устаревшая мода, времен пьес Виктора Розова и фильма «Ирония судьбы».

Кроме того, очень неудачный перевод. Гали-Дана Зингер замечательно переводит израильскую поэзию, даже из рук вон плохую. Такой Яков Козловский в иерусалимском варианте: может сделать поэтом кого захочет! Но с прозой Гроссмана у нее, к сожалению, ничего не получилось. Пока идет авторская речь или звучат внутренние монологи – всё в порядке; чуть начинается обмен репликами – хоть караул кричи! Автор речи многих своих персонажей придает характерные особенности. Конечно, пришлось искать максимально точные аналоги и в русском. Но «перестилизация» не увенчалась успехом: диалоги откровенно раздражают.

Например, злодеи и воры должны изъясняться на уличном иврите. Автор всё делает элегантно: не пересыпает речь героев корявыми фразами, не заставляет их «ботать по фене», но тут и там расставляет опознавательные знаки «низкого» стиля. Скажем, употребляет разговорное «зоти» вместо интеллигентного «зот» («эта»). Я не готов объяснить переводчику, как именно надо было поступать, я и сам не знаю, но автоматически передавать «зоти» русским «энтот» категорически неверно. «Энтот» – совершенно другой сленг, так говорят живописные пейзажи Василия Белова, которым на улицах Иерусалима просто нечего делать! Точно так же – слово «иллюзионизм» невозможно в устах профессионального импресарио, пусть он хоть десять раз возглавляет наркомафию. А девочка, знающая, как зовут кошку Алисы из Кэрролла, вряд ли станет употреблять выражения вроде «в одиночку на улице не канает» и ни в коем случае не скажет: «типа об искусстве думает».

Совершенно апокалиптические размеры обретает это несоответствие стилей при передаче речи монахини Теодоры, говорящей на устарелом иврите начала прошлого века, иврите Бренера и Бердичевского. Монологи Теодоры перевод превращает во что-то ужасное и совершенно нечитаемое – безумный волапук из русского и неграмотного старославянского. А поскольку Теодора – персонаж хоть и не первого плана, но всё-таки возникающий в романе несколько раз, причем с достаточно пространными текстами, в конце концов либо теряешь нить повествования, либо начинаешь пропускать куски. И в конце концов всё равно теряешь нить повествования.

Подводя итог: если в Израиле на «лузерах» можно было сделать хороший бизнес, в России это никому не светит.

Ài èòdèé ĭ òrèîòùù

ТЕВЬЕ-МОЛОЧНИК ИЗ ОЛИМПИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ.

НАШ ОТВЕТ АМЕРИКАНСКОМУ МЮЗИКЛУ

יְרֻעֵם אִי־יִשְׂרָאֵל אֵי־אֵם אֵי־עַד אֵי־אֶבְרָהָם אֵי־עֵי־אֵי־יִשְׂרָאֵל

«יִשְׂרָאֵל אֵי־אֵם אֵי־עַד אֵי־אֶבְרָהָם אֵי־עֵי־אֵי־יִשְׂרָאֵל»

יִשְׂרָאֵל, 2004

Американская телеверсия знаменитого мюзикла Джерри Бока «Скрипач на крыше», в отрывках показанная по российскому телевидению, начиналась с того, что актеры, выполняя энергичные движения, означавшие деревенскую работу, хором повторяли слово «традишен». Дескать, посмотрите, как евреи любят свои традиции: в украинской деревне по-английски поют это слово. На взгляд российского еврея, выглядит всё это диковато, а вот в Нью-Йорке имело успех. Мюзикл, впервые поставленный в 1964 году, шел непрерывно более трех тысяч двухсот сорока раз, что является абсолютным рекордом существования бродвейского мюзикла.

В музыкальном спектакле Государственного музыкального театра национального искусства «Поминальная молитва, или Скрипач на крыше» в постановке Владимира Назарова артисты, стоя на вращающемся помосте, скандируют слово «обычай». Тоже три слога, на музыку ложится хорошо... Таким образом, преемственность налицо.

«В деревне Анатовка с давних пор жили русские, украинцы и евреи. Жили вместе, работали вместе, только умирать ходили каждый на свое кладбище... Таков обычай! Здраваясь, русские снимали шапки. Евреи шапок не снимали никогда!.. Обычай!» – открывает действие Тевье, обращаясь к залу.

Спектакль представляет собой соединение наиболее ярких моментов американского мюзикла и пьесы Григория Горина «Поминальная молитва», написанной по повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». Причем музыкальные моменты сценически повторяют мюзикл, а драматические отрывки отсылают к постановке Марка Захарова по горинской пьесе. В оформлении занавеса и декораций использованы образы из полотен Шагала, в хореографическом решении – традиционные еврейские танцы. Весь этот набор узнаваемых элементов еврейской культуры обеспечивает достаточную яркость спектаклю, жанр которого я определить затрудняюсь. Спектакль не столько о бывших российских евреях из черты

оседлости, сколько о том, как, в соответствии со сложившимися стереотипами, видят их доброжелательно настроенные представители других национальностей.

«Поминальная молитва, или Скрипач на крыше» поставлен режиссерами Владимиром Назаровым и Николаем Попковым минувшей осенью, и первый год идет как премьерный. Он выдвинут на театральную премию «Золотая Маска» по трем номинациям: лучший спектакль, лучшая женская и лучшая мужская роль. На лучшую женскую роль номинирована Людмила Гордиенко, сыгравшая Голду, жену Тевье. Для нее это не первое обращение к образу Шолом-Алейхема. Людмила Гордиенко играла ее в спектакле «Тевье из Анатовки», поставленном в свое время Юрием Шерлингом в Камерном еврейском музыкальном театре. Актер Игорь Томилов, играющий Тевье, претендует на лучшую мужскую роль. Нельзя не отметить яркую игру заслуженного артиста России Александра Резалина в роли свата Менахема-Мендла (театралы запомнили этого актера по театру-кабаре Григория Гурвича «Летучая мышь»).

В концертном комплексе Олимпийской деревни, где базируется Государственный музыкальный театр национального искусства под управлением Владимира Назарова, полуторатысячный зал заполнен на три четверти, в основном неевреями. Публика заинтересованно следит за действием, где надо – смеется, где надо – сострадает. Это означает, что еврейская тема перестала быть запретной, неуместной или экзотической, как было при советской власти, она не вызывает у зрителя отторжения. Можно сказать, что спектакль, построенный на еврейском материале и посвященный общечеловеческим проблемам, сегодня становится естественной частью российского театрального процесса.

Àëàñíà ãð Ðàííííðð

Президент ФЕО СНГ рассказал, что, когда он был ребенком и рос в Ташкенте, «в условиях репрессивного коммунистического режима», изучать еврейские традиции и историю можно было «только тайно и в постоянном страхе». Но именно это научило его уважать и любить еврейские корни и еврейские ценности.

«Парадокс сегодняшнего дня в том, что сейчас, находясь в свободном мире, мы столкнулись с большей угрозой потери наших корней и еврейской самоидентификации. Именно поэтому я считаю своим долгом делать всё, что в моих силах, чтобы противостоять этой проблеме в бывшем СССР и во всем мире. Сегодня я благодарю Б-га за то, что мне предоставлена возможность активно поддерживать более ста еврейских школ, которые ежедневно посещают многие тысячи учащихся. Эти школы стали, каждая в своем городе, центром притяжения евреев, формообразующим элементом общины. Нам удастся повернуть вспять пагубную тенденцию еврейской ассимиляции и вернуть ценности еврейской жизни в 15 государствах бывшего СССР».

«Еврейское образование – это наш долг, мы обязаны считать его выполнение своей первоочередной задачей, – сказал в заключение Леви Леваев. – Мы, евреи, всегда умели действовать и выбирать верные решения. В декабре 2004 года, когда мир содрогнулся от удара цунами, Американский еврейский комитет стал одним из крупнейших доноров в мире. Еврейское сообщество немедленно собрало для пострадавших десятки миллионов долларов. Сегодня мы сами, еврейский народ, стоим перед лицом цунами ассимиляции. Убежден, что все собравшиеся здесь должны рассматривать обеспечение национального выживания нашего народа как свою жизненно важную миссию».

ААГ

ΑΕΟΔΙ ΑΕΕΝΘΟΥ Ι ΔΙ ΟΕΑ ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΟΕÇΙ Α Ε ΕΝΑΙ ΓΟΙΑΕΕ

24 óááðáæý á Ì ÁΓ Όá ððîíγέαíü ïðáçáí ðáæéý Γòèðíîíá ïðáíí-έέçáá, ïðáíí-έçááí ïíá Óááðáðáæéáé áðáæéíééð íáííéí ðíííé. Γá áá çáíáááí éýü, éí ðíðá áááðò ïðíðáæòü ïáíéíéüéí ðáç á ï áíγü, æøðíáæéíüü ðí ïáðò ïáííæááòü ïðíáçáí ü éíáííòíáéé, ïáðéííáéüííé ïáðáðíéííðé è áí ðéííü èòéçí á áí áíðáí áááðüéí è ïíéèðééáí è, ïáíáíðááí ïü è ááγüáéýí è è ó-áí ü è.

Глава Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин отметил, что наблюдавшийся в январе всплеск национализма в обществе представляется во многом искусственным, «точечным и направленным». «Мы отдаем себе отчет, что уровень национальной нетерпимости в обществе никогда не может упасть ниже нуля – так не бывает», – сказал он. И при этом подчеркнул, что уровень национализма является «лакмусовой бумажкой» многих процессов в обществе. Борух Горин призвал собравшихся журналистов и экспертов оценить недавние антисемитские эксцессы, предложить стратегию действий и выработать правильную реакцию на подобные явления, которые наносят громадный вред всему обществу и государству. Он подчеркнул, что пресловутое письмо 19 депутатов – это не что иное, как «пробный шар», и, как говорится, нет худа без добра: «Общество, пресса и власть смогли показать свое отношение к этому».

Новый пресс-секретарь ФЕОР Тимур Киреев отметил, что на первое заседание пресс-клуба пришли не только журналисты, но и общественные деятели. Он предложил бороться с ростом ксенофобии в обществе путем распространения достоверной информации о культурах различных народов и их традициях.

Член общественного совета ФЕОР режиссер Юлий Гусман назвал саму традицию публичного обсуждения проблем, связанных с антисемитизмом, «шизофренической», «раздувающей мыльные пузыри». «Когда я смотрел программу “К барьеру!”, чувствовал омерзение», – сказал режиссер. По его мнению, само обсуждение темы было безнравственным, антисемит просто должен был «получить по морде».

Исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель рассказал о новой программе ФЕОР по борьбе с антисемитизмом. «Мы создали специальный отдел для борьбы с антисемитизмом и пригласили опытного юриста для ведения дел по статье 282-й (“разжигание межнациональной розни”), – сообщил он собравшимся. – Кстати, при подборе юриста выяснилось, что в России практически нет специалистов, которые занимались бы делами по данной проблематике».

Член общественного совета ФЕОР телеведущий Лев Новоженев назвал передачу «К барьеру!» с участием Макашова «возможной разработкой спецслужб», обратив внимание присутствующих на то, что в последние годы «генерал» практически не появлялся на телеэкране. Лев Новоженев отметил, что евреи «должны защищать себя, защищая других людей, оказавшихся в положении евреев; бороться с любыми проявлениями ксенофобии». Известное письмо депутатов в Генпрокуратуру тележурналист назвал «чистой публицистикой».

Заведующий отделом по работе с религиозными объединениями Департамента по межнациональным отношениям Министерства регионального развития Олег Сабов выразил желание сотрудничать с ФЕОР и получать необходимую информацию в рамках мониторинга проявлений антисемитизма. Он выразил уверенность, что «российские власти будут жестко пресекать все действия, посягающие на национальную идентичность тех или иных групп населения России».

ЕЩЕ РАЗ О ДЕМОКРАТИИ И ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ

3 марта газета эстонской центристской партии «Kesknadal» опубликовала статью «Историю нельзя продавать с аукциона», содержащую оскорбительные высказывания в адрес евреев.

Автор статьи, в прошлом солдат Эстонского легиона Йоханнес Саар, пытается доказать, что члены правительства Эстонии, принявшие решение о снятии памятника солдату в ээсовском мундире в Лихула, плохо знакомы с историей, поскольку символика, которую они посчитали нацистской, на самом деле уходит корнями в древнюю историю. Йоханнес Саар пишет о том, что свастика первоначально считалась у индуистов символом солнца, приносящим удачу, что еще римские легионеры приветствовали друг друга, выбрасывая вперед правую руку, что череп с костями – это знак Иоанна Богослова.

Опираясь на эти – в общем–то, широко известные – факты, автор статьи делает неожиданный поворот, утверждая, что эстонцы, сражавшиеся на стороне фашистов, на самом деле не только боролись за свободу Эстонии, но еще и защищали свою веру от «антихристианской коалиции». Точка зрения весьма спорная, но отнюдь не противозаконная. Однако формулировки автора – вроде «марать античные религиозные символы и знаки еврейско-большевистской клеветой и ложью является явным признаком невежества» – можно интерпретировать как разжигание межнациональной розни и ненависти, а это уже противоречит Конституции Эстонии. Правда, главному редактору газеты «Kesknadal» Аллану Алакула так не кажется. «По-моему, статья Йоханнеса Саара не разжигает межнациональную рознь, – утверждает журналист. – “Kesknadal” – это трибуна для свободного высказывания своего мнения». Тем не менее на просьбу дать свою профессиональную журналистскую оценку фразе «марать еврейско-большевистской клеветой и ложью» г-н Алакула ответил: «Я сам таких слов не употребляю ни письменно, ни устно».

С позицией главного редактора газеты, считающейся центристской, категорически не согласны председатель еврейской общины Эстонии Циля Лауд и главный раввин страны Шмуэл-Эфраим Кот. «Мне кажется, у всех нормальных людей в XXI веке, вне зависимости от того, в каких странах они проживают, свастика ассоциируется прежде всего с нацистской идеологией, – сказал Циля Лауд. – И никто не задумывается, что когда-то она была религиозным символом в индуизме. Всем памяты ужасы и преступления, совершенные в годы второй мировой войны не только в отношении евреев, но в отношении всех людей. И потому публикация подобной статьи просто постыдна. Хочется надеяться, что демократия не подразумевает вседозволенности».

Раввин Шмуэл-Эфраим Кот уверен, что статьей «Kesknadal» должны заняться правоохранительные органы. «Странно, что с такими статьями приходится сталкиваться не в какой-то маргинальной листовке, а в газете, считающей себя солидной, – недоумевает раввин. – Публикация подобной статьи кажется мне даже не антидемократичной, а неэтичной, ненормальной. Я не понимаю, где была журналистская и просто человеческая этика у того, кто допустил подобную публикацию. Вопросом о том, как могла появиться эта статья, должны заниматься не журналисты, а другие инстанции».

Y. Osei ai

Еврейская община Хабаровска при поддержке Федерации еврейских общин России приобрела здание для общеобразовательной школы. «При нашей общине, – рассказал раввин Хабаровска Яков Снетков, – работает еврейская школа и детский сад, но маленькие помещения, в которых находятся эти образовательные учреждения, не могут удовлетворить наши постоянно растущие нужды. Сейчас в новом здании школы площадью 3000 кв. м идет ремонт, а к 1 сентября 2005 года мы планируем перевести туда детский сад и еврейскую школу “Ор Авнер”».

י. זעט אײ

דאָס איז עב נױאַצאַן פֿאַר אַזײַט אַזײַט פֿאַר אַזײַט, נאָך עס זאָל אַ דאָס איז אַ נאָר אַ אַזײַט דאָס איז

В письме от 10 февраля глава Комитета по делам религий и национальностей при Совете министров Белоруссии Станислав Буко призвал бывшего председателя Объединения иудейских религиозных общин Белоруссии Эдуарда Парижа оформить передачу полномочий новому руководителю этой организации.

«В случае неисполнения Вами требований действующего законодательства, связанного со сложением полномочий руководителя юридического лица, Объединение иудейских общин в Республике Беларусь вправе разрешить сложившуюся ситуацию в установленном порядке», – говорится в письме С. Буко.

Смена руководства объединения произошла 9 января на внеочередном съезде. Пост председателя занял Владимир Малинкин. Тогда же были прекращены полномочия главного раввина Белоруссии Йосефа Грузмана, который, по словам нового руководителя, проводил «политику закрытой общины», до минимума сократив контакты с другими еврейскими организациями.

«Такая политика не отвечала интересам роста общины. Активистов не устраивал и авторитарный стиль руководства раввина Грузмана», – отметил В. Малинкин.

Между тем раввин Грузман выразил несогласие с решениями съезда, усомнившись в его легитимности.

В то же время правительственный Комитет по делам религий признал правомочность форума, в котором приняли участие представители всех 12 зарегистрированных еврейских общин Белоруссии. Его глава напомнил прежнему руководителю объединения, что решения съезда «обязательны для исполнения всеми членами и сотрудниками данной организации».

פֿאַר אַזײַט דאָס איז אַזײַט «פֿאַר אַזײַט»

ÀĚÀĀÍ ŪÉ ÐĀĀĀÈÍ ÐĪÑÑÈÈ ĀĀÐĚĚĀÇĀÐ:

Ī ÐĪ ÒĪ ĚĪĚ

3 марта встреча с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным в Кремле.

На встрече также присутствовал председатель правления Федерации еврейских общин России Александр Борода.

Президент поблагодарил главного раввина России за активное участие в организации январских мероприятий, посвященных 60-летию освобождения Советской Армией концлагеря в Освенциме.

В ходе беседы глава государства заявил, что не допустит распространения в России антисемитизма, экстремизма и ксенофобии. «Борьба с антисемитизмом и с проявлениями любых других крайних течений, любого экстремизма, любой ксенофобии, в том числе шовинизма, антирусских настроений, будет постоянно находиться в поле зрения официальных властей, правительства и президента», – отметил Владимир Путин.

Стороны затронули скандально известное «письмо 19-ти» – выступление членов Госдумы от фракций «Родина» и КПРФ с требованием запретить еврейские организации в России. «Письмо депутатов – очень тревожный знак, – подчеркнул раввин. – Я знаю, что руководство страны не поддерживает такого рода заявлений и большинство народа не разделяет подобных взглядов. Но при этом очень важно, чтобы была реакция власти на такие вылазки. Мы знаем, что подобные эксцессы происходят не только в России. Экстремисты везде действуют одинаково: совершают провокацию и ждут, какая на это будет реакция. Если реакции нет или она вялая – значит, они обязательно пойдут еще дальше. Во многих странах мира доказано: если не остановить экстремистов с самого начала – в конце концов они будут проливать кровь, будет террор».

Как отметил президент, «российская государственность изначально складывалась в условиях многоконфессиональности». «Это не просто древнейшая традиция России – межнациональный и межконфессиональный мир, – сказал он. – Симбиоз различных национальностей, этносов и религий и является Россией – в этом наша сила».

Раввин сообщил президенту Путину, что российская еврейская община в составе Федерации еврейских общин СНГ подписала соглашение с Американским еврейским конгрессом. «У них есть проблемы, у нас есть трудности, – отметил он. – Совместными усилиями мы сможем помочь стабильности в России, укреплению межнационального и межконфессионального согласия в стране и между нашими государствами».

Владимир Путин вспомнил свою недавно состоявшуюся встречу с руководителем Еврейской автономной области, который сообщил ему интересный факт: в 2004 году из области уехал 51 человек, а вернулись 104. «Я никак не буду комментировать этот факт, но мы должны обратить на него внимание», – сказал президент Путин.

Проблеме «профилактики» антисемитизма стороны уделили особое внимание. Раввин призвал руководителей государства активнее привлекать духовных лидеров для воспитания людей в духе толерантности: «Истинно верующие люди никогда не позволяют себе проявлять высокомерие и ненависть к ближнему, они относятся друг к другу с уважением и терпимостью. Религиозные лидеры накопили большой и полезный опыт, они всегда готовы помогать государству ради крепкой, стабильной России».

Эта идея нашла полную поддержку у президента страны.

представителей местных органов власти. А случается и так, что мутную волну антисемитизма поднимают те, кто вызывающе именуется себя “политическими лидерами” или “представителями общественной и духовной элиты”. Такова, к сожалению, ситуация сегодня в России». Леви Леваев выразил надежду, что подписанный меморандум «станет прочной основой для расширения сотрудничества ради успешного противостояния вызовам времени».

С приветственным словом обратился председатель АЕК Джек Розен. «Я родился в семье бывших узников нацистских лагерей, – рассказал он. – И печально наблюдать нынешние тенденции. Ветер переменился, и причины тому – 11 сентября в США, интифада в Израиле и события в России. Сегодня мы по-новому увидели, сколько опасностей таится в современном мире». Джек Розен отметил, что, понимая опасность терроризма в России и Израиле, важно строить сотрудничество с еврейскими организациями этих стран. «Американские еврейские общины много лет отстаивают свою свободу, – подчеркнул президент АЕК, – и особое значение в этом имеет сотрудничество с такими организациями, как ФЕО СНГ. Мы поняли, что один человек или группа, даже самая просвещенная и влиятельная, может достичь лишь ограниченного результата. Напротив, организации, которые выходят за свои географические границы, могут “сдвинуть горы”. Увы, несмотря на победу в войне с фашизмом, антисемитизм существует. Идет великая битва с экстремистскими силами».

В своей речи посол Израиля Аркади Мил-Ман выразил уверенность, что борьба с антисемитизмом станет приоритетным направлением в деятельности еврейских организаций, что «совместные усилия еврейских общин СНГ и США помогут привлечь к ответственности виновных в разжигании межрелигиозной розни и создать заслон против подобных действий в будущем». Посол отметил, что укрепление связей между еврейскими общинами СНГ и США полностью отвечает интересам государства Израиль.

Глава департамента посольства США Лори Шестак подчеркнула, что в год 60-летия Великой Победы, когда президенты России и США встретились в Братиславе, особенно важна борьба с ксенофобией и антисемитизмом.

В тот же день в пресс-клубе «РИА-Новости» состоялась пресс-конференция, посвященная подписанию меморандума. В ней участвовали президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, президент Американского еврейского конгресса Джек Розен, главный раввин России Берл Лазар, директор Департамента по связям с общественностью ФЕОР Борух Горин, директор по внешним связям АЕК Давид Тверский.

Открывая пресс-конференцию, Борух Горин отметил, что договор отражает новый этап развития еврейской общины СНГ в международном пространстве. Он пояснил, что еврейская община СНГ ориентируется именно на американскую модель развития общины, ибо та, в отличие от дореволюционной российской модели, лучше всего отражает тенденции современного мира. Президент АЕК Джек Розен выразил удовлетворение процессом возрождения еврейских общин России и СНГ, который обеспечивает евреям свободу исповедания иудаизма и свободу выражения гражданской позиции. При этом он выразил озабоченность в связи с ростом антисемитизма в современном мире: «Многие евреи Западной Европы чувствуют сегодня возрастание антисемитских настроений, а некоторые вынуждены покидать страны, в которых живут. С подписанием меморандума мы надеемся объединить усилия наших организаций для обеспечения свободного развития евреев в различных странах, в том числе в Израиле».

Президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев подчеркнул, что договор подписан с ведущей еврейской организацией США, которая существует более 80 лет и у которой накоплен огромный опыт борьбы с антисемитизмом.

Состоялся также ряд совместных встреч лидеров Американского еврейского конгресса и российской еврейской общины.

Так, 1 марта состоялась встреча Джека Розена с министром культуры Российской Федерации Александром Соколовым, в которой также приняли участие президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев и главный раввин России Берл Лазар. Стороны отметили важность совместных культурных и воспитательных программ в контексте борьбы с ксенофобией и антисемитизмом.

Российский министр дал высокую оценку сотрудничеству своего ведомства с еврейской общиной. Он подчеркнул, что проекты, осуществляемые совместно, являются одним из способов воспитания молодого поколения в духе нетерпимости к антисемитизму и ксенофобии.

Президент ФЕО СНГ Леви Леваев отметил: именно со школы начинается путь человека к добру или злу. Негативным примером может служить воспитание целого поколения террористов в палестинских школах, где учебники призывают детей к ненависти и джихаду. Отвечая на вопрос президента АЕК Джека Розена о состоянии взаимоотношений с российской мусульманской общиной, Александр Соколов подчеркнул, что, в отличие от большинства стран, в России сложились добрые отношения между всеми традиционными религиями, в том числе между евреями и мусульманами. Вместе с тем он добавил, что, к сожалению, в Россию удалось проникнуть проповедникам экстремистского, ваххабитского ислама, которые пытаются навязать свои взгляды местным мусульманам. Государственная власть и сама мусульманская община ведут активную борьбу с распространением ваххабизма, но до победы еще далеко.

2 марта делегация Всемирного еврейского совета во главе с Джеком Розеном встретила с главой российских мусульман муфтием Равилем Гайнутдином. Встреча прошла в резиденции муфтия на севере столицы, в ней также приняли участие главный раввин России Берл Лазар и президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев. В ходе продолжительной беседы, прошедшей в обстановке теплоты и искренности, обсуждался комплекс проблем еврейско-мусульманских отношений.

Гостей из Америки особо интересовал опыт сотрудничества евреев и мусульман, накопленный в многоконфессиональной России, который Джек Розен назвал уникальным и не имеющим прецедента в новейшей истории. Муфтий Гайнутдин отметил, что в России, со времен Империи, представители различных религиозных групп жили бок о бок, и народная мудрость помогла им выработать многообразные формы сотрудничества. В эпоху господства воинствующих атеистов верующие вынуждены были вместе отстаивать свои интересы, что также способствовало созданию атмосферы взаимного доверия. Леви Леваев рассказал в этой связи о своем детстве, проведенном в Узбекистане, и о том, как евреи и мусульмане-узбеки вместе делили радости и горе.

Главный раввин России Берл Лазар предложил Джеку Розену пригласить муфтия Гайнутдина в США, чтобы он мог представить в этой стране тип умеренного и конструктивного ислама, отвергающего экстремизм и живущего в мире с представителями других народов и вероисповеданий.

Стороны обсудили также ситуацию на Ближнем Востоке. Муфтий Гайнутдин подчеркнул, что мусульмане России полностью поддерживают право еврейского государства на мирное и безопасное существование на Ближнем Востоке, отвергают терроризм и убеждены, что все существующие проблемы нужно решать только в рамках переговорного процесса.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ

עִי וְיָדֵינוּ אֶתְּנוּ לְיְיָ אֱלֹהֵינוּ

יְנוֹדֵי נְעֵאָה סְעִי עֵוִי עֵעֵ אִוָּאִוּ עֶסֶ אִוּ עִוָּאֵעִי

Á ííáíí ó-ááííí ááó á íóíááí í ó ýñóííííééó óéíé áóááó áééþ-áíí èç-áíéá ýéáí áí óíá ááóéíéíé áééééé. Óáéíá ááóáíéá í óéí ýéí í éí éíóááíó áí í áááçíááí éý íóóáí ú.

До принятия этого решения при участии раввината Эстонии была подготовлена необходимая методическая литература.

«Эстонские школьники по-другому взглянут на евреев и иудаизм», – считает главный раввин этой прибалтийской республики Шмуэл-Эфраим Ког. По его мнению, «решение министерства образования об изучении элементов еврейской традиции в государственных школах стоит намного больше, чем заверения некоторых политиков начать борьбу с ксенофобией и антисемитизмом».

«עִוָּאֵעִי»

28 февраля на 58-м году жизни скончался председатель еврейской общины Иркутской области Владимир Пупко.

До 1990 года Владимир Борисович занимал пост заместителя генерального директора слюдяной фабрики. Вместе с семьей он переехал в Израиль, однако спустя 12 лет вернулся в Иркутск. С апреля 2003 года Владимир Пупко стал председателем еврейской общины Иркутской области в составе ФЕОР, а в августе 2004 года возглавил единую общину Иркутской области.

В последнее время Владимир Пупко много времени и сил уделял ремонту и реконструкции здания синагоги.

ΑΙΔΟΥ ΑΙΔΕΙ:

«ΝΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΘΑΙ Ε ΑΙ ΑΙ ΔΕΘΟΥ ΙΑ Ι ΧΑΙ ΙΙ Ε Ι Α Ι ΠΑΑΝΘΑΑΕΒΡ ΟΘΟΝΝΕΤΑ ΙΑΥΑΝΘΑΙ»

Πηρέερα ΝΙ Ε ΙΘΑΙΕΑΡΟ ΕΙ Ι ΑΙ ΟΕΘΑΑΟΥ ΠΕΘΑΟΕΡ, ΠΕΓΑΕΑΘΡΗΥ Α ΠΟΔΑΙ Α ΔΑΡΕΥΘΑΘΑ ΙΘΑΕΕΑΘΕΕ ΑΙ ΟΕΤΑΙ ΕΘΕΤΑ «ΙΕΠΗ Α 19 ΕΑΙΤΑ ΑΠΚΑΑΘΟΑΑΙΤΕ ΑΘΙ Υ». 18 ΘΑΑΔΕΥ ΙΙΘΕΘΡ ΑΑΔΑΕΤΕ ΓΑΥΕΙΥ ΙΘΕΤΙ Ι ΑΙ ΟΕΘΑΑΕ ΔΕΓΑΓΑΕΘΑΕΥ ΑΑΙ ΑΘΑΙ ΑΙ ΘΑ ΓΑΥΑΠΘΑΑΙ ΥΘ ΠΥΥΑΕ ΘΑΙ ΠΑΙΘΟ ΑΙΘΕΙ Α ΕΙΘΑΑΡ ΕΙΘΘ ΑΘΕΤΙ ΥΙ ΑΑΙ ΘΘΑΑΙ «ΕΙΘΑΘΑΕΤ» Ε ΑΑΙ.

– Почему, по вашему мнению, появилось это письмо? И почему оно появилось именно сейчас?

– Версий много, думаю, что, как всегда, причин сразу несколько. Полагаю, что достаточно упомянуть три главные. Первое: эти господа, будучи публичными политиками, захотели привлечь к себе внимание, устроив скандал. Судя по всему, эта попытка не слишком удалась, недаром они сразу же «дали задний ход», отозвали письмо в прокуратуру, большинство отозвало и свои подписи.

Вторая причина – неправильная оценка ситуации. По какой-то причине эти люди решили, что именно сейчас пришло время разыграть антисемитскую карту: мол, власть поймет и «приголубит». В этом они, к счастью, тоже ошиблись.

Наконец, третья причина – третья по порядку, но не по значимости – проблемы на психиатрическом уровне. Обычная паранойя. Господа «подписанты» в большинстве своем искренне верят в ахиною, которую несут. Они ненавидят евреев, боятся евреев, подозревают евреев в коварных умыслах... Симптомы маниакально-депрессивного психоза, мания преследования: страх перед окружающим миром сублимируется в образе «чужого», в данном случае еврея. Кто-то говорит, что коварные происки затевают пришельцы с летающей тарелки... Это явления одного порядка.

– Авторы пресловутого письма и в самом тексте, и в телевизионном ток-шоу Владимира Познера призывают к открытой дискуссии между евреями и русскими по вопросам иудаизма. Они утверждают, что надо разъяснять русским содержание еврейских религиозных книг, поскольку некоторые их положения могут быть восприняты неоднозначно. Что вы об этом думаете?

– Дискуссия о тех или иных положениях веры возможна только между специалистами. Предлагать «дискуссию между евреями и русскими» о Талмуде или книге «Шулхан Орух» – всё равно что организовать публичную полемику литературоведа и историка о проблемах высшей математики. Это первое.

Второе. Поскольку эти господа предлагают самих себя в качестве одной из сторон в таких дискуссиях, сразу должен заметить, что с ними нам говорить не о чем. Для нас они ни в коей мере не представляют русское общество. Их письмо, их выступления по телевидению наносят куда больший ущерб русскому народу и российскому государству, чем евреям.

Третье. Дискутировать с людьми, живущими в средних веках – с верой в кровавый навет, в ритуальные убийства, в то, что евреи изобрели СПИД, – воля ваша, как-то непристойно. Если вы видите, что перед вами шизофреник, – не надо с ним спорить, вызовите врача!

– Тогда вопрос вне всякой связи с предложением «дискуссии о вере». Россия – страна многоконфессиональная. Евреи имеют тысячелетний опыт жизни среди других народов, среди людей разных вероисповеданий, и этот вопрос в еврейской традиции разработан, наверное, более подробно, чем у других народов. Что, на ваш взгляд, из этой традиции применимо к сегодняшней жизни в России? Что должно быть взято на вооружение государством?

– Прежде всего хочу пояснить одну важную вещь. Иноверцы, верящие в Б-га Единого, в еврейской традиции называются «гоим» – в буквальном переводе «народы». На «гоим» распространяются 7 заповедей сыновей Ноя – «не убий», «не укради» и т. д. Если нееврей выполняет эти 7 заповедей, он является праведником и ему уготована доля в мире грядущем. Если он не выполняет хотя бы одной из этих 7 заповедей, он преступник, и отношение к нему соответственное.

С евреями все сложнее. Еврею, чтобы стать праведником, нужно соблюдать не 7, а 613 заповедей, перечисленных в Торе. Так решил Б-г.

Вообще, в отличие от большинства других религий, иудаизм считает, что Б-г дал каждому народу свою миссию. Поэтому мы не стремимся привлекать других людей к нашей вере. Чтобы принять иудаизм, человек должен долго учиться; обычно этот процесс длится годы. Мы считаем, что каждый народ, верующий в Б-га Единого, выполняет то, что ему заповедал Б-г. Для этого он должен сохранять свою веру, а не переходить в другую. Соответственно, каждый человек должен придерживаться традиций своего народа, своих предков, своей религии.

– Но как установления еврейства согласуются с законами современного демократического общества, светского в своей основе?

– Для евреев жизнь в светском обществе определяется двумя основополагающими позициями. Первая в Талмуде формулируется так: «Закон государства – закон». Иными словами, верующий еврей обязан соблюдать законы светского государства. В демократическом государстве это осуществить несложно, поскольку оно не покушается на право человека исповедовать свою веру, придерживаться обычаев своих предков.

Вторая позиция отражена в Талмуде в виде следующей формулы: «Учись не из книг, а от книжников». Это значит, что еврейские законы, которые необходимо соблюдать, живя в любом государстве, не следует устанавливать для себя самостоятельно, произвольно толкуя слова книг. Познавать законы, учиться жить в обществе можно только с помощью учителя, который растолкует тебе, что в действительности имели в виду мудрецы Талмуда, как в нынешних условиях соблюдать те или иные заповеди Торы и каково значение того или иного абзаца в «Шулхан Орух». Это, кстати, возвращает нас к пресловутому «письму 19-ти»: если люди начинают читать законы другого народа, ничего толком не зная о его обычаях, вере, истории, – они наверняка сделают из текста самые нелепые выводы.

– Тогда как вы относитесь к тому, что инициаторов «письма 19-ти» и других откровенных юдофобов приглашают выступать по телевидению в прайм-тайм, в самые престижные общественно-политические программы?

– Это та самая ошибка, которая хуже, чем преступление. Боюсь, причина в недостатке журналистского профессионализма. В западных демократиях таких господ первым делом отлучают от микрофона и телеэкрана. К западной журналистике можно предъявлять много претензий, но одну вещь там хорошо знает любой ведущий. Не приглашайте в эфир экстремиста! Не давайте микрофон психопату! Экстремист и психопат легко завоевывают аудиторию, потому что у них нет тормозов, потому что они не думают, не рассуждают, но зато беззаветно верят в то, что говорят. Они напрямую воздействуют на «подкорку» аудитории. Вспомните Гитлера – психопатическая натура, а как «забил» толпу!

На Западе любой уважающий себя журналист воздержится от приглашения подобной публики в студию. Там заботятся не просто о процентах рейтинга, но еще и о собственном профессиональном престиже. Надеюсь, что и у нас серьезные журналисты со временем до этого дорастут.

– А как же свобода слова?

– Свобода слова предполагает ответственность и тех, кто говорит, и тех, кто распространяет сказанное. В этом контексте меня больше беспокоят не ошибки журналистов, а ситуация с самими господами антисемитами. Это страшно, что значительная группа политиков имеет возможность легально излагать экстремистские взгляды, призывать к национальной и религиозной ненависти, клеветать на целый народ – и при этом пользоваться полнейшей безнаказанностью.

– Последний вопрос. Публикация «письма 19-ти» вызвала волну откликов на Западе – как в прессе, так и среди политиков. Почти все они сводятся к тому, что в Россию возвращается государственный антисемитизм. Ваше мнение?

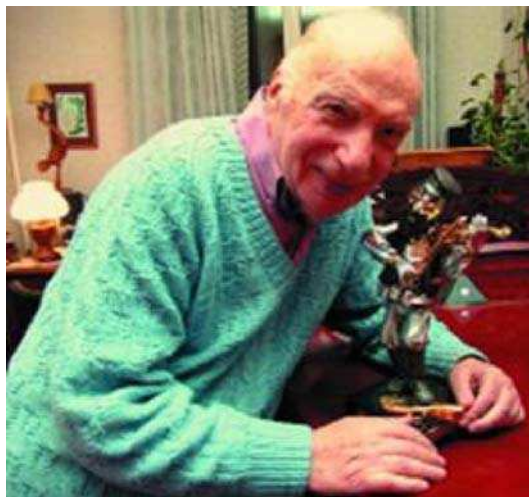
– Никакого государственного антисемитизма нет. «Письмо 19-ти» – по большому счету документ антигосударственный. Его подписали представители левой оппозиции, целящиеся вовсе не в сравнительно небольшую еврейскую общину – всё-таки большинство евреев из-за советского

государственного антисемитизма наша страна, к сожалению, потеряла. Целят они во власть. К сожалению, как раз в этом они, судя по реакции ведущих демократических стран, добились своей цели.

У власти в России стоят люди разумные. Они понимают, какой урон российской государственности наносят политиканствующие антисемиты. Но, к сожалению, пока власть то ли не слишком оценила уровень угрозы, то ли не слишком хорошо себе представляет, как эту угрозу отразить. Позволю себе не согласиться с позицией, озвученной Генеральным прокурором, что, дескать, «его не трогай, оно вонять не будет». К сожалению, оно пахнет всё сильнее и всё более омерзительно. Думаю, в нынешних условиях «борьбы за чистоту» лучше позвать дворника, чтобы взял «это» на лопату и выбросил в выгребную яму.

С ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКОЙ В ДУШЕ

*18 באבאעו אלארביא און עיני יתעוידו לראובו ראשיני אלו עמיתעעלין 84 אײן. א
י עי אלוני אײו יי איע אײנוני יי-אוי יע ידני עע ראבאראעע אדאיעעו ראיעי מייעע «חאליאע אײן».
י און די יו אאווע יא אײ דיני עי אדאני יי אאי אא אײ.*

– Недавно вы были признаны ФЕОР «Человеком года» в номинации «Человек-легенда». Насколько важна была для вас эта награда?

– Чтобы ответить на этот вопрос, придется вернуться на много лет назад. Я родился в 1921 году в Одессе. Часто говорю об этом, и все журналисты бывают этим очень довольны, потому что Одесса – замечательный город, не похожий ни на какой другой, и слава о нем идет по всему миру. А когда я говорю, на какой улице я родился – а это произошло на Малой Арнаутской, – журналисты радуются еще больше. Потому что это замечательная улица, известная во всем мире. Одесса – музыкальный город. Он музыкален, как никакой другой город на свете.

С первого дня жизни я оказался в русско-еврейской среде. Во дворе моего дома на Малой Арнаутской была синагога. Дед и бабушка иногда брали меня с собой в синагогу, и еврейская музыка вошла в мою душу, она для меня была частью культуры, которую получает ребенок от рождения. Еврейская музыка не стала для меня внезапным открытием. Я жил с еврейской музыкой.

Мои дедушка и бабушка напевали еврейские песни. Поэтому во время войны, когда Еврейский белорусский театр, находившийся в эвакуации в Новосибирске, заказал мне еврейскую музыку к спектаклям, мне не нужно было никакой специальной подготовки – музыка была у меня в голове как наследство от бабушки и дедушки.

Я очень серьезно занимаюсь еврейской музыкой. Я написал не одну, не две, а несколько циклов песен. Когда я пишу еврейскую музыку, я слышу свой язык, свою интонацию, мне не нужно приспособливаться...

В последнее время я получил очень много званий и наград, иногда даже бывает неловко – не знаю, заслуживаю ли... Но награда «Человек года», которую я получил в номинации «Человек-легенда», стала для меня огромным событием в жизни. И теперь статуэтка «Скрипач на крыше» стоит в моем кабинете на рояле и олицетворяет не только мою работу в музыке, но и всю мою жизнь...

– Если позволите, Оскар Борисович, снова вернемся на много лет назад. Вы были одним из тех маленьких одесских мальчиков, которых водили к легендарному Столярскому...

– Все одесские дети должны были пройти «музыкальный контроль»: очень многие из них рождаются музыкально одаренными, многие становятся вундеркиндами, и многие выбирают своей профессией музыку.

Я не отличался от других, и в пять лет меня повели к знаменитому профессору Столярскому, который учил детей играть на скрипке, чтобы он определил, есть у меня слух или нет. Он мне что-то такое поиграл, я попел, и Столярский сказал: «С этим мальчиком я буду заниматься».

Знаете, сколько я у него занимался? Две недели. Потом я пришел к нему и сказал: «Петр Соломонович, я у вас больше учиться не хочу». Он сказал: «Мальчик, что такое? Я плохо тебя учу?» «Знаете, я не хочу играть стоя, хочу играть сидя», – ответил я. И он сказал маме: «Мадам Фельцман, отведите его к Берте Михайловне Рейнвальд, она будет учить его играть на рояле». Она была знаменитым профессором, у нее учился Гилельс. Я до сих пор поражен, как это в детстве сообразил, что мне нужно играть именно на рояле. Ведь я уже в шесть лет начал писать музыку: написал небольшую пьесу «Осень». А музыку надо писать, владея роялем.

Я окончил школу имени Столярского, в 1939 году приехал в Москву и лучше всех выдержал экзамен в консерваторию по классу композиции... А в 1941 году началась война. Меня отправили в Новосибирск и сделали ответственным секретарем Союза композиторов. И я до сих пор благодарен нашему правительству, что оно сохранило мне жизнь, поняв, что я ценен для музыки...

– Вы достаточно поздно начали писать песни...

– Обычно начинают с песен, а потом переходят к более серьезным жанрам. А у меня всё было по-другому: я начал писать оперетты еще в Новосибирске. В Москве я пришел в Театр оперетты, и меня там встретили, как родного....

Моей первой настоящей песней был «Теплоход» на стихи Драгунского и Давидовича. Я показал ее товарищам, и они посоветовали дать ее Утесову. Утесов сказал: «Через две недели вы будете слышать эту песню по всем радиостанциям». Так оно и произошло. И сегодня она звучит с той же силой. После «Теплохода» я почувствовал вкус к сочинению песен и начал общаться с большими мастерами – Блантером, Соловьевым-Седым, Дунаевским... Недавно меня спросили: «Сколько вы написали песен?» Я ответил, что не считал, наверное, несколько сотен. А оказалось – около полутора тысяч. Среди них «Черное море», «Венок Дуная», «На тебе сошелся клином белый свет», «Я верю, друзья, караваны ракет...» Это лишь незначительная часть «песенного хозяйства», которое я создал.

– Вы работали со многими известными поэтами. Сотрудничество с кем из них вам запомнилось больше всего?

– Я очень счастливый человек. На протяжении жизни я работал с самыми выдающимися поэтами нашей страны – Долматовским, Рождественским, Матусовским, Ошаниным... Не могу сказать, с кем мне лучше работалось, но Роберт Рождественский для меня стоит особняком. Я, наверное, больше всего песен написал, работая с ним. Мы понимали друг друга – трудно представить себе, что это может быть повторено. Понимаете, это было совершенно по-особому... Сами посудите – я написал с ним «Огромное небо», «Балладу о красках», «Балладу о знамени», «Старые слова», написал несколько мюзиклов. Как он понимал сцену, театр... Трудно найти второго такого поэта!

– Среди ваших произведений есть песни, записанные на диск «Еврейское счастье». Как они создавались?

– У них действительно своя история. В Москве проходит фестиваль имени Михоэлса, а в его рамках – международный конкурс песни. На одном из таких мероприятий замечательное трио «Мазл тов» из Екатеринбурга исполняло импровизации на темы 12 моих еврейских мелодий. Музыканты сделали из них целый венок. Потом на их основе выпустили диск. Этот диск я назвал «Еврейское счастье», потому что еврейское счастье, как и вся еврейская жизнь: и грусть, и драма, и веселье, и шутка. Всё это вместе – еврейское счастье.

– Вы присутствовали на открытии выставки Шагала в Нью-Йорке...

– Вы просто всё обо мне знаете! Откуда? Одним из самых ярких событий в жизни стало для меня посещение выставки, посвященной Марку Шагалу, в Центральном еврейском музее Нью-Йорка. Мне предложили поехать на эту выставку со своими песнями – а у меня их к тому времени было уже немало написано. Я полетел в Нью-Йорк. Там под мою музыку шел просмотр картин. Люди воспринимали

живопись Шагала вместе с моей музыкой. И это лишний раз говорило мне о единстве моей души и еврейской музыки, еврейской культуры.

Я должен вам сказать, там, на Бродвее, заинтересовались и спросили меня, хотел бы я написать для них музыку... Я сказал, что хотел бы, но на еврейском материале. Мне предложили написать сюжет. И я написал заявку на сценарий с названием «Где живет Б-г?». Суть в том, что человечество ищет, где живет Б-г. А оказывается, что Б-г живет в каждом хорошем человеке, в каждой возвышенной душе. Вот что я придумал. Я создал уже 12 музыкальных номеров, стихи к ним написал Юрий Гарин, очень одаренный поэт, который живет и в России, и в Израиле, очень хорошо знает еврейскую культуру. Сейчас работа над мюзиклом временно приостановлена, но уже записано около часа музыки с Большим симфоническим оркестром.

– И последний вопрос. Вы являетесь членом Общественного совета ФЕОР. Как вы, при вашей занятости, при том, насколько вы погружены в творчество, находите для этого время?

– Когда меня выбрали в Совет, это стало очень большим событием. Должен сказать, когда я иду на заседание Совета, всегда нахожусь в приподнятом настроении. Мне близки те вопросы, которые там решаются и обсуждаются, и те люди, которые рядом со мною находятся.

Как у меня хватает времени? У меня хватает времени. Если бы сказали: «Или пиши музыку, или иди на Совет», я бы не ответил: «Нет, на Совет я не пойду, я буду сидеть и писать музыку». Я сделал бы так, чтобы и на Совет пойти, и музыку писать.

Я беру на себя смелость сказать: очень хорошие и душевные отношения у меня сложились с главным раввином России Берлом Лазаром. Душевные не потому, что он занимает высокий пост, а потому, что он очень душевный человек. И никто нас специально не сближал. Но моя музыка и его размышления о жизни – не только еврейской жизни, но и вообще о жизни, которой мы живем, – сделали так, что он стал одним из близких моих друзей. Поэтому мое участие в Совете и моя дружба с раввином Лазаром неразделимы.

А. Ашвадтзи

ГРАЖДАНИН МИРА С ЕВРЕЙСКИМИ КОРНЯМИ

Геннадий Ман

Он родился в 1956 году в Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1977 году уехал в Израиль, окончил Академию художеств и дизайна в Иерусалиме. Был призван в армию, воевал в Ливане. В 1986 году женился и переехал в Германию. Открыл свой бизнес, участвовал в создании нескольких предприятий. Работал в Японии. В 1995 году создал компанию с представительствами в 12 странах мира. В настоящее время его компания GMA-Logistik GmbH – одна из очень успешных в Германии. С 2003 года активно работает на Украине.

«Германия, к сожалению, имеет имидж страны, из которой вышел фашизм и концлагеря, – сказал Геннадий Ман, отвечая на вопросы корреспондентов. – Но еврей, живущий в этой стране сегодня, считает, что всё это было давно, стало частью истории Германии. Он не позволит это забыть, но насчет своей судьбы он спокоен. Я думаю, что правых радикалов в Германии не больше, чем в Австрии, Франции или Швейцарии. Просто здесь к этому относятся более чувствительно».

Новый глава европейской секции ВКРЕ подчеркнул: несмотря на то что «бояться сегодня евреям Германии нечего, нужно всегда быть начеку, открыто говорить на эти темы, чтобы политики имели возможность защитить нас от возникающих проблем». По его словам, Центральный совет евреев в Германии активно выступает против каждого антисемитского инцидента.

Геннадий Ман отметил, что в уставе Конгресса записаны два очень важных пункта: первый – это поддержка Израйля; второй – помощь евреям в интеграции.

«Наши ближайшие планы, – отметил он, – это подготовка и проведение мероприятий к 60-летию окончания войны. Мы планируем провести гала-вечер для ветеранов, где вспомним тех, кто воевал, кто погиб, поблагодарим их за вклад в создание демократического общества, в котором сейчас живем. Я считаю, что очень важно сделать акцент на этом именно в Германии».

Геннадий Ман намерен провести рабочие встречи с коллегами в европейских странах и выработать стратегию развития Конгресса, понять, чем и как можно помочь нашим соотечественникам; определить конкретные шаги, чтобы потом обсудить их на Всемирном конгрессе в Москве.

Говоря о помощи европейской секции ВКРЕ в интеграции молодежи, он заметил:

«Мы должны быть очень осторожны, чтобы не создавать русское гетто. Мы можем знакомить молодежь с некоторыми аспектами русской еврейской культуры, но во всем остальном они должны быть интегрированы в мировое еврейство, а не в русское. Они должны быть в первую очередь гражданами мира, но при этом не забывать о своих корнях».

ААГ

НАШИ АПРЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ **2 АПРЕЛЯ**

70 *עֵאֹד מִן אִיּוֹ דִּלְעֵאִילֵיךְ* филолога, гebraиста, члена Американской академии искусств и наук, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области библеистики **Роберта Алтера** (Alter; р. 1935, Нью-Йорк).

50 *עֵאֹד מִן אִיּוֹ דִּלְעֵאִילֵיךְ* тележурналиста, политического комментатора, председателя ВГТРК **Николая Карловича Сванидзе** (р. 1955, Москва).

3 АПРЕЛЯ

70 *עֵאֹד מִן אִיּוֹ דִּלְעֵאִילֵיךְ* нейрофизиолога, члена Американской академии искусств и наук, профессора Иллинойского и Южно-Флоридского университетов, автора работ в области измерения мозговой активности **Эмануэла Дончина** (Donchin; р. 1935, Тель-Авив).

70 *עֵאֹד מִן אִיּוֹ דִּלְעֵאִילֵיךְ* поэта, автора мюзиклов «Чикаго» (премия «Оскар» за лучшую песню к фильму 2002 года), «Нью-Йорк, Нью-Йорк», песен к фильмам «Странная девчонка» (премия «Оскар» за лучшую песню к фильму 1975 года), «Кабаре» и др. **Фреда Эбба** (Ebb; 1935 – 2004, Нью-Йорк).

6 АПРЕЛЯ

85 ёаò ì ãÿ ðæááíéÿ актрисы Национального театра Латвии, народной артистки СССР, лауреата двух Государственных премий СССР **Лидии Эдуардовны Фреймане** (Фрейман, наст. фам. Пастернак; р. 1920, с. Дунелушены, Румыния).

7 АПРЕЛЯ

90 ёаò ì ãÿ ðæááíéÿ экономиста, члена Национальной АН США, профессора Йельского и Гарвардского университетов, Института перспективных исследований в Принстоне, автора работ в области экономик стран Латинской Америки и Западной Европы **Альберта Оскара Гиршмана** (Hirschman; р. 1915, Берлин).

8 АПРЕЛЯ

135 ёаò ì ãÿ ðæááíéÿ микробиолога, ученика И. И. Мечникова, профессора Пастеровского института в Париже, разработавшего метод профилактики анафилактического шока при сывороточном лечении, способ местной иммунизации, **Александра Михайловича Безредки** (Besredka; 1870, Одесса – 1940, Париж).

13 АПРЕЛЯ

70 ёаò ì ãÿ ðæááíéÿ литературоведа и переводчика, академика РАН, автора работ в области классической филологии и стиховедения, переводчика античных поэтов и баснописцев, лауреата Государственной премии РФ **Михаила Леоновича Гаспарова** (р. 1935, Москва).

100 ёаò ì ã äü ðæääíëü астрофизика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области рентгеновской астрономии, лауреата Национальной научной премии США **Бруно Росси** (Rossi; 1905, Венеция – 1993, Кембридж).

15 АПРЕЛЯ

140 ёаò ì ã äü ðæääíëü этнографа, писателя, профессора ленинградских вузов, одного из зачинателей изучения народов Севера, создателя письменности для них **Владимира Германовича Богораза** (наст. имя Натан Менделевич, псевдонимы Н. А. Тан, В. Г. Тан; 1865, Овруч Волынской губ. – 1936, по пути в Ростов-на-Дону).

17 АПРЕЛЯ

80 ёаò ì ã äü ðæääíëü генетика, члена Национальной АН США и Лондонского королевского общества, профессора Станфордского университета, продемонстрировавшего координатность гена и белковых структур, **Чарлза Янофски** (Yanofsky; р. 1925, Нью-Йорк).

18 АПРЕЛЯ

60 ёаò ì ã äü ðæääíëü математика, члена АН Израиля, Национальной АН США, профессора Мэрилендского, Гарвардского, Принстонского и Тель-Авивского университетов, автора работ в области алгебраической геометрии, теории представлений, теории чисел и др., лауреата Государственной премии Израиля **Йосефа Бернштейна** (Bernstein; р. 1945, Москва).

60 ёаò ì ã äü æääèè Героя Советского Союза капитана **Натана Михайловича Полюсука** (1922, Ростов-на-Дону – 1945, Костшин, Польша).

55 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* пианиста, народного артиста РФ, профессора Петербургской консерватории **Григория Липмановича Соколова** (р. 1950, Ленинград).

70 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* иммунолога, члена Национальной АН США, профессора Гарвардского университета, автора работ в области клинической иммунологии **Стьюарта Шлоссмана** (Schlossman; р. 1935, Нью-Йорк).

75 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* писателя, историка, исследователя общественного и культурного движения, истории вольномыслия в России XVIII–XIX вв., автора книг «Луни», «Герцен против самодержавия», «Пушкин и декабристы», «Грань веков», «Последний летописец», «Быть может, за хребтом Кавказа» и др. **Натана Яковлевича Эйдельмана** (1930–1989, Москва).

19 АПРЕЛЯ

140 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* политического деятеля, публициста, одного из создателей «Союза русских социалистов-революционеров за границей», партии эсеров и Социалистической еврейской партии (СЕРП), отстаивавшего идею всемирного союза трудящихся-евреев, автора работ «Еврей к евреям», «Социализм и национальный вопрос» и др. **Хайма Иосифовича Житловского** (1865, Ушач Витебской губ. – 1943, Калгари, Канада).

20 АПРЕЛЯ

90 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* физика, члена Национальной АН США и Нидерландской королевской АН, профессора Окриджского университета, директора Окриджской национальной лаборатории по атомной энергии, основателя и директора

Окриджского института энергетического анализа, автора работ в области ядерных реакций **Алвина Вайнберга** (Weinberg; р. 1915, Чикаго).

375 *éàò ìí áíŷ ìí àðòé* (11 нисана) общественного деятеля, раввина Франкфурта-на-Майне, Праги, ряда городов в Эрец-Исроэл, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, кабалиста, автора трудов «Шней лухойс а-брис» («Две скрижали завета»), «Шаар а-шомаим» («Врата небес») и др. **рабби Иешай Горовица** (Шело; ок. 1560–1630, Тверия).

735 *éàò ìí áíŷ ìí àðòé* (11 нисана) комментатора Торы, законо-учителя, талмудиста, кабалиста, философа, поэта, врача, автора трудов «Сейфер а-викуах» («Книга о диспуте»), «Сейфер а-геула» («Книга избавления»), респонсов и др. **рабби Моше бен Нахмана** (Рамбан, Нахманид; 1194, Жерона, Каталония – 1270, Акко).

24 АПРЕЛЯ

50 *éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ* баскетболиста, обладателя золотой олимпийской медали 1976 года **Эрнеста Гранфельда** (Grunfeld; р. 1955, Сату-Маре, Румыния).

26 АПРЕЛЯ

80 *éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ* экономиста, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского, Гарвардского и Кембриджского университетов, Массачусетского технологического института, автора работ в области математической экономики, теории экономического роста и др. **Франка Хана** (Hahn; р. 1925).

28 АПРЕЛЯ

80 *éàò ìí áíŷ ðíæááíéŷ* биохимика, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области энзимологии **Джесси Рабиновица** (Rabinowitz; 1925, Нью-Йорк – 2003, Кенсингтон, США).

29 АПРЕЛЯ

90-летию со дня рождения физика, члена Национальной АН США, профессора Висконсинского университета, автора работ в области ядерной физики **Генри Германа Баршала** (Barschall; 1915, Берлин – 1997, Мадисон, США).

Семья Миллеров принадлежала к среднему классу и имела вполне приличный достаток. Но после фондового кризиса 1929 года Изадор Миллер потерял свой бизнес и большую часть сбережений, поэтому по окончании школы Артуру пришлось попробовать себя в самых разных профессиях: от певца на радио до водителя грузовика и клерка на складе автомобильных частей.

Затем он поступил в Мичиганский университет, где поначалу специализировался по журналистике, печатался в нескольких газетах и параллельно с этим пробовал себя в драматургии.

Стимулом его интереса к этому роду литературы служило посещение семинара профессора Кеннета Роу, который подробно разбирал со своими студентами пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена. Они произвели на Миллера неизгладимое впечатление и впоследствии оказали отчетливое влияние на его творчество.

После окончания университета в 1939 году Миллеру понадобилось лишь десять лет, чтобы подняться на вершину славы и стать легендой. Пулитцеровская премия – это самое большее, чего писатель мог добиться в Америке. До этой премии у Миллера был просто успех, теперь он стал огульным.

Каждая новая работа драматурга имела большой резонанс в литературном и театральном мире и активно воздействовала на зрителей. В пьесе «Суровое испытание», рассказывающей об одном из процессов над «салемскими ведьмами», явственно звучит намек на Америку начала 1950-х годов: Америку времен президента Эйзенхауэра и сенатора Джозефа Маккарти.

В дальнейшем Миллер отошел от прямолинейной «проблемности» своих ранних пьес, больше внимания уделяя вечным темам жизни, смерти и смысла человеческого существования.

Он был трижды женат: сначала на Мэри Грэйс Слэттери, затем на Мерилин Монро, принявшей ради него иудаизм. А в 1962 году женился на фотохудожнице Инге Морат, с которой прожил почти сорок лет. От этого брака у него появилась дочь Ребекка.

В некотором смысле жизнь Артура Миллера представляет собой воплощение Великой американской мечты, которую он так упорно развенчивал в своей «Смерти коммивояжера». Он добился всего, чего только мог желать: еврейский мальчик из Бруклина превратился в национальное достояние Америки.

Его жизнь была полной и насыщенной, а смерть – уважаемой и достойной.

יִשְׂרָאֵל אֲנִי אֵלֶיךָ

НАША АПРЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

В Ñ×ÈÒÀР ÑÁÁВ ÁÂÐÁÁÌ ...

Речь пойдет об интервью с Александром Городницким (№ 152). Высказывание г-на Городницкого о тех, в ком половина еврейской крови, я воспринял как личное оскорбление и оскорбление тех, у кого кто-либо из родителей нееврей. Баркашевцы называют нас «ублюдки-полукровки», для них мы евреи. Г-н Городницкий же говорит, что мы антисемиты. Это либо заведомая ложь, либо незнание Торы. Видимо, г-н Городницкий не знает, что жена Моисея была нееврейка. Я прошу меня извинить за резкие суждения, но мне много пришлось пережить и достается до сих пор. Моя мать еврейка, отец нееврей. Я на всю жизнь запомнил, как много лет назад, а было мне тогда 11 лет, во дворе у моей бабушки встретил меня пьяный сосед-хулиган и, схватив меня, поднял высоко над землей и заорал на весь двор: «Жидовская морда! Как я хвачу сейчас тебя об землю!» Весь двор, а были там взрослые здоровые люди, молчал. Спасла меня тогда моя бабушка, но удара в ухо я не избежал и после этого долго не слышал. Я бы мог привести массу примеров на эту тему. Судить по таким, как Жириновский и ему подобные, обо всех полуевреях и говорить на страницах еврейского журнала, что они антисемиты, – значит обманывать себя и вводить в заблуждение других евреев. Я с этим не согласен, всю жизнь, а мне слава Б-гу, 57 лет, я считаю себя евреем. Я могу общаться на идише и иврите. Тем более обидно слышать от еврея, что такие, как я, антисемиты. Вот, пожалуй, всё, чем я хотел поделиться с читателями «Лехаима». Буду рад, если получу ответ от читателей на страницах журнала.

А. Áèëüü óòäèíî, Í èæí èé Í îãñðîä

ΝΕΑΙΤΑ Ε΄ΑΕΟΪΤΑ

С удовольствием прочитал лаконичный эззерсис Михаила Горелика «Разговоры с Рейном» (№ 154). Тончайшее текстологическое чутье, вооруженное замечательным аналитическим инструментарием, позволило автору вполне убедительно, с «приправой» иронизированного юмора, раскрыть неадекватность Евгения Рейна в его ответах на вопросы, не беспокоит ли его бытующая вокруг нас юдофобия, не чувствует ли он себя чужим в своей стране и как вообще соотносит себя с еврейством, породившим его.

Именитый поэт, отвечавший на вопросы корреспондента, как бы обрисовал в своем лице портрет малосимпатичного и самодовольного эгоцентрика. Дело не в том, что ему безразлично и чуждо абсолютно всё еврейское, и не в том, что он исподволь выискивает и находит краски, выставяющие евреев либо на смех, либо на позор, и вовсе не в том, что он без лишней скромности аттестует себя «законным звеном русской культуры». На мой взгляд, суть представленного нам автопортрета Евгения Рейна заключена прежде всего в том, что он, будучи всецело сосредоточен на своей маститости, на своем даре стилиста и рассказчика, оказывается слеп и глух к происходящим вокруг него, в стране и в мире, угрожающим процессам, одинаково судьбоносным и для евреев, и для русских, да и для всего человечества... Хочется воздать должное такту и мастерству Михаила Горелика, сумевшего мягко и ненавязчиво показать нам этот портрет.

Было бы, кажется, логичным в завершение подобного эззерсиса задаться вопросом: в чем природа и корни такого эгоцентризма, такого самодовольства, заскоружлой неадекватности «художественного образа»? В том, что Евгений Рейн видит и ощущает себя исключительно русским («Я – абсолютно свой здесь человек»)? Или же в том, что он всё-таки еврей, только не хочет или не может этого осознать? Михаил Горелик, к его чести, не задается этим вопросом. Между тем многие из нас не отдают себе отчета, насколько абсурдна, непродуктивна и взрывоопасна сама по себе постановка подобных вопросов. Ведь это фактически не что иное, как попытка объяснить все наши свойства, многие наши проблемы и беды пресловутой этнической подоплекой. Увы, такого рода вопросы и радикальные, начиненные взрывчаткой ответы звучат ныне со всех сторон с нарастающей частотой и маниакальной непрекаемостью...

Νόσσεαί ε΄αί, Α΄. Ε΄αΐί τ΄αΐε΄ε, Ϊ τ΄ε΄αί

